

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
БОХТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ НОСИРА ХУСРАВА

На правах рукописи

МУРОДОВ ИСМОИЛ САИДОВИЧ

**Репрезентация глагольных форм перфекта в
английском и таджикском языках**

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических
наук, профессор
Джамшедов Парвонахон

Душанбе - 2018

Оглавление

Введение	3-11
Глава 1. История развития перфекта в лингвистике	12-28
1.1. <i>Теоретические предпосылки исследования перфекта в разноструктурных языках</i>	12-28
1.2. <i>Концепция темпоральности в классическом языкознании</i>	28-39
1.3. <i>Время—как грамматическая категория в языке</i>	39-67
1.4. <i>Перфект_ в системе видовременных форм таджикского и английского глагола</i>	67-85
Глава 2. Перфект в современном английском и таджикском языках	86-107
2.1. <i>Перфектный вид в современном таджикском языке</i>	86-107
2.2. <i>Перфектно-длительный вид в современном английском языке</i>	107-113
2.3. <i>Сравнительный анализ перфектного вида в современном английском и таджикском языках</i>	114-135
Заключение	136-140
списка использованной литературы.....	141-158

Введение

Актуальность исследования. Любой язык представляет собой постоянно меняющееся историческое явление. Это касается всех уровней языка: грамматики и лексики, фонетики и орфографии. Основная цель изучения истории языка состоит в объяснении сегодняшнего этапа его существования, позволяющем лучше понять его современные особенности. Структура построения временных форм в их связи с видом глагола указывает на то, что между ними недостаточно идентичности грамматического времени и представления о разделении настоящего времени. Термин перфект происходит от латинского слова *Perfectus*, что означает совершенный, то есть видовременная форма глагола (собственно перфект), которая обозначает состояние в настоящем как следствие предшествующего действия, изменения или действие, событие, состояние прошлого, чем-либо существенное для настоящего, анализируемое с точки зрения настоящего, вне отношения с иными факторами прошлого (акциональный перфект).

Перфект как особая глагольная форма (которая отличается от *аориста* и *имперфекта*) довольно широко распространенная в языках с сформированной системой глагольных грамматических показателей. Перфект часто встречается в древнегреческом, в современных скандинавских языках, в английском, испанском, персидском, хинди и в тюркских языках. Однако, его нет в латинском, в современном русском и славянском языках, в современном разговорном французском (где противопоставление аориста, или *passé simple*, и перфекта, или *passé composé*, также было утрачено и сохраняется в достаточном виде лишь в письменном языке) [16,124]. В следствии того, что в некоторых других языках отсутствует самостоятельная глагольная форма перфекта, данный факт ещё не означает, что перфектное значение в данном языке вообще не может быть передано просто для его выражения применяются иные глагольные формы или лексические средства, и вне контекста данные формы могут быть неоднозначны. К примеру,

английская глагольная форма прошедшего времени совершенного вида *has gone – баромада рафт* имеет возможность быть, в зависимости от контекста, как перфектной интерпретацией (*call later, Murod has gone – дертар занг занед, Мурод баромада рафт*) т.е. 'вышел из этой комнаты и сейчас здесь не находится'), так и неперфектной (*Last Monday Murod has gone out of the house at 10-o'clock in the morning - ҳафтаи гузашта, рӯзи душанбе, соати даҳи субҳ, Мурод аз хона баромада рафт* – сообщается исключительно о некотором факте в прошлом, но не о ситуации в настоящий момент).

Элементарный метод выражения перфекта – это аналитический, т.е. посредством конструкции, которая состоит из той или иной формы основного глагола (причастия или деепричастия) и собственно перфектного показателя (чаще всего это вспомогательный глагол *to be - будан* или *to have - доштан* в форме настоящего времени). Нечасто встречается синтетический перфект с особыми морфологическими показателями (например, суффиксами или редупликацией, как в древнегреческом). Диахронически аналитические формы могут эволюционировать в синтетические вследствие потери самостоятельности вспомогательным глаголом и слияния его с основным глаголом. В семантическом отношении для перфекта также присуща постепенная эволюция в сторону размывания перфектного значения; конечной точкой данной эволюции можно считать появление у перфектных форм типичных аористических употреблений (как в приведенном выше примере: форма *has gone – баромада рафт* исторически восходит к перфекту) [69, 98].

Из вышеизложенного следует, что описанное значение перфекта (в лингвистической литературе оно имеет название «результативный перфект») является главным, однако далеко не единственным. В действительности же удостоверенные в языках мира перфектные формы обычно оказываются уже в той или иной мере эволюционировавшими от «эталонного» перфекта по направлению к иным семантическим зонам. Однако на начальной стадии

такого преобразования исследователи не имеют основания утверждать, что в данном языке глагольные формы перфекта утрачены.

Таджикский язык является одним из иранских языков (юго-западная группа). Фонетический строй состоит из 24 согласных и 6 гласных. Грамматическая структура является флективно-аналитической. Именные части потеряли сформированную в древности свою систему словоизменения. Категории рода и падежа отсутствуют. Синтаксически выражаются падежные отношения. Изафет является распространённой формой связи именных частей. Глагол имеет множество сочетаний и аналитических форм. С видовыми формами тесно переплетаются временные значения. Имеют отличия и наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное и предположительное. Абсорбируются формы перфекта на уровне особого наклонения (неочевидного или аудитивного).

В современных таджикских говорах сформировались новые формы перфекта: с применением деепричастия: «*писари оиладор шуда*», «*Ў омӯхта буда*», и с употреблением страдательного (по форме) причастия и конструкции с предлогом «аз»: «*аз ў омӯхта шуда буда*», «*аз писар оила барно шуда буда*» (ср. также плюсквамперфект: «*ў омӯхта буд*», «*аз писар оила барно шуд*»). В говорах, в какой-то степени и в просторечье отдельных славянских языков в той же функции показаны сочетания страдательного (по форме) причастия с глаголами «быть - *будан*» и «иметь - *доштан*».

Исходя из вышеуказанного можно констатировать, что данная тема является до сих пор актуальным и не изучена должным образом. Имеющееся в современной науке разногласие взглядов по данной проблеме, а также накопление новейших фактов и новые подходы и методы анализа предопределяют стабильную необходимость и вероятность дальнейших исследований, что и устанавливает актуальность данной работы.

Степень изученности темы. Перфект концентрировал внимание исследователей всевозможных областей науки, в том числе и лингвистов во время всей истории становления науки, на что указывает обзор целого ряда исследований знаменитых авторов, которые занимались изучением истории становления и развития перфекта в языке и т.д. Сегодня обнаруживается некоторый ряд научных концепций в исследовании перфекта, в том числе, структурно-семантическое, функционально-семантическое, лингвистическое отношение перфекта. Однако основные вопросы внутренней системной организации перфекта в сопоставительно-типологическом аспекте остаются малоизученными и дискуссионными.

А.И.Смирницкий под перфектом понимает всю систему глагольных форм, которые заключают в себе прямое сочетание причастия прошедшего времени с какой-либо формой глагола «*have*»-*доштан*, или представляющих собой это причастие само по себе с тем же грамматическим значением, характерного для непосредственного сочетания с глаголом «*have*» [124,440].

О. Есперсен не считает целесообразным включать форму *Future-оянда* в систему временных форм, считая, что сохранение у *shall, will* модальных значений не позволяет рассматривать формы с ними как чистые формы будущего времени[48,404]. Однако он допускает, что функционально эти глаголы могут приближаться к функции вспомогательных глаголов, используемых для образования аналитических форм глагола.

С точки зрения Н.Ф. Иртеневой нашел отражение взгляд на футуральные формы как на подчиненные формы. Так, *the Future Indefinite-замони ояндаи оддѣ*, *the Future Continuous-замони ояндаи давомдор*, *the Future Perfect-замони ояндаи мутлак*, *the Future Perfect Continuous, замони ояндаи мутлақи давомдор*, по мнению автора, система будущих времен, связанных с настоящим временем, а все разряды *the Future-in-the-Past-замони оянда дар гуашта*, *Future-in-the-Past-Indefinite-замони оянда дар гуаштаи оддѣ*, *the Future-in-the-Past Continuous-замони оянда дар*

гузаштаи давомдор, the Future-in-the- Past Perfect Continuous-замони оянда дар гуаштаи мутлақи давомдор, the Future-in-the-Past Perfect-замони оянда дар гузаштаи мулақ — система будущих времен, связанных с прошедшим [65, 224].

Проблема диссертационного исследования актуальна также с точки зрения ее соотнесенности с общей проблематикой морфологии таджикского и английского языков, общими потребностями исследования проблемы перфекта в сопоставляемых языках. Данная проблема является предметом множеством исследований общего и специального характера по теории и истории грамматического строя английского языка. Над исследованием данной проблемы детально работали такие представительные исследователи-лингвисты как Л.С. Бархударов., О. Есперсен., Б.А Ильиш., А Мейе., Т.А.Расторгуева, А.И.Смирницкий, В.Н.Ярцева, М.Н.Касымовой., П.Джамшедова., Д.М.Искандаровой., А. Мирзоева., Е.С. Хамроалиева., Шахобовой М.Б., Маъсуми Н., Б.Н Ниезмухамедов и пр.

Предметом настоящего исследования становятся употребление перфекта английского и таджикского языков. Настоящая диссертационная работа ставит цель – исследовать структурно-морфологическую систему глагольных форм перфекта в английском и таджикском языках.

Цель исследования реализуется в анализе следующих конкретных задач:

- раскрыть степень изученности проблемы перфекта в английском и таджикском языках;
- выявить систему временных значений, находящихся в зависимости от лексического наполнения перфекта в сопоставляемых языках;
- охарактеризовать средства выражения перфекта на уровне морфологической системы сопоставляемых языков;
- анализировать структурно-морфологические особенности перфекта.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- в ней впервые в сопоставительном языкознании английского и таджикского языков предпринимается попытка исследовать глагольных форм перфекта в разноструктурных языках;
- обобщен и систематизирован функционально-типологический характер развития перфекта в сопоставляемых языках, определены их типовые качества структурной организации;
- выполнен сопоставительно-типологический анализ перфекта.

Теоретическая значимость исследования обуславливается его существенностью для исследований современной лингвистики, которые связаны с изучением понятийных категорий и включает в себе также и комплексное описание перфекта в структурной стороне организации. Отдельные теоретические выводы и результаты диссертационного исследования независимо от их синхронно описательной или сопоставительной стороны могут применяться в изучении проблем морфологии как сравниваемых в работе английского и таджикского языков. Другой аспект, полное изучение перфекта содействует внесению отчетливости в решение нерешенных проблем взаимоотношения в предложении как единицы, раскрывающей и синтезирующей разнообразные семантико-грамматические отношения, которые выявляются между ними как составляющие части в структуре предложения.

Практическая значимость исследования включает в себе основные положения и результаты проведенного исследования, которые могут быть благополучно применены при обучении по курсу общего языкознания, сопоставительной типологии английского и таджикского языков, теоретической грамматики сравниваемых языков, теоретическим и практическим основам переводоведения, а также при введении спецкурсов и спецсеминаров по морфологии современных таджикского и английского литературных языков, стилистике, лингвистического и филологического анализа текста, функциональной грамматики.

Материалы диссертации могут применяться при написании всевозможных учебно-исследовательских работ, курсовых и дипломных работ, а также диссертационных исследований по морфологию таджикского и английского языков. Исследовательский материал диссертационной работы может быть использован при написании учебно-методической работы в высшей и средней школах, а также при составлении курса лекции по сравнительно - сопоставительной грамматике.

Доскональный анализ перфекта в английском и таджикском языках и нахождение их соответствий в сопоставляемых языках при сравнении выявляют функциональные качества их применения в каждом из языков, открывают их специфику и семантической материализации в предложении.

Объектом исследования является перфект в современном английском и таджикском языках.

Методологической основой диссертационного исследования служат работы В.В. Виноградова, М.Н.Касымовой, Н.Н. Прокоповича, В.Г. Почепцова, Н.Ю. Шведовой, П.Джамшедова, Д.М.Искандаровой, Е.Н. Корбиной, А.В. Кравченко, Е.С. Кубряковой, Дж. Лича, А. Мирзоева, Е.В. Падучевой, Л.О. Подольской, Е.С. Хамроалиева, М. Б. Шахобова и др.

Метод исследования. Для решения поставленных в работе задач нами использованы метод сопоставления компонентного анализа, метод замещения или субституции, моделирования, оппозиции. В работе также использовались методы сравнения и сопоставления, а также количественного и дефиниционного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

- Проведенный нами анализ явлений современного английского и таджикского языков свидетельствует, что данные языки обладают грамматической категорией глагольного вида.

- Если в английском языке перфектные формы выражают реальные, достоверные действия, то перфект настоящего времени в современном таджикском языке имеет двойное модальное значение.

- По мере развития языка постепенно возникли и получили развитие другие значения формы настоящего перфекта - неочевидности, «заглазости» действия и стали широко употребляться в литературном таджикском языке. В современном литературном таджикском языке оба эти значения употребляются в одинаковой степени.

- Формы перфектного вида в современном английском языке относятся к формам изъявительного наклонения и, следовательно, прежде всего по своему значению совпадают с формами перфекта таджикского глагола в изъявительном наклонении.

- Видовременные формы в современном английском языке согласуются в предложении в основном по установленным нормам языка, по правилам согласования времен, которые отсутствуют в современном таджикском языке. Ввиду этого формы перфектного вида, а также формы других видов могут выступать в различных ситуациях в контексте, но их основное категориальное видовое значение остается неизменным.

- Категориальное значение трех видов в таджикском и английском языках совпадает, хотя имеются отдельные случаи их несоответствия в плане контекстуального значения.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационной работы нашли свое отражение в публикациях автора в виде трех статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, список которых приводится в конце автореферата.

Результаты исследования систематически обсуждались на заседаниях и методсеминарах кафедры теории и типологии английского языка БГУ имени Носира Хусрава на ежегодных итоговых научных конференциях,

2015, 2016, 2017, а также использовались в учебном процессе при преподавании.

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЕ ПЕРФЕКТА В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1 Теоретические предпосылки исследование перфекта в разноструктурных языках

Как говорилось ранее, аналитические формы подвергались эволюции в течение всего исторического периода формирования германских языков. Категория времени в течение всей истории германских языков подвергалась и подвергается большим изменениям в древний, средние и новые периоды. Как в древнегерманском, так и в древнеанглийском (др.а.) имелось всего два времени: настоящее и прошедшее; не имелось даже будущего времени, и не было аналитических форм времен настоящего, прошедшего и будущего. К данным аналитическим формам, в первую очередь, мы причисляем перфектное время как особо отличное от аналитического будущего и аналитического длительного времени [48,160].

Отсутствие перфекта в древних германских языках постоянно порождало повышенное внимание лингвистов в связи с тем, что в древнегреческом и латинском санскрите перфектные формы существовали.

Форма германского претерита во всех германских языках выражает всевозможные методы протекания действия в прошлом (длительное действие, действие завершённое к определённом моменту или предшествующее другому действию в прошлом). Тем не менее, в обусловленный исторический момент в германских языках северной и западногерманских групп наряду с претеритом формируется целая группа новых форм, содержание которых с самого основания имело яркую видовую окраску. Это формы группы перфекта передавали видовое значение завершённости действия к определенному моменту в настоящем, прошедшем или будущем.

Однако у ученых не имеется единого суждения и по поводу времени образования аналитической формы перфекта и формирования новой категории. О.А. Смирницкая полагает, что становление перфекта в

английском языке относится к XII-XIII вв [127, 456]. Г. Фриден, который описал применение временных форм в английском языке от Чосера до Шекспира, не выявил различий между данными эпохами, т.е. использование перфекта и претерита не установилось, и они не имели различия во время всего этого периода [169,268]. По Ф.Т. Виссеру развитие перфекта в его современном категориальном значении относится к ещё более позднему периоду - после шекспировской эпохи [25,223]. В.Н. Ярцева считает, что как структурно, так и семантически перфект окончательно сформировался лишь в ранненово-английском [161,30- 44].

Много советских лингвистов, как Г.Н. Воронцова, Б.А. Ильиш, В.Д. Аракин, Ю.С. Маслов, Воронцова, Ильиш, Маслов, а также и зарубежные языковеды, как Кёрм, Свит, Несфилд, Есперсен, Sweet, Jespersen, Curme имеют одну точку зрения, что перфект сформировался из *«поссивной»* конструкции типа *«to have something done»* - *«кори ба анчом расонида шуда»*.

Многие грамматисты пишут о видоизменении значения элементов *«поссивной»* конструкции, изменении порядка слов в ней и, в конечном счёте, изменении значения всей конструкции. Г.Н. Воронцова полагает, что превращение *«поссивной»* конструкции в перфект совершилось «в результате сдвига особого рода, превратившего пассивное причастие в составную часть активной глагольной формы» [31, 32].

Исследователь обозначает путь данного превращения так: «Если субъектом, им (причастием) обозначаемого, оказывалось подлежащее предложения, то это подлежащее было субъектом и have в форме презенса или претерита, и «совершенного» пассивного причастия. Последнее, семантически более существенное, чем *have*, стало тяготеть к субъекту обозначаемого им действия более, чем к объекту; это тяготение обусловило изменение позиции и, в конце концов, привело к сдвигу - переосмысление

причастия в комбинации с *have* в форму выражения действия субъекта-подлежащего [65, 224].

Воронцова не единственная, которая утверждает о «сдвиге особого рода». Множество исследователей наблюдают это явление. Дж. Кёрм поясняет превращение «*посессивной*» модели в перфект возможностью передать мысль отличную от первоначальной, что идет в составе изменения слов в порядке. О. Есперсен полагает, что перфект появился из «*посессивной*» модели в последствии того, что было утрачено значение обладания, принадлежности, которое характерно для глагола *have*.

Тем не менее, как указывают исследователи, со значительной исторической вероятностью нелегко говорить о пути формирования перфекта из данной модели, так как уже в др.а. период модель аналогичного рода являлась пережиточным явлением. В научном труде, которое посвящено истории скандинавских языков, М.И. Стеблин-Каменский говорит, что «в эпоху древнейших рукописных памятников в скандинавских языках уже, по-видимому, были представлены все те временные формы глагола, которые есть в современных скандинавских языках; а именно: ... формы сложного прошедшего времени, т.е. перфект и плюсквамперфект...»[128,340]. Следовательно, процесс превращения «посессивной» модели в перфект завершился, по-видимому, в дописьменную эпоху.

Древний индоевропейский перфект, который ясно представлен в древнегреческом и индоиранских языках, характеризовался особыми личными окончаниями и особым образованием основы (чередования в корневом гласном, редупликация, в более поздних формах специальные суффиксы). Полагают, что данный древний перфект относится к неглагольным словам, который обозначал состояние и постепенно втягивался в систему глагола. Дальнейшее формирование перфекта распространялось в направлении от статальности к акциональности. В результате старый перфект функционально сближался с неперфектными

образованиями прошедшего времени и или вытеснял их, или смешивался с ними.

Современный перфект в общем воспроизводит эволюцию от статальности к акциональности, однако в различных языках не в одинаковой мере. Так, английский (*Present Perfect*) – (*ҳозираи мутлақ*) семантически довольно ясно противопоставлен неперфектному претериту (*Past Indefinite*) – (*гузаштаи номуаян*). Характерны несовместимость английского перфекта с любой точной локализацией прошедшего события во времени, а также с обстоятельствами законченного периода (вроде *yesterday* «*дурӯз*») и так называемое инклюзивное использование при обозначении ситуации, которое началось в прошлом и продолжающейся в настоящем (*I have lived here for ten years* – *Ман ин ҷо даҳ сол боз зидагонӣ мекунам*).

Итак, зарубежные исследователи Керм, Дойчбайн, Моссе, Квирк, Клоуз полагают длительные формы, формами вида, концентрируя свое внимание не на времени протекания действия, а на особенность его протекания. Известный лингвист профессор В.И. Ярцева также относит к длительным формам в английском языке видовой характер. Вид, как утверждает профессор, - широкая лингвистическая категория, которая имеет всевозможные методы выражения [160,138-147]. А.И. Смирницкий утверждает, что у английского глагола в наличии два вида, которые выражены длительными формами, с одной стороны, и не длительными, с другой [123,79-89]. Есперсен, Поутсма, Керм, профессор Ильиш и многие другие ученые анализируют эту форму в главе, которая посвящена форме длительного вида. Однако они сравнивают эту форму и с перфектом, полагая, что форма *Present Perfect Continuous* – *замони ҳозираи давомдори мутлақ* передает значения, которые свойственны как форме *Continuous* - *давомдор*, так и форме *Perfect* - *мутлақ*. Профессор Ильиш анализирует перфектно-длительный разряд в разделе длительных форм и называет его длительной формой перфекта. В своей классификации он базируется на синонимии

перфекта и перфектно-длительного разряда при неопределенных глаголах, а также на сходном поведении переходных глаголов в длительном перфектно-длительном разрядах. С другой стороны, Моллингтон - Уорд, Пенс, Суит, Лебедева и другие утверждают, что форму *Present Perfect Continuous – замони ҳозираи давомдори мутлақ* надлежит отнести к перфекту, иногда они даже отождествляют формы *Perfect Continuous – мутлақи давомдор* с перфектными формами. Тем не менее, в их исследованиях не предоставляется обоснование отнесения формы *Perfect Continuous – мутлақи давомдор* к тем или другим формам. Авторы полагают, что данные формы бывают или временного, или видового значения, когда относят их к той или иной грамматической категории. Профессор Н.Ф. Иртеньева полагает, что *Present Perfect Continuous – замони ҳозираи давомдори мутлақ* – это трехсложная грамматическая форма времени, которая образуется методом грамматического сложения настоящего времени перфекта от вспомогательного глагола *to be (have (has) been)* и причастия (I-смыслового глагола). Профессор указывает, что возникновение в языке новой формы – длительного перфекта – не лишило простой недлительный перфект его умения формулировать те же временные отношения [65, 224].

Отличие здесь лишь в том, что *Present Perfect Continuous – замони ҳозираи давомдори мутлақ* показывает, что действие совершается во время некоторого периода, которое предшествует моменту речи, а также в силу значения самой формы (значение формы заключается в указании на то, что время действия – это период, который предшествует моменту речи или другому моменту настоящего, принятому за основу временных отношений). Однако, *Present Perfect – давомдори мутлақ* имеет возможность проявлять данные временные отношения только при контакте с лексическими средствами, которые используются в составе предложения.

На взгляд Н.Ф. Иртеньевой, такое преобладание в языке двух синонимичных форм, которые используются для оборота тех же временных

отношений, факт закономерный и разъясняется характером формирования грамматического строя, при котором элементы нового качества, скапливаясь неторопливо и постепенно, медленно исключают прежние средства передачи отношений, которые существуют в отображаемой реальности. Исследователь Суит также предоставляет образцы на перфектно-длительный разряд в разделе о перфекте. Н.В. Лебедева предоставила свою диссертацию, которая посвящена анализу данной формы под названием «Происхождение и развитие трехсложного перфекта в английском языке». В диссертации исследователь прямо утверждает о том, что перфектно-длительный разряд является формой перфекта. Н.В. Лебедева анализирует *Present Perfect Continuous – замони ҳозираи давомдори мутлақ* как форму времени. На ее взгляд, отличие использования *Present Perfect Continuous – замони ҳозираи давомдори мутлақ* в произведениях с различными жанрами (например, повествовательных и сценических) вытесняется. В сценических произведениях данная форма употребляется как в своем базовом грамматическом значении (это значение периода времени, предшествующего моменту речи в настоящем), так и относительно редко с эмоциональной окраской. Все это, на ее взгляд, является свидетельством того, что форма *Present Perfect Continuous – замони ҳозираи давомдори мутлақ* становится выразителем обобщенного временного значения [77,543]. А.И. Смирницкий также анализирует перфектно-длительный разряд как форму перфекта. Здесь он уклоняется от своего метода анализа структуры аналитических форм [125, 225].

Если формы типа *will have written - менавиштам* анализируются им как сложная форма вспомогательного глагола *have* + причастие знаменательного глагола *will have + written*, то при рассмотрении структуры форм типа *has been writting – навишта истода буд*, мы обязаны указать сложную форму вспомогательного глагола *to be has been + writting*, т.е. принять то, что данная форма структурно относится к длительному разряду. При причислении ее к перфекту, ее необходимо рассматривать как *has + been*

writing, что, вероятно, не совпадает с ранее продемонстрированным принципом анализа.

Некоторые ученые, И.П. Иванова, В.Н. Жигadlo, Л.Л. Иофик говорят о сути перфектно-длительного разряда настоящего времени так, что *Present Perfect Continuous – замони ҳозираи давомдори мутлақ* передает действие как процесс, предельно доведенный до момента речи. В данном случае не существует полной синонимии с перфектом, поскольку на первый план выдвигается процессуальность действия. Указание на процессуальность концентрирует внимание на протекание действия, а не на его завершение. Вследствие этого, на взгляд авторов, перфектно-длительные формы не передают, как перфект, завершенности действия, т.е. окончания действия в силу того, что оно достигло своего предела. Перфектно-длительные формы указывают на доведение действия до момента речи или до момента его прекращения.

По общему мнению, особое внимание сконцентрировано на суждение И.П. Ивановой. Рассматривая форму *Present Perfect Continuous – замони ҳозираи давомдори мутлақ*, исследователь приходит к выводу, что перфектно-длительный разряд сочетается с длительным разрядом в отношении видового значения и с перфектом – в отношении временного значения. Теоретики под общими чертами подыскивают место для этого разряда в одном из тех разрядов, в которых обладают эти сходные черты. Отдельные авторы особо не выделяют данную форму. Данные разногласия и форма определяет себе место как в той, так и в иной рубрике, все это делает, на взгляд И.П. Ивановой, заключение, что данная форма является и тем и другим. Таким образом, не является ни тем, ни другим в отдельности, однако рекомендует себя как специальный самостоятельный разряд. Его не рекомендуется рассматривать под рубрикой тех разрядов, с которыми у него наблюдаются общие черты. И.П. Иванова выделяет, что, очевидно, данная форма обладает правом на самостоятельное существование в грамматической

классификации, а также обладает своим грамматическим значением[60, 285]. Г.А. Резниковская подтверждает, что формы длительного перфекта организуют особую видовременную форму, значение которой представляет собою единство процессуальности предельности, одновременности и предшествования [110, 34-46].

А.И. Смирницкий по данной проблеме определяет недостатки: «Каким образом в длительном настоящем перфекте и вообще в длительных формах перфекта совмещаются два разных вида?» То есть, Смирницкий полагает, что общее действие двух видовых значений – их синтез – неосуществимо[127, №1-2]. И.П. Иванова же указывает, что, безусловно, два видовых значения не могут действовать одновременно, однако обобщение двух разных видовых значений выражается вероятным, поскольку перфектно - длительный разряд передает процесс, который протекает в течение периода, законченного до определенной точки отсчета. Естественно, сам процесс закончивается до точки отсчета или продолжается до ее наступления[59,197]. Таким образом, процессуальность происходит от длительного разряда, а законченность или его продолжение до точки отсчета – от перфекта. Огромное множество полемик среди англистов порождает и место перфекта в системе видовременных форм.

Решение о его отнесении к категории вида или к категории времени и установления его главного грамматического значения до настоящего времени не нашлось однозначного решения. Языковеды эпохи, которая предшествовала структурализму, анализируют его как форму времени (Г. Суит, Г. Поутсма, С.Т. Анионз), однако два последних автора указывают значение состояния – как результата законченного действия, что возражает пониманию перфекта как формы исключительно времени.

Впоследствии Г.Н. Воронцова и Б.А. Ильиш отметили видовое содержание перфекта [31,32]. Б.А. Ильиш определил его главное грамматическое значение как значение результативного вида. Г.Н.

Воронцова же как значение ретроспективного вида (т.е. формы связи между прошедшим и настоящим). А.И. Смирницкий предоставил синтез перфекта и предложил анализировать его как категорию временной отнесенности. А.И. Смирницкий составил схему, в соответствии которой длительный разряд – видовая форма будет противопоставляться «общему» виду. И после, отмечая на бесспорное противопоставление перфекта перфектно-длительному разряду, А.И. Смирницкий решительно отвергал возможность анализа двух видов (перфекта и длительного) в перфектно-длительном разряде. Отсюда было сделано заключение о том, что перфект не имеет возможности являться видом и скорее представляет форму категории временной отнесенности. А.И. Смирницкий отмечает, что категория временной отнесенности – совершенно не то же самое, что категория времени, потому как категория времени передает отношение к определенному моменту времени (моменту речи), а категория временной отнесенности – к времени вообще. Теория А.И. Смирницкого широко распространена на практике и использована в трудах Л.С. Бархударова, Р. Кверка.

Как очевидно из вышесказанного, нахождение места длительных форм и перфекта в системе видовременных форм создает сложности и вызывает огромное число полемик среди англистов. В свою очередь, с отличиями в толковании длительных и перфектных форм в английском языке возникли и расхождения относительно значения перфектно-длительного разряда.

Исследователи О. Есперсен, Х.И. Поутсма, Дж. Керм, Б.А. Ильиш и многие другие исследователи анализируют данную форму в главе, которая посвящена форме длительного вида. Тем не менее, они сравнивают данную форму и с перфектом и утверждают, что форма *Present Perfect Continuous* – **замони ҳозираи давомдори мутлақ** передает значения, которые свойственны форме *Continuous -давомдор* и форме *Perfect-мутлақ*.

Что касается преждепрошедшего, то оно образуется от деепричастия прошедшего времени и вспомогательного глагола to-be,- будан, - быть,

находиться в форме перфекта. Выражает прошедшее неочевидное действие и переводится при помощи вводных слов типа, *turn out - маълум шудан-оказывається, surely - шояд - наверное, may be – мумкин - может быть, Perhaps – албатта - возможно, apparently - чӣ тавре айён аст - как видно, It's appears, that – бармеояд, ки – выходит что. probable – эҳтимол - вероятно, evidently – зӯё - по-видимому*, и т.д. *Perhaps you have seen my father. Маълум мешавад, ки шумо падари маро дида будаед.*- Оказывается, вы видели моего отца.

Что же затрагивается вопроса семантики перфектных конструкций, то в древнеанглийский период они синонимичны простой форме настоящего времени. Формы перфекта настоящего и прошедшего времени указывают на завершенность действия. Сема «завершенность» свободно перефразируется в сему «предшествование», которая вероятно была тем временем еще не обязательной и дополнительной. Во многих ситуациях перфектная форма сопровождается лексическими уточнителями, которые указывают на предшествование одного действия другому.

Предшествование и законченность действия могут выражаться разнообразными средствами. К лексическим средствам принадлежат неисчислимы префиксы: *to-, on-, a-* и др. помимо этих глагольных префиксов в древнеанглийском языке имеется множество слов с семой «предшествование»: предлоги и наречия *before – пеш аз - до, ранее*; глаголы с компонентом *fore – муddate – в тичение* и т.д. Вследствие этого предшествующие действия обозначаются как перфектной конструкцией, так и простой формой прошедшего в сопровождении наречий или придаточных времени. Примерно, что, несмотря на различные возможности отметить законченность и предшествование, их выражение в древнеанглийском не считается регулярным. Время от времени предшествование одного действия другому сформулировано простым прошедшим и проясняется

исключительно из ситуации, или же последовательность действий остается непонятной.

Значительная степень грамматизации и полная парадигматизация перфекта в современном английском языке не вызывает никаких колебаний: перфект - идеальная аналитическая форма, которая образуется в противопоставлении с неперфектными формами категорию временной отнесенности. Тем не менее, историки разногласны в суждении по поводу времени образования аналитической формы перфекта и становления новой категории. В частности, многие лингвисты предполагают, что формы перфекта в современном понимании уже окончательно сложились в древнеанглийский период. Некоторые датируют становление перфекта в его современном значении XI веком, иные называют период XII-XIII вв. Многие лингвисты относят окончательное структурное и семантическое развитие перфекта к еще более позднему времени формирования английского языка [168, 67-69].

В данном исследовании эта проблема анализируется многоаспектно, т.е. различения процессов грамматизации и парадигматизации перфектной формы, а также сопоставлений варьирования перфекта и претерита на нескольких исторических фактах во время всего процесса формирования английского языка.

К концу XIV века, по сопоставлению с древнеанглийским периодом, перфектные конструкции несколько продвинулись вперед по пути грамматизации. Существенным новшеством явилось решительное введение в модель перфекта вспомогательного глагола *ben*, способствующее расширению лексического охвата - образованию перфекта от непереходных глаголов. Дополнительная дистрибуция постепенно сменяется свободным чередованием *ben* и *haven*, свидетельствующее об их совершенной десемантизации.

В среднеанглийском языке глагол *have* стал часто образовывать перфект от непереходных глаголов, а также и глагол *be* стал наблюдаться с переходными глаголами. Указаны замены *been* глаголом *haven* в более поздних рукописях одного и того же памятника и чередование вспомогательных глаголов с одним и тем же глаголом у Чосера. Постепенно *be* ограничивается глаголами движения; при этом, как и их древнеанглийские прототипы, данные модели имели возможность обозначать состояние после завершения действия: не столько «пришел», сколько «находился там, придя».

Многообразие текстового материала в XVII-XVIII вв. предоставил возможность раскрыть отдельные отличия в использовании вспомогательных глаголов в различных стилях: *be* присущ литературному письменному языку, более высокому стилю речи, тогда как в разговорном языке он обходится глаголами *come* и *go*. Собственно через сужение области использования в языковом пространстве *be* как вспомогательный глагол всецело выходит из состава перфекта. Т.А. Расторгуева в своих научных трудах формирования перфектной формы в английском языке сравнивает использование глагольных форм в переводах одних и тех же предложений из Библии в разные века. На взгляд Т.А. Расторгуевой, «десемантизация глагола, изоляция от сходных образований, возросший лексический охват перфектных конструкций в среднеанглийский период доказывают, что уже к концу XIV века грамматизация конструкции *have/be* с причастием прошедшего времени всецело завершилась. Однако завершение грамматизации не означает парадигматизации данной перфектной формы» [107, 158].

Следовательно, можно полагать, что аналитическая форма перфекта сложилась к XIV веку, то есть завершилась ее грамматизация и новая глагольная категория, возникшая в ходе парадигматизации перфекта. Нормы применения данных форм стали более требовательными в XVII-XVIII вв.,

когда усовершенствование и исправление языка явилось попечением многих филологов и грамматистов.

Весьма проблематичной представляется вопрос перфектных форм в системе времен английского глагола. Всевозможные суждения исследователей по данному поводу делят на 3 группы:

1. Перфект – это часть грамматической категории вида.
2. Перфект относится к грамматической категории времени.
3. Перфект – это особая грамматическая категория, отличная и от категории времени и от категории вида.

Сторонниками теории о принадлежности перфекта к категории вида являются Б.А.Ильиш и Г.Н.Воронцова, различающих категорию вида и времени, однако считающих их непременно сопровождающими друг друга. Б.А. Ильиш определяет наличие вида в неопределенных формах. Следовательно, теория «общего вида» обосновывается не на действительном видовом содержании формы, а на противопоставлении ее иной глагольной форме, которое имеет видовое содержание.

Теория о принадлежности перфектных форм к категории времени широко практикуется в зарубежных научных сферах. Из российских языковедов ее применяют М.Ганшина и Н.Василевская. И.П.Иванова. Они анализируют перфект как видовременную форму, имеющее часто временное значение. Центральным видовым значением перфекта настоящего времени является, по мнению И.П. Ивановой завершенность действия к моменту речи.

Следующее утверждение относится профессору А.И.Смирницкому, отвергавшее принадлежность перфектных форм к какой-либо из вышеуказанных категорий. Он относит их в отдельную категорию, которая названа им категорией временной отнесенности. Смирницкий под перфектом обуславливает всю систему глагольных форм, которые состоят из непосредственных сочетаний причастия прошедшего времени с какой-либо формой глагола *«have» - доштан - иметь*. Данные формы представляют

собой это причастие как грамматическое значение, характерное для прямого сочетания с глаголом «*have*». Под этим имеется в виду не контактное положение по отношению к форме данного глагола, а связь, осуществляемая без участия какого-либо третьего звена. А.И.Смирницкий ставит вопрос о том, какую грамматическую категорию представляет собой перфект. На его взгляд, перфектные формы могут быть как общего, так и длительного вида и вместе с тем различаться по грамматическим временам абсолютно так же, как и неперфектные формы, а кроме того, быть и вневременными (с точки зрения грамматической категории времени), и это доказывает, что перфект может быть особой грамматической категорией. Едва ли можно, при такой ситуации, ставить вопрос о принадлежности перфекта к какой-либо категории за пределами вида и времени.

Очевидно, любая морфологическая грамматическая категория формируется противопоставлением, по меньшей мере, двух несовместимых друг с другом форм, которые определяются как категориальные формы, т.е. именно как формы, конституирующие данную грамматическую категорию. Перфект - предшествование и неперфект - непосредственная данность образуют в соотношении друг с другом особую грамматическую категорию глагола, отличную и от времени и от вида – категорию временной отнесенности. Ее же отдельные формы называют перфект и не перфект, или обычная форма.

О грамматической отнесенности длительных форм в настоящее время также нет единства суждения среди грамматистов, которые занимаются этой задачей. Существенные споры размахиваются вокруг вопроса об отнесении длительных форм к видовременной категории, либо анализе их как отдельной грамматической категории вида. Тем не менее, в данной проблеме, бесспорно, очевидным является анализ данной категории с точки зрения характера действия - противопоставления форм длительных, которые

показывают действие в его формировании, формам недлительным, которые не обладают никакими характерными значениями.

В соответствии с утверждениями Б.С.Хаймовича и Б.И.Роговской, категории времени и вида глагола обязаны отчетливо разграничиваться, так как они характеризуют действие с разнообразных точек зрения. Категориальное значение времени глагола показывает время совершения действия, в то время как категориальное значение вида является показателем определенной длительности совершения действия.

Понятие «вид» в некоторой степени характеризует содержание самой категории, т.е. «вид действия» является ли показателем того, что применено действие в его формировании или нет: *I often have written him last year* - *Соли гузашта ман ба ӯ тез-тез менавиштам.* - *В прошлом году я часто писал ему.* С другой стороны - действие по его завершении: *I wrote to him yesterday* – *Ман дирӯз ба у навиштам.* - *Я написал ему вчера.*

Кроме этого очевидный интерес представляет широко употребляемое среди западных ученых мнение, согласно которому длительный вид толкуется скорее как категория семантическая, чем грамматическая.

Согласно А.Г.Кеннеди категория вида состоит из:

1. Ограниченной длительности, представляющей действие как единое целое: «*She cleaned the door*» - *Вай дарро тоза кард* .

2. «Ингрессивности», которое обозначает время начала действия: «*He began to write*» - *Ӯ ба нависодан шуруъ кард.*

3. Результативности, которое показывает действие с точки зрения его результатов: “*They ceased drawing* » - *Онҳо расм кашиашонро давом доданд.*

4. Длительности, которое показывает действие в его продолжительности: “*Wheat grows in Borkhtar*” - *Гандум дар Бохтар меруяд.*

5. Повторяющегося действия: «*Each day the old woman would stand up early in the morning*» - *.Хар нагоҳирӯзи пиразан аз хоб барвақт мехезад.*

Наиболее богатая семантическая классификация видовых форм у Ф.Моссе, которая рассматривалась выше, содержит актуальность по отношению к современным видовым формам языка. Данные примера подтверждают, что данные классификации не имеют ничего общего с грамматикой, они сформированы единственно из семантического толкования категории вида.

Следовательно, в современном английском языке глаголу принадлежат категории вида, времени и временной отнесенности, которые, пересекаясь в разных плоскостях, создают 4 разряда (групп): неопределенный, длительный, перфектный, перфектно-длительный.

- Грамматическая категория времени английского глагола является трехчленной и представляет собой оппозицию форм настоящего, прошедшего и будущего времени.

- В современном английском языке перфект - предшествование и неперфект - непосредственная данность образуют в соотношении друг с другом особую грамматическую категорию глагола, отличную и от времени и от вида – категорию временной отнесенности.

В таджикском языке вопрос о существовании категории длительного вида остается нерешенным. Нормативная грамматика для вузов, вышедшая еще в 1956 г., по многим аспектам уже считается устаревшей. Новая теоретическая грамматика таджикского языка разработан[40,169]. В последние годы проведены большие работы, исследующие глагол как в современном таджикском языке, так и в историческом аспекте. В них частично рассматривается и вопрос длительного вида[40,169].

Вопросу сопоставительного изучения категории длительного вида в английском и таджикском языках также посвящено несколько работ [39, 153]. Однако некоторые высказывания данных авторов по поводу

длительного вида таджикского глагола остаются неясными. В. Д. Гогошидзе пишет: «Интересно отметить, что даже те филологи, которые не считают таджикские длительные формы временными формами, все же называют их временами (замони ҳозираи да-вомдор, замоии гузаштаи давомдори дур, замони гузаштаи давом- дори дури нақлӣ), а не, скажем, несовершенный вид настоящего времени или настоящее несовершенное время» [39,153].

Нам представляется, однако, неправомерным противопоставлять вид и время, так как любое время передает также то или иное видовое значение.

Однако автор правильно отмечает, что «деление таджикских глаголов на совершенные и несовершенные является искусственным перенесением грамматических явлений, свойственных одному языку (в данном случае русскому языку), на явления таджикского языка» [Гогошидзе.1961. с 58].. Действительно, при рассмотрении категории таджикского языка необходимо исходить из видо-временных форм таджикского глагола, которые получили в языке четкое грамматическое оформление.

1.2. Концепция темпоральности в классическом языкознании

Изучение функционально-семантического поля темпоральности имеет значительную традицию в языкознании и является важной проблемой, которую глубоко анализируют исследователи. Современная наука также тщательно изучает данную проблему, а также комплексный подход к семантике времени, поиски закономерностей, отражавших характерное содержание данной категории. Известно, например, что Миллер и Джонсон-Лэрд сомневались в том, что информация, которая относится ко времени, может быть выражена посредством всех основных грамматических категорий. В сопоставляемых нами языках имеется целый ряд средств с темпоральными значениями:

Существительные:

Английский	Таджикский
<i>Tense</i>	<i>Замон</i>
<i>Present time</i>	<i>Замони ҳозира</i>
<i>Future</i>	<i>Оянда</i>
<i>Past</i>	<i>Гузашта</i>
<i>Time</i>	<i>Вақт</i>
<i>Hour</i>	<i>Соат</i>
<i>Minute</i>	<i>Дақиқа</i>
<i>Second</i>	<i>Сония</i>
<i>Moment</i>	<i>Лаҳза</i>
<i>Day</i>	<i>Рӯз</i>
<i>Night</i>	<i>Шаб</i>
<i>Morning</i>	<i>Субҳ</i>
<i>Evening</i>	<i>Бегоҳирӯзӣ</i>
<i>Afternoon</i>	<i>Нисфирӯзӣ</i>
<i>Date</i>	<i>Таърихи рӯз</i>
<i>Month</i>	<i>Моҳ</i>
<i>Week</i>	<i>Ҳафта</i>
<i>Year</i>	<i>Сол</i>
<i>decade</i>	<i>Даҳ сола</i>
<i>Period</i>	<i>Давра</i>
<i>Century</i>	<i>Аср</i>
<i>Era</i>	<i>Мабдаи таърих</i>

Глаголы с четко выраженным временным значением:

Английский	Таджикский
<i>precede</i>	<i>пеш аз чизе омадан</i>
<i>follow</i>	<i>най рави кардан</i>

Прилагательные и наречия, относящиеся ко времени:

Английский	Таджикский
<i>former</i>	<i>аввалин (пешина</i>
<i>latter</i>	<i>охирин</i>
<i>often</i>	<i>зуд-зуд</i>

Предлоги и союзы с временным значением:

Английский	Таджикский
<i>before</i>	<i>пеш аз, пеш аз он ки</i>
<i>after</i>	<i>баъд, баъд аз он ки</i>

Смысл темпоральности в широком значении и особенно грамматические временные формы глагола (*Tense, замон*) как выразители физического объективного времени (*Time, вақт*) анализируются в тесном контакте с видом. Здесь будут лишь рассматриваться те разносторонние отличия, имеющих временной эффект. Далее будет продемонстрировано, выражение времени (*Tense*), которое тесно связано с разносторонними отличиями, однако в данном случае легко можно обусловить разницу между выражением времени и выражением аспектуальности.

Время (*Tense*) указывает на процесс, т.е. на событие, состояние, деятельность [170, 37-81] и т.д., которые выражены в предложении относительно момента речи, тогда как вид независим от таких темпоральных отношений и характеризует состояния (или изменения состояний).

Грамматисты традиционно работают не с физическим временем, а с его манифестацией в языке, с его передачей грамматическими средствами этого языка. Английские грамматисты, анализируя вопрос о глагольном времени (*Tense*), концентрируют свое внимание на определяющее и нередко его видоизменяющее значение обстоятельством времени (*time adverbials*). При этом вопрос о темпоральности обсуждался в рамках теории общего языкознания и согласно с ее формированием. Длительное время крупным исследователем в данной сфере являлся О. Есперсен. Особое значение для развития грамматических теорий английского (и не только английского) глагола имело его взгляд на двойной подход к описанию грамматических явлений, который сформулирован так: «Мы можем начинать анализ изнутри и извне. В первом случае мы принимаем форму как данное и исследуем ее значение или функции; во втором случае мы работаем в противоположном направлении: при этом мы обращаемся к значению или функции и задаемся вопросом (о том) как они выражаются с помощью форм» [51 404].

Базируясь на этот принцип, О. Есперсен приступает к своему исследованию, отталкиваясь от глагольных временных форм, и идет к определению их значения и функции. Тем не менее, он а priori принимает временные формы за средства выражения времени. Для него «время» (*time*) является многосторонним, который имеет возможность быть представлен в виде прямой линии; каждая точка на ней может быть отмечена как момент настоящего времени. То, что находится слева от точки, принятой в качестве момента настоящего времени на этой линии — это прошедшее (*Past - гуаашта*); то, что располагается справа от принятой точки - это будущее (*Future -- оянда*). Прошедшее будущее момент настоящего времени.

Логика рассуждения О. Есперсена в данной ситуации указывает, что он имеет в виду векторные отношения.

Присоединением к этому являются подчиненные или относительные временные значения (*subordinat times-вақтҳои тобеъ*), характеризующиеся как указывающие на время до и после некоторого момента в прошедшем (*before and after past - пеш ва баъд аз замони гузашта*), до и после некоторого момента в будущем (*before and after future - пеш ва баъд аз замони оянда*). Соответственно О. Есперсену, в английском языке имеются только два временных значения в собственном смысле: настоящее и прошедшее; именно они показывают временную разницу в морфологической форме глагола. Хотя в добавок к этим двум основным значениям прибавлены еще и две подобные формы (*Tense Phrases - вожаҳои замони: перфект (Perfect -- мутлак)* и плюсквамперфект (*PluPerfect*), а также расширенные аналитические формы (*expanded tense phrases - вожаҳои васеъи замони*), которые образованы посредством вспомогательного глагола *be - будан* и суффикса *-ing*. Особой простой или аналитической грамматической формы для обозначения будущего времени исследователь не указывает на сочетание с *will*, на его взгляд, не имеют ни по форме, ни по функции такой закреплённости, какая присуща, например, сочетаниям типа «*have written*». Определив, таким образом, отличия между простыми, аналитическими и расширенными формами времени, Есперсен описывает их пользование. Далее он переходит к именованным формам глагола, которые он именуется «*Verbirds*» (инфинитив, причастие, императив); наконец, он все же описывает функции *shall* и *will* не только в их темпоральном значении, но также и в иных значениях. Ко всему О. Есперсен добавляет краткий обзор, в котором исходит из логического разделения времени, описанного ранее, и изучает средства, которые выражают всевозможные временные значения. Здесь он опирается на предварительно установленные простые, аналитические и расширенные грамматические формы, однако иногда он обращается к иным

возможностям, указывая на значение времени, выраженных средствами глагольных форм (не принимается во внимание, например, роль обстоятельственных определителей времени).

Аналогичный принцип анализа глагольных времен - прежде всего с их формального выражения, а потом по функции - мы находим у других традиционных грамматистов, так как Палмер, Поутсма, Круизинг, Кэрм и Зандворт. Малозначительные изменения вносились ими в теорию Есперсена главным образом при рассмотрении тех форм, как правило, обозначающихся как Continuous. Многие из вышеуказанных исследователей в английском языке делят формы на два времени (по форме), хотя на базе темпоральных значений можно выделить огромное число временных ступеней.

Важно подчеркнуть, что данный подход (от формы к значению и функции) широко используется в описании самых различных языков; таджикский глагол традиционно описывается с тех же самых теоретических позиций [53, 452]. Х. Поутсма [188.384] отмечает три первичных времени (настоящее - ҳозира, прошедшее - гузашта и будущее - оянда) и четыре вторичных («до-будущее» *то оянда*, «после-будущее» *баъд аз оянда*, «до-прошедшее» *то гузашта* и «после-прошедшее» *баъд аз гузашта*, *past-future*, *after-future*, *past-preterite*, *after-preterite*). Это напоминает систему Есперсена. Далее Поутсма описывает образование времени форм, среди которых значение «послебудущего» (*Past future*) находит специальные формы; затем он обсуждает их применение. Дж. Керм (168, 616) предлагает четырехступенчатую систему первичных времен: *Present*, *Present Perfect*, *Past*, *Future*, выражающих временное отношение с точки зрения момента речи; к ним добавлены два относительных времени (*relative tenses - замонҳои монанд*): *Past* и *Future Perfect*, выражающих предшествование относительно первичных времен. Для Кэрма в плане выражения основными также являются две временные формы; иные являются следствием комбинации всевозможных глагольных форм, каждая из которых имеет

форму простого настоящего или прошедшего. В исследовании Зандворта время представляется понятием, содержащих две глагольные формы (прошедшее и настоящее) и две глагольные «группы» (перфект и будущее); основная их функция — обозначение времени действия. «Настоящее «прошедшее» и «будущее» названы в соответствии с той временной сферой (*time sphere*), которую они обычно обозначают. Перфектное время является, как отмечает исследователь, особой разновидностью настоящего. *Past Perfect* представляет обращение к прошлому совмещающее значение прошедшего времени и перфекта. Зандворт классифицирует времена по тому, как они выражают всевозможные стороны значения, давая им такие названия, как настоящее естественное» (*natural present*), «настоящее многократное» (*iterative present*), «настоящее актуальное» (*actual present*), «длительный перфект» (*continuative perfect*) и др.

Занимательную систему глагольных времен (*Tenses*) строит Х. И. Палмер [188, 239]. В его системе темпоральные отношения сочетаются с другими семантическими признаками, как модальность или вид. Под видом он понимает завершенность или деятельность. Кроме того, он указывает на особенный семантический признак «временная соотнесенность» (*time-reference*). Данный признак свидетельствует о непосредственной или опосредованной соотнесенности со временем. В первой ситуации говорится об одновременности реального и мыслимого (*in mind*) времени; во второй ситуации говорится о перфектности, которую Палмер понимает как предшествование реального времени мысленному. В результате комбинации этих признаков Палмер получает систему из 12 компонентов (см. табл. 1).

Система глагольных времен английского языка (по Палмеру)

Терминология Палмера			Пояснение
	Английский	Русский	
1	Present Direct Accomplishment	настоящее непосредственное осуществленное	Present Indefinite Tense
2	Past Direct Accomplishment	прошедшее непосредственное осуществленное	Past Indefinite Tense
3	Modal Direct Accomplishment	модальное непосредственное осуществленное	модальные глаголы + Infinitive
4	Present Perfect Accomplishment	настоящее непосредственное осуществленное прошедшее осуществленное совершенное	Past Perfect
5	Past Perfect Accomplishment		Past Perfect
6	Modal Perfect Accomplishment	модальное совершенное осуществленное	Future Perfect
7	Present Direct Activity	настоящая непосредственная деятельность	Под «деятельностью» понимается то, что обычно обозначается как «continuous»
8	Past Direct Activity	прошедшая непосредственная деятельность	
9	Modal Direct Activity	модальная непосредственная деятельность	
10	Present Perfect Activity	настоящая совершенная деятельность	
11	Past Perfect Activity	прошедшая совершенная деятельность	
12	Modal Perfect Activity	модальная совершенная деятельность	

Как видно из таблицы система глагольных времен английского языка относящиеся к перфекту имеют модальные признаки. Очевидно, что глагольная временная форма (*tense*) по Палмеру не сводится к чисто темпоральному значению. При создании таджикской грамматики была

воспринята система, которая традиционно сложилась в описании персидского языка[52,438].

Безусловно, в данную схему были включены важные изменения, которые отражают особенности таджикского глагола. Данные грамматические новшества принадлежат к двум областям. Прежде всего, указаны, глубоко рассмотрены и терминологически обозначены «определенные» или «актуарные» аналитические формы глагола, образующихся посредством вспомогательного глагола «истодан» или с иными вспомогательными глаголами в диалектах. Во-вторых, новые интерпретации получили формы, которые продолжают классический таджикско-персидский перфект. В соответствии с формировавшимся новым значением они реально анализируются как особая категория пересказывательности.

В поисках средств выражения видовых значений, как правило, обращались к разнообразным английским конструкциям. Тем не менее, надлежит признаться, что вопрос о том, имеем ли мы дело с теми иными средствами выражения аспектуальности или с вполне деленной глагольной категорией вида, требует дальнейшего обсуждения. Грамматическая терминология, отражающая взгляды различных исследователей на структуру таджикского глагола, в табл.№ 2 (в ней сообразно с задачами нашего исследования приводятся только формы изъявительного и условно-желательного наклонения).

Система глагольных времен таджикского языка

Формы	Расторгуева К изучения таджикских говоров, 1964	Расторгуева и Каримова система таджикского глагола, 1964	Розенфельд, Глагол, 1954	Маъсумӣ Забони адабии ҳозираи тоҷик қ.1 1973
Меравад	наст. будущ. вр	наст. будущ. вр	наст. будущ. вр	замони ҳозираи оянда
Рафт	простое прош. вр.	простое прош. вр.	простое прош. вр.	замони гузаштаи наздик(гуз.оддӣ)
Мерафт	длительное многократ. вр.	длит. прош. время	прош. многократное вр.	замони гузаштаи ҳикоягӣ
Рафта буд	преждепрошед. время	преждепрошед. время	наст. определ. время	■
Мерафта буд	длительное преждепрошед время	■	преждепрошед. многократное.вр.	замони ҳозираи давомдор
Рафта истодааст	наст. определ. время	наст. определ. время	наст. определ. время	замони ҳозираи давомдор (муаян)
Рафта истода буд	прошед. определ. время	прошед. определ. время	прошед. определ. время	замони гузаштаи дури давомдор (муаян)
Рафтааст	прошед. неочевид.	прошед. вр (перфект аудитивного наклонения).	прошед. результатив. время.	замони гузаштаи нақлӣ
Мерафтааст	длительное.	длит. форма.	прошед.	гузаштаи

	неочевид.	перфекта	результатив. многократное	хикоягй/нақлй
Рафта будааст	прежпрош. неочевид.	преждпрош. перфект	преждпрошед. повествоват.	гузаштаи дури нақлй
Мерафта будааст	длительное преждпрош. неочевид.	-	преждпрошед. многократное повествовалельное.	-
Рафта истода будааст	наст. опр. прошедшее	определенная форма перфекта	прошед. опред результатив. повесвовательное вр.	-
Хоҳам рафт	-	литерат. буд. время	сложное будущ. время	замони ояндаи дур
Равад	-	-	аорист	аорист
Рафта истода бошад	-	-	прошедшее предположительное данного момента	-

Данная таблица подтверждает наши наблюдения, согласно которым таджикский глагол описывается, обыкновенно, исходя из формы. Современные представления о грамматической семантике ставят перед наукой задачу нового описания всей системы таджикского глагола, которая исходила бы из значения.

Конечно, и в английской грамматике не удавалось ограничиться исключительно анализом от формы к значению, множество ранее анализировавшихся теорий, по сути, комбинируют оба разделенных Растаргуева. Т подхода. Данный двойственный подход создает определенные противоречия в описании и для таджикского, и для английского языков.

Традиционная грамматика анализирует времена (Тег как финитные формы глагола), значения которых ориентируются относительно времени

(Time) в процессе, относительно момента речи или другого определенного момента.

У грамматистов нет, однако, единого мнения и в сфере номенклатуры временных форм. Если даже отсутствует согласие по поводу статуса категории времени среди сторонников традиционного подхода, то, безусловно, не возникает сомнения в том, что с теми же сложностями сталкиваются сторонники структурной теории. Временная форма глагола (*Tense*), согласно воззрениям структуралистов, обязана отличаться в соответствии со строгими формальными критериями. Тогда английский язык имеет исключительно 2 такие формы: настоящую и прошедшую. Настоящее время имеет маркер *-(e)s* в третьем лице единственного числа, хотя он и не маркирован в целом; прошедшее время маркировано морфемой — *(ed)*.

1.3. Время - как грамматическая категория в языке

Время – единственная грамматическая (морфологическая) категория, статус которой не оспаривается. Категория времени определяется как «глагольная категория, которая выражает объективную категорию времени и на этом фоне выражает отношения между временем происхождения действия и временем процесса «говорения». Объективное время (*time — ва́кт*), как известно, это настоящее, прошедшее и будущее время. Американский лингвист М. Джуз в формах перфекта находит совсем иную грамматическую категорию, называющую «category of phase» (категория фазы). Данная категория, на его взгляд, строится на базе противопоставления перфектных и неперфектных форм глагола [179,66-75].

Профессор М. Я. Блох полагает, что перфект служит для соединения двух временных точек, поэтому он относит перфект к категории ретроспективного сочинения (*retrospective coordination*). Он противопоставляет перфект имперфекту, т. е. неперфекту [13, 380].

Перфект английского языка вряд ли можно включить в парадигму

категории времени, ибо завершённость действия выражает и форма так называемого Past Indefinite английского глагола. Видовую семантику перфекта повторяет также и форма Continuous. И форма длительного перфекта, и форма так называемого Continuous выражает продолжающееся действие. Поэтому правы А.И. Смирницкий и его последователи Б.А. Ильиш, Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг, И.Б. Хлебникова, Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская, исключаящих все перфектные формы из парадигмы категории и времени, и вида. Данную категорию А.И. Смирницкий именует *категорией временной отнесённости*, Б.А. Ильиш именует её *категорией корреляции* (the category of correlation) [63,171], Б. С. Хаймович и Б. И. Роговская называют её *категорией порядка* (the category of order).

В соответствии с точкой зрения профессора А.И. Смирницкого, перфект (предшествование) и неперфект (непосредственная данность) образуют в соотношении друг с другом особую грамматическую категорию глагола, отличную и от времени, и от вида, - «катеґорию временной отнесенности»[126,238].

Тем не менее, определение данной категории не предоставляется в научных трудах А.И. Смирницкого и Б.А. Ильиша. Мы полагаем, что подходящее определение данной категории предоставляется в исследовании Б.С. Хаймовича и Б. Роговской: «Категория порядка - это система двухчленной оппозиции типа *writes - has written, wrote - had written, writing - having written, to be written - to have been written* и т.п., которая указывает на то, анализируется ли действие как предшествующее (перфект) или непершествующее (неперфект) к иным действиям или ситуациям»[147,298].

Мы полагаем, что термин Б.С. Хаймовича и Б.И. Роговской, его определение является подходящим, однако сущность данной категории наиболее достоверно выявлена профессором А.И. Смирницким. Парадигма

категории порядка выглядит следующим образом:

I disappoint you, - I have disappointed you, - I disappointed you, - I had disappointed you, - I shall disappoint you, - I shall have disappointed you, - I should disappoint you, - I should have disappointed you, - I am disappointing you, - I have been disappointing you, - I was disappointing you, - I had been disappointing you. I shall be disappointing you, - I shall have been disappointing you, I should be disappointing you, - I should have been disappointing you.

Категориальные формы неперфекта, стоящие в левой колонке обозначают действия, которые являются одновременными с какой-то точкой времени или действием в прошлом или будущем, или же с моментом речи. Категориальные формы перфекта, находящиеся в правой колонке обозначают действия, которые предшествуют какой-то точке времени или другому действию в прошедшем и будущем или же к моменту речи. Следовательно, сущность категории порядка состоит в предшествовании или непередшествовании действия к определённой точке времени или к другому действию или к моменту речи. Например: *Katie was waiting up for her mistress and, on hearing what had happened, ran for warm water and other necessaries [169, 153].- Кэйт шавхарашро интизор шуда истода буд, ва бо шунидани, чи шуд? вай ба овардани оби гарм ва дигар лавозимот медавид.*

В данных примерах предоставлено описание двух ситуаций материальной действительности. Первый случай связан с прошедшим временем. В этом случае указаны четыре действия.

Первое действие *was waiting up* обозначает факт продолжения действия в указанной ситуации, а второе действие *hearing* тоже происходит в указанный момент и продолжается, третье действие *had happened* предшествует двум предыдущим действиям (*was waiting, hearing*). И

четвёртое действие *ran* по времени также совпадает с первым и вторым действиями, т. е. оно происходит и заканчивается в указанной ситуации. Таким образом, первое, второе и четвёртое действия происходят в определённой точке времени в прошедшем, следуя друг за другом, а третье действие предшествовало всем вышеуказанным трём действиям. Поэтому, третье действие выражено формой перфекта, а другие три действия формами неперфекта.

*«I have been thinking», - he said. «You are quite right; it is an ugly tangle I have got my life into. But remember, a man does not meet every day a woman whom he can love; and I - have been in deep waters. I am afraid» [194,179]. - «Ман фикр карда истода будам», *ӯ* гуфт, «шумо куллан дуруст ҳастед: ман ҳйётамро ба ин бесарусомонию нафратангез бахшидам. Аммо кадом мард метавонад бо зани дустдоштааш во нахурад. Ва ман ҳам дар обҳои чуқур будам. Ман метарсам».* В этом примере глаголы, употреблённые в предложениях, соотносятся не с точкой времени в прошедшем, а с моментом речи. Первое действие *have been thinking* закончилось к моменту речи, а состояние *are quite right* совпадает по времени с моментом речи, на то же самое указывает и образование *is an ugly tangle*, а действие *have got* предшествует данному состоянию. Действия *does not meet, can love* совпадает с моментом речи, а фразеологизм *have been in deep waters* выражает действие, предшествующее моменту речи. Словом, здесь категория порядка выражена в форме противопоставления действий или состояний, совпадающей с моментом речи, с действиями, предшествующими этому моменту.

Хотя в системе английского глагола категория времени признается грамматической (морфологической) категорией, тем не менее существуют различные точки зрения на то, сколько временных форм в глаголе, являются ли формы перфекта формами времени или вида,

представлена ли оппозиция времени двумя противопоставленными формами (прошедшее-непрошедшее) или тремя (настоящее-прошедшее-будущее) и др. Трудность при рассмотрении категории времени во многом определяется тем, что в глагольном слове реализуются не только временное содержание, но и иные, в частности, видовые характеристики. Поэтому различие в точках зрения на категорию времени во многом определяется тем, признается ли в языке наличие не только категории времени, но и категории вида, и если признается, то, как понимается их соотношение.

Одним из спорных вопросов в рассматриваемой категории является и вопрос о футуральных формах (*the Future Tenses*), поскольку все футуральные формы имеют в качестве вспомогательного глагола - глаголы *shall u will*. Они по степени их делексикализации не могут быть полностью приравнены к другим вспомогательным глаголам, используемым для образования таких форм, как Continuous (вспомогательный глагол *to be*) или *Perfect* (вспомогательный глагол *to have*). Хотя исследователи не исключают использование *shall* и *will*, как чисто вспомогательных глаголов (то есть полностью делексикализованных глаголов), все же большинство разделяют точку зрения, согласно которой этим глаголам присуще модальное значение.

О. Есперсен не считает целесообразным включать форму *Future* в систему временных форм, считая, что сохранение у *shall, will* модальных значений не позволяет рассматривать формы с ними как чистые формы будущего времени. Однако он допускает, что функционально эти глаголы могут приближаться к функции вспомогательных глаголов, используемых для образования аналитических форм глагола[51, 404]. В точке зрения Н. Ф. Иртеневой нашел отражение взгляд на футуральные формы как на подчиненные формы. Так, *the Future Indefinite-ҳозираи номуаян, the Future*

Continuous-оянндаиу давомдор, the Future Perfect-ояндаи мутлақ, the Future Perfect Continuous ояндаи мутлақи давомдор, по мнению автора, система будущих времен, связанных с настоящим временем, а все разряды *the Future-in-the-Past-оянда дар гузашта, the Future-in-the-Past Continuous-оянда дар гузаштаи давомдор, the Future-in-the-Past Perfect Continuous- оянда дар гузаштаи мутлақи давомдор, the Future-in-the-Past Perfect-оянда дар гузаштаи мутлақ-* система будущих времен, связанных с прошедшим [65,224]. А. И. Смирницкий, однако, отмечая, что формы условного наклонения и «будущего в прошедшем» совпадают, считал, что последнее не следует отрывать от форм условного наклонения. «Можно с полным основанием сказать», пишет А. И. Смирницкий, что «будущее в прошедшем» не выделяется как особая форма времени, а включается в условное наклонение как частный случай употребления условного наклонения, возможность которого определяется его общим значением» [125,225].

Следующая проблема в категории времени — это проблема перфекта. Многочисленные точки зрения, высказанные как в советской, так и зарубежной англистике, позволяют свести их к трем, представляющим основные направления в рассматриваемой проблеме.

Категория перфекта рассматривается как временная категория, стоящая в том же ряду, что и «настоящее время» и «будущее время». Такая точка зрения высказывалась многими лингвистами, в частности О. Есперсеном.

По другой, не менее распространенной точки зрения, считается, что основа перфекта — это его видовая характеристика и, соответственно, перфект рассматривается в ряду «совершенного» и «несовершенного» вида. Однако по поводу того, что же является особенностью видового значения перфекта, единства взглядов не было достигнуто (см. в настоящем пособии «Вид»). Среди советских

англистов эта точка зрения получила наиболее глубокое обоснование в работах Г. Н. Воронцовой и Б. А. Ильиша.

Третья точка зрения противопоставлена как первой, так и второй: перфект не относится ни к категории времени, находящейся в одном ряду с «настоящим» и «прошедшим», ни к категории вида. Перфект выделяется как специальная категория, вошедшая в теоретические курсы грамматики английского языка как категория временной отнесенности, категория, связанная как с видом, так и со временем. А. И. Смирницкий особо подчеркивал эту связь. Л. С. Бархударов и Д. А. Штелинг считают, что в английском языке любая глагольная форма является либо перфектной, либо неперфектной, и это противопоставление перфектных и неперфектных форм образует категорию временной отнесенности [9,424]. Выделение А. И. Смирницким категории временной отнесенности свидетельствует о том, что в перфектных формах исследователи усматривают не просто время как таковое, а особенность этой формы, способность передавать относительную временную локализацию. Г. Н. Воронцова, посвятившая форме *the Present Perfect-ҳозираи мутлақ* специальное исследование, рассматривает перфект как формы, составляющие систему «на общей видовой основе». В целом, независимо от того, признается ли перфект категорией временной отнесенности или нет, большинство исследователей сходятся на том, что в нем совмещаются как временные, так и видовые характеристики. Большая роль в передаче перфектом видовой характеристики принадлежит причастию прошедшего времени, в форме которого стоит смысловой глагол при образовании перфекта. Вопрос о соотношении временных и видовых характеристик в глагольных видовременных формах в современном английском языке рассматривается В. Я. Плоткиным, который выделяет определенные этапы в становлении видовременной системы английского глагола.

Но прежде чем подробнее остановиться на концепции В.Я. Плоткина, рассмотрим такое понятие, как «момент речи»[101,79-80]. «Момент речи» - это точка отсчета временного отрезка (времени).

Настоящее время – это временной отрезок, который включает и «момент речи»; прошедшее время - это отрезок времени, который предшествует «моменту речи»; будущее время - это отрезок времени, который наступает после настоящего и, естественно, после «момента речи».

Итак, грамматическая (морфологическая) категория времени (*tense - закон*) - это отношение действия к моменту отсчета времени (*time - факт*) к «моменту речи».

В. Я Плоткин считает, что прошедшее и будущее противопоставляются друг другу по содержательной характеристике «предшествование» — «следование».

Точка отсчета, по отношению к которой определяется «предшествование» или «следование» - настоящее время, которое таким образом, характеризуется как время, которое не выражает ни предшествования, ни следования. Кроме трех времен - настоящего, прошедшего и будущего, В. Я Плоткин выделяет четвертое - будущее в прошедшем. Если прошедшее время характеризуется предшествованием, будущее - следованием, то будущее в прошедшем характеризуется и следованием и предшествованием. Таким образом, каждое из времен имеет свои содержательные характеристики, в которых проявляется их связь с настоящим временем. Это может быть представлено в следующей таблице:

Таблица №3

Содержательная характеристика	Предшествование (гузаашта)	Следование (пай дар пайи)
Время-Вақт Настоящее время(замони ҳозира)	+	+
Прошедшее время(замони гузаашта)	+	+
Будущее время(замони оянда)	-	-
Будущее в прошедшем(замони оянда дар гузаашта)	+	

Как ясно из таблицы, прошедшее и будущее время имеют одну из характеристик - «предшествование» или «следование»; настоящее время характеризуется отрицательно как по характеристике «предшествование», так и «следование». А будущее в прошедшем имеет одновременно обе характеристики - и «предшествование» и «следование». Это возможно потому, что будущее сдвинуто в прошедшее и точка отсчета - это не «момент речи», включенный, в настоящее, а точка отсчета, сдвинутая в прошедшее. Например:

He said that he would do this job but he didn't. - *Ӯ гуфт, ки ин корро ичро мекунам, аммо накард.*

В английском языке «*do-ичро*» «*would-мекунад*» стоять в форме будущего и передавать действие, которое будет будущим по отношению к «*said-гуфт*» и прошедшим по отношению к моменту речи. Схематично это можно представить следующим образом.

Момент речи

He said that he would do this job but he didn't. - Ў гуфт, ки ин корро ичро мекунам, аммо накард.

Каждое действие, будь то настоящее, прошедшее или будущее, может предшествовать, завершиться к определенному времени в настоящем, прошедшем или будущем или может длиться в определенный момент в прошлом, настоящем или будущем. Характеристика «длительность», «законченность» отличается от характеристики «предшествование» - «следование», но не в плане времени, а в плане вида. Так, в приводимых далее примерах видно, что «длительность» - «завершенность» («перфектность») может характеризовать действие в любом времени — и в настоящем и в прошедшем и в будущем тогда как «следование» — «предшествование» характеризует или прошедшее или будущее время.

Look! He is crossing the street. . - Нигар! Ё аз куча гузашта истодааст.

He was working when I left. - Вақте ки ман рафтам, ё кор карда истода буд.

At 2 he'll be having his dinner. - Соати 2 ё хӯроки нисфирӯзи мехурад.

I've finished my work, I'm free now. - Ман корро ба анҷом расонидам ва ман озодам ҳоло.

He had finished his work by 5 o'clock. - Ё кораширо дар соати 5 ба итмом расонд.

We shall have finished our work by 5 o'clock. - То соати 5 мо корро ба анҷом мерасондем.

Таким образом, глагольная форма характеризуется как временными, так и видовыми признаками. Соответственно, глагол в системе английского языка представлен видовременными формами с набором признаков «предшествование», «следование», «длительность», «завершенность» («перфектность»)

Разряд индефинитных форм (*the Indefinite Tenses-шаклҳонумуаяни*) характеризуется отрицательно, как по временным содержательным признакам (противопоставление «предшествование» - «следование»), так и по видовым признакам (противопоставление «длительность» - «перфектность» («завершенность»)) в *the Present Indefinite*, по обоим видовым признакам и одному временному - в *the Past Indefinite* и в *the Future Indefinite* и по обоим видовым - в *the Future-in-the-Past*. Этому разряду противопоставлена форма перфектно-длительного будущего в прошедшем *the Future Perfect Continuous-in-the-Past*, которая имеет одновременно набор всех четырех содержательных признаков - «предшествование», «следование», «длительность», «перфектность», («завершенность»).

Характеристика Видовременных форм	«предшествование»	«следование»	«длительность»	«перфектность» («завершенность»).
the Present Indefinite Tense				
the Past Indefinite Tense	+			
the Future Indefinite Tense		+		
the Future-in-the-Past	+	+		
the Present Cont. Tense			+	
the Past Cont. Tense	+		+	
the Future Cont. Tense		+	+	
the Future Cont.-in-the-Past Tense	+	+	+	
the Present Perfect Tense				+
the Past Perfect Tense	+			+
the Future Perfect Tense©		+		+
the Future Perfect-in-the Past Tense	+	+		+
the Present Perfect Cont. Tense			+	+
the Past Perfect Cont- Tense	+		+	+
the Future Perfect Cont. Tense	+		+	+
the Future Perfect.-Cont.-in-the-Past Tense	+	+	+	+

Большинство грамматистов, однако, сходятся на том, что в системе английского языка выделяются три основные формы времени - настоящее, прошедшее и будущее (по В. Я. Плоткину - и будущее в прошедшем), в рамках которых выделяются четыре разряда: основной разряд номуаянй (*Indefinite*) и перфектно-длительный (*Perfect Continuous*), давомдор (*Continuous*), мутлак(*Perfect*).

Четыре разряда видовременных форм обычно называют временами «*tenses-замонҳо*» и, соответственно, разряды называются:

the Indefinite Tenses, -Замонҳои номуаянй,

the Continuous Tenses, -Замонҳои давомдор,

the Perfect Tenses, - Замонҳои мутлак,

the Perfect Continuous Tenses .- Замонҳои мутлақи давомдор.

Каждый из них может иметь форму настоящего времени, прошедшего и будущего. Поэтому принято говорить, что в активном залоге видовременной системы английского глагола 16 видовременных форм. Каждый разряд, независимо от времени, имеет единообразное оформление: для длительных форм это сочетание глагола *to be* с причастием настоящего времени, для перфектных *to have* с причастием прошедшего времени и т. д. Каждый разряд характеризуется не только общими формальными признаками, но и содержательными, а также присущей разряду спецификой употребления. Категория времени присуща и именным (*non-finite*) формам глагола и они делятся на 4 группы:

1) Группа *Indefinite - номуаянй*

I do my homework

(Ман вазифаамро иҷро мекунам)

I did my homework

(Ман вазифаамро иҷро кардам)

I shall do my homework

2) Группа *Continuous - давомдор*

I'm doing my homework

(Ман вазифаамро иҷро карда истодаам)

I was doing my homework

(Ман вазифаамро иҷро карда истода будам)

I shall be doing my homework

(Ман вазифаамро и чро карданиям) (Ман вазифаамро и чро карда истоданиям)

I should do my homework

I should be doing my homework

(Ман вазифаамро и чро мекунам)

(Ман вазифаамро и чро карда истоданиям)

3) Группа **Perfect - Мутлақ** 4) Группа **Perfect Continuous - Мутлақи давомдор**

I have done my homework

I have been doing my homework

(Ман вазифаамро ба ан чом расонидам) (Ман вазифаамро ба ан чом расонида истодаам)

I had done my homework

I had been doing my homework

(Ман вазифаамро ба ан чом расонидам) (Ман вазифаамро ба ан чом расонида истода будам)

I shall have done my homework

I shall have been doing my homework

(Ман вазифаамро ба ан чом расониданиям) (Ман вазифаамро ба ан чом расонидани

будам)

I should have done my homework

I should have been doing my homework

(Ман вазифаамро ба ан чом мерасонам) (Ман вазифаамро ба ан чом расонда истоданиям)

Многие учёные-англисты не разделяют данное мнение о существовании 16 времён у английского глагола. Мы также согласны с мнением о невозможности введения всех 16 форм в категорию времени, поскольку и ***Past Indefinite-гузаштаи номуаян***, и ***Present Perfect-ҳозираи мутлақ***, и ***Past Perfect-гузаштаи мутлақ*** обозначают действие, которое закончено в прошлом. Таким же методом формы ***I do my homework***, ***I shall be doing my homework***, ***I shall have done my homework*** и ***I shall have been doing my homework*** подтверждают действие, происходящее в будущем или же формы ***I do***, ***I am doing*** обозначают действие, которые относятся к настоящему времени. Более того, пары типа: ***I have done – I have been doing***, а также ***I had done – I had been doing*** во временном плане ни чем не имеют различий друг от друга. Они свидетельствуют о действии, которые совершились в прошлом. Что касается форм типа: ***I should do***, ***I should be doing***, ***I should have done***, ***I should have been doing***, то в координате времени для них нет места, потому как, если рассуждать по-философски, существуют три времени: прошедшее,

настоящее и будущее. Поэтому словоформы со вспомогательными глаголами *should u would* никак нельзя считать категориальной формой времени английского глагола. Как пишет Е. К. Трауготт, лингвистическое время, которое само по себе является не столько временем, сколько выражением осмысления времени говорящим, развивает независимую систему, лишь только отчасти связанную со временем, которое изучают физики, философы, психологи[49,272]. Осмысление времени индивидом и его языковая материализация реализовываются тремя методами:

1) посредством слов или конструкций, которые обозначают время. Например: *After an hour be here - Баъди як соат хозир кун. I shall have been going home tomorrow too. Ман ба хона нагоҳ ҳам рафта метавонам - I am leaving again for Port Elisabeth by car to-morrow at dawn - Фардо ҳангоми туъли офтоб ман боз Барои бандаргоҳи Элизабета рафта истодаам. Thus they had often finished their breakfast ... by seveno'clock - Ҳамин тариқ онҳо зуд-зуд наҳорияшонро дар соат -7 ба итмом мерасонданд.*

В вышеуказанном таджикском примере на отнесенность действия к будущему времени указывает словосочетание *баъди як соат*, а во втором примере об отнесенности действия к будущему времени сообщает наречие *нагоҳ*. Однако если заменить слово *нагоҳ* на наречие *ҳозир*, то глагол-сказуемое будет обозначать действие, которое относится к настоящему времени.

В английском примере глагол использован в форме так называемого настоящего продолженного времени, но благодаря конструкции *to-morrow at dawn* данная конструкция обозначает будущее время, а не настоящее. Во втором английском предложении обстоятельственный оборот *by seveno'clock* указывает на законченность действия и его отнесенность к прошедшему времени.

2) Отнесенность действия к тому или иному времени может выражаться контекстуальными средствами. В таких случаях речь идёт о синтаксисных отношениях между предикативными группами состава предложения.

Например: *I went in to the cellar; all the barrels were gone, and of the bottles a most surprising number had been drunk out and thrown away,-* *Одамон ба сару вай рафтанд, ки ру ба замин дароз кашада буду аз тахти пайкари калонаш берун омада тир меустод .*

В таджикском примере время действий *дароз кашада буд и тир меустод* определяются по отношению к действию *рафтанд*, а в английском примере таким же образом действия второго и третьего предложений определяются на основе действия, выраженного в первом предложении.

3) Осмысление времени говорящим лицом и его выражение в языке происходит посредством специальных форм глагола. Например: 1) *Every market-girl comes up to me with bunches of flowers -Дар бозор ҳар як духтари гулфурӯш ба назди ман бо даста гулҳо меояд.* 2) *They went out into the still, shadowy cloister garden-Онҳо ба сӯи боғи сокиму нурсоян савмиа баромада рафтанд* [174,233].

В первой паре примеров об отнесенности действия к настоящему времени сообщают словоформы *comes* и *меояд*. Во второй паре предложений словоформы *went out* и *баромада рафтанд* свидетельствуют об отнесенности действия к прошедшему времени.

В ранее сказанных ситуациях осмысление времени говорящим происходит в момент речи, поэтому время совершения действия исчисляется относительно данного момента. Говорящий может осмыслить истекшее действие и выразить его соответствующими языковыми средствами. Он может понять то действие, которое по времени совпадает с моментом речи. Он также может говорить о действии, которое будет происходить после момента речи. Прошедшие действия могли происходить в различных точках времени в прошлом, т.е. до момента речи.

Вследствие этого невозможно считать временными формами глагола словоформы типа *have (has) written, have (has) being writing, was writing, had written и had been writing*, поскольку они выражают такие действия, произошедших в разных временных точках до момента речи. Данные формы указывают не на время, а на что-то другое, о чём пойдет речь позже. Таким же образом, словоформы типа *shall/will be writing, shall/will have written, shall/will have been writing* указывают на отнесенность действия к будущему времени. Данные концепции предназначены также для формулирования не времени, а иных грамматических значений, что будет рассмотрено на последующих страницах нашего исследования. Вследствие этого совершенно верным является определение категории времени, предлагаемого профессором О. С. Ахмановой: «Время – это грамматическая категория глагола, соотносящая действие (процесс) с моментом речи. Момент речи принимается в качестве точки отсчёта для различения трёх грамматических времён: прошедшего – до момента речи, будущего – после момента речи, настоящего – с включением момента речи[3,607].

Исходя из того, что понимание времени совершается в процессе речи, невозможно рассуждать о функционировании относительных времён, что базируется на определении категории времени некоторым рядом лингвистов, которое звучит так: «Грамматическая категория времени (tense) – отношение действия к моменту отчёта, которым является, в первую очередь, условный момент речи».

Как очевидно, И. П. Иванова заявляет не об отношении действия к моменту речи, а об отношении действия к моменту отсчёта. В соответствии этого, она находит точку отсчёта в прошедшем времени, а также временной центр в будущем времени. С данным суждением большинство лингвистов не соглашаются, ибо любая точка отсчёта времени определяется моментом речи, поскольку говорящий вспоминает о любом действии, которое произошло в различных временных точках именно в момент речи, а не в

какой-то временной точке в прошедшем или будущем. Вследствие этого, мы не стремимся выделить особенные временные формы, соотносящиеся с каким-то временным центром в прошлом или будущем. Исходя из этого, так называемые формы **давно-прошедшего** времени, **прошедшего повествовательного** времени, **прошедшего длительного** времени, **прошедшего повествовательного пересказательного** времени в таджикском языке не являются временными формами, не говоря уже о так называемых **предположительных временах** (*замонҳои эҳтимолӣ*, но тут же он в скобках оговаривается, что это наклонение)[59,197].

Это же самое можно сказать и об отношении перфектных, перфектно-длительных и длительных форм английского глагола. Как было указано выше, они относятся не к категории времени английского глагола, а относятся к другим грамматическим категориям глагола. Об этом будет сказано позже. Следовательно, вслед за профессором А. И. Смирницким, мы классифицируем три времени у английского, а в таджикском языке предлагаем классифицировать два времени, поддерживая суждение Усмонова К.У. [142,82-85].

В английском языке действие, которое относится к настоящему времени, выражается двумя способами: первый способ – это исходная форма глагола для всех лиц и чисел, кроме третьего лица единственного числа. В третьем лице единственного числа к основе глагола прибавляется морфема *-(e)s*, а в других лицах и числах глагол употребляется без каких-либо окончаний. Например: *I think we are like many* - *Ман фикр мекунам мо бисёр монанди дорем. Is there any particular thing you want to see over here?* (*Шумо мехостед дар инҷо ашӯҳои махсусро бинед?* *He lives in one wing of it.* - *ӯ дар як қаноти ин иморат зиндагӣ мекунад. Simply because we know it's no earthly.* - *Комиланин бефоида аст, барои он ки мо медонем. They work like cart-horses.* - *Онҳо монанди аспҳои боркаш кор мекунанд...*

Все эти словоформы в английских грамматиках объединяются подобным названием *The Present Indefinite Tense* (настоящее не определённое время). Нам представляется разумным назвать их *The Non-Continuous Present Tense* (настоящее недлительное время). Данное время обозначает три вида действия: 1) Действие, которое совпадает с моментом речи, но оно непродолжительное. Например: *I give you a golden guinea* (монета стоимостью в 21 шиллинг) *for a noggin* - *Ман ба ту ба ивази як кружкача ром як гинейи тилло медухам*)

Предоставленное значение данной временной формы, как очевидно из перевода, передаётся на таджикский язык словоформой медухам, состоящей из основы настоящего времени смыслового глагола в сочетании с префиксом **ме-** и личным окончанием **-ам**.

2) Оно служит для выражения действия, которое, как правило, повторяется в настоящем времени: *I never was to good money of mine* – *Ман молучизи чамъ кардаамро аз даст намединхам*. Как очевидно из перевода, и в этом случае данная словоформа передаётся сочетанием префикса **ме-** и личного окончания с основой настоящего времени таджикского глагола.

3) Данная временная форма служит также для обозначения общеизвестных фактов и событий (*universal truth*): *The Earth moves round the sun* - *Замин дар гурди офтоб давр мезанад*.

И в этом значении *The Present Non-Continuous Tense* соответствует таджикской словоформе указанного типа. Кроме того, данная временная форма английского глагола с целью живописания служит для выражения происходящих в прошлом серии действий. В.В. Гуревич, следом за другими англистами, называет данную ситуацию употребления этого времени настоящим историческим (*Historical Present*). Как указывает В.В. Гуревич, указанная функция этого времени наиболее характерна в изображении ряда прошлых действий последовательной цепи.

И он предоставляет нам такой пример: *Suddenly John comes in and says - Нохост Ҷон даромад ва гуфт*. Здесь вместо *came and said* употреблено *comes and says*. Кроме того, как справедливо подметил исследователь, имеются контексты, в которых форма настоящего времени вообще не относит действие ни к какому конкретному временному плану. Это как правило связано с наличием скрытых модальных значений: *Do you speak French? - Бо франсавӣ ҳарф мегӯӣ?*; (= *can't you speak?-метавони гап зани?*) *I tell you it's true ! - Ман мегӯям ин дуруст аст !* (= *wish to tell you-хоҳиш дорам ба шумо гӯям*); *I give you a warning!-Ман ба шумо огоҳи медиҳам !* (= *I want this to be a warning to you-мехоҳам шумо аз ин бохабар бошед*); *Why don't you tell me the truth?-Барои чӣ шумо ба ман росташа намегӯед?* (= *why don't you want to tell me?-Барои чӣ намехоҳед гӯед*)[42,168]

Таджикская словоформа типа *ме-* + основа глагола + личное окончание также может выражать последовательность действий в прошлом.

Например: *Дирӯз мо соати панҷи сӯбҳ дар майдончаи варзишӣ бо ҳамсоя суҳбат мекардем - Yesterday at 5-o'clock in the morning I have been speaking with my neighbour in the sport-ground. Ногаҳон бозии футбол оғоз мешавад ва ба майдон бозингаре мебарояд - Suddenly the plays begin and a player entered into the ground. Ў ба ман салом медиҳаду бози мекунад - He greeted me and plays .*

Из выше приведённых примерах В.В. Гуревича, глагольные формы *speak, tell, want* переводятся на таджикский язык выше приведенной словоформой таджикского языка.

Во всех источниках таджикского языка данная словоформа называется формой настоящего-будущего времени, с чем выражает своё несогласие К.Усманов, обосновывая это тем, что в одной словоформе не могут сосуществовать два противоположных значения настоящего и будущего времён. Поэтому он называет эту словоформу настоящим

непродолжительным временем, с чем согласны мы [139,230]. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что *The Present Non-Continuous Tense* английского языка соответствует форме настоящего недлительного времени (замони хозираи ғайридавомдор) таджикского языка.

Второй способ выражения действия, относящегося к настоящему времени, состоит в английском языке из личных форм глагола *to be (am, is, are)* + основа глагола + морфемы *-ing*. Такую словоформу в английских грамматиках называют формой *The Present Continuous Tense* (настоящее длительное время). Предоставленная временная форма служит для оборота следующих типов действий: 1) действие, протекающее в данный момент, т.е. в момент речи: *Oh! I'm talking nonsense!* – *Ох, ман чӣ гапҳои беъманӣ гуфта истодаам.* 2) Порой *Present Continuous Tense* служит для выражения действия, которое происходит в ближайшем будущем, и оно было заблаговременным: *I am going away on Tuesday* – *Ман рузи панҷшанбе аз ин ҷо рафта истодаам.*

Эти два грамматических значения *The Present Continuous Tense*, как очевидно из вышеприведенных переводов, передаётся на таджикский язык посредством формы причастия предшествования смыслового глагола и вспомогательного глагола *истодан* в форме того же причастия с личными окончаниями (*гуфта истодаам, рафта истодаам*).

Наряду с этими двумя функциями, М. А. Ганшина и Н. М. Василевская находят ещё одну функцию у этой временной формы: настоящее время длительного вида может быть применено для выражения действий, постоянно характеризующих субъект. В этой функции оно приобретает эмоциональный колорит и они приводят следующие примеры: *That's what you are always saying, Geogre.* - *Ана он ашӯҳо, Ҷорҷ ки ту ҳамавақт гуфта истодаи.* (*Gordon*). *He is always thinking about other people.* - *ӯ ҳамавақт дар бораи дигар одамон фикр карда истодааст* [34,248].

Предоставленная функция данной временной формы английского языка передаётся на таджикский язык формой инфинитива смыслового глагола в сочетании с модифицирующим глаголом *гурифтан* в личной форме и с префиксом *ме-*, т.е. *You are always saying* и *He is always thinking* соответственно переводятся на таджикский язык *доим гуфта меустед, доим фикр карда меустед*. Следовательно, и в английском, и в таджикском языке для выражения действия, относящегося к настоящему времени, применяются две различные формы, о разнице которых пойдёт речь при анализе категории вида. Это говорит о том, что в данной области грамматических категорий глагола между сопоставляемыми языками обнаруживается почти полное тождество, так как для этой цели служат одна синтетическая (*give -медихам*) и одна аналитическая форма (*am talking – гуфта истодан*). Различие между языками состоит в том, что английская синтетическая форма практически лишена флективных морфем, тогда как в таджикском языке употребляются две такие морфемы: морфема *ме - ... - ам* (*- ӣ, - ад, - ем, - ед,- анд*). Кроме того, в составе аналитической формы настоящего времени в английском языке употребляется вспомогательный глагол *to be*, тогда, как в таджикском языке применяется вспомогательный глагол *истодан*. Второе различие заключается в том, что в составе аналитической формы в английском языке сначала идёт вспомогательный глагол, а потом смысловой, а в таджикском языке совсем наоборот. Для выражения действия, относящегося к прошедшему времени, английский язык употребляет также две формы: 1) основа глагола + морфема *-ed* для правильных глаголов и разные чередования унеправильных глаголов. У такой глагольной формы полностью отсутствуют личные окончания. Например: 1) *Montanelli changed the subject hastily* – *Монтанелли зуд мавзуи гуфтугуро дигар кард*
2) *I dropped into the hollow, lifted the side of the vent* . – *Ман лаби чодирро бардошта, бачукурӣ фуромадам* .
3) *But now, at last, I had my chance* – *Дар охир ба итихобам ноил шудам*

4) *For a moment they sat quiet silent in the darkness* – *Лаҳзае дуяшон дар торикӣ хомӯш нишастанд* [168,616].

В различных грамматиках английского языка словоформы указанного типа называют формами *The Past Indefinite Tense* (прошедшее неопределенное время). Мы склонны называть их формами *The Past Non-Continuous Tense*. Данная временная форма английского глагола в основном выражает два вида действия: 1) действие, которое закончилось в определенной точке времени в прошлом и соответственно такое значение подкрепляется посредством наречий и адverbиальных оборотов типа: *yesterday, last week, ten years ago* ит.д.: *I told you as much yesterday* - *Дурӯз ман ба шумо ҳамон қадар гуфтам. Two or three days later he heard that Arabella and her parents had departed* – *Ду ё се рӯз пас ӯ шунид, ки Арабелла ва волидайнаш алақай рафтаанд.*

Как очевидно из перевода английских предложений, указанная временная форма передается на таджикский язык посредством специальной глагольной формой, состоящей из основы прошедшего времени с личными окончаниями (-ам, - и, - Ø, - ем, - ед, - анд). Методы образования основы прошедшего времени различны и сложны в таджикском языке и здесь глаголы делятся на правильные и неправильные, как в английском языке. Правильные глаголы образуют эту форму посредством морфемы -т или –дот основы настоящего времени: *хон – хонд, рав – рафт*. У неправильных глаголов происходят сложные процессы чередования и изменения в основе настоящего времени глагола, что детально описано в научном труде В.С. Расторгуевой «Основы иранского языкознания. Новоиранские языки»[108,570]. Эту форму таджиковеды называют простое прошедшее время. Мы предлагаем употребить для этой временной формы термин прошедшее законченное время. Данная временная форма таджикского глагола обозначает законченное действие в прошлом: *Abumashari Balkhi wrote more than thirty works on the science of Cosmology*– *Абумаъшари Балхӣ*

дар илми қайат сиучанд асар таълиф кард. Как видно из перевода, данная временная форма таджикского языка переводится на английский язык формой *The Past Non-Continuous Tense* - *замони гузаштаи давом наёфта*. Форма *The Past Non-Continuous Tense* имеет и иную функцию. Она обозначает действие, которое повторялось в прошлом. Повторяемость действия дополнительно маркируется посредством наречий типа: *often, always, usually*, а также иными синтаксическими средствами. Такое действие обычно выражается формой *The Past Non-Continuous Tense* неопределённых глаголов: *The hamlet lay not many hundred yards away* . – *деҳача аз мо дар як чанд ярд дуртар мехобид* . *She always knew what not to say, even when we were babies* – *Ў ҳамеша, ҳатто замоне, ки дуямон хурдсол будем, хуб медонист аз чӣ хусус набояд сухан ронд* [164,303].

Как ясно из перевода данного предложения на таджикский язык, эквивалентом данной функции, указанной временной формой английского глагола является словоформа, состоящая из трёх значимых единиц: префикс *me-*, который указывает на длительность или повторяемость действия, 2) основа прошедшего времени смыслового глагола, 3) личные окончания (*мехобид, медонист*). В наших примерах в качестве личного окончания глагола выступает нулевая морфема. Следовательно, форма *The Past Non-Continuous Tense* передаётся на таджикский язык двумя словоформами: одна из них указывает на законченность действия, а другая на его повторяемость.

Другой метод выражения прошедшего действия в английском языке представляет собой сочетание личной формы вспомогательного *to be* в прошедшем времени в сочетании с формой *Participle I* смыслового глагола. Например: *Just while I was meditating, a puff came, caught the, Hispaniola, and forced her up into the current*. – *Ҳанӯз ки ман таъхир карда меистодам ба ногоҳ тӯфон ҳамла карда “Испаниола”-ро ба муқобили ҷараёнӣ об тела дод* . *Two English artists were sitting on the terrace* – *Дар айвон ду раскоми англис менишастанд*[183,194].

Данная временная форма в английских грамматиках называется *The Past Continuous Tense*. Она обозначает действие, которое продолжалось в определенной точке времени в прошедшем. Как видно из вышеприведенных переводов, она передается на таджикский язык двумя способами: 1) сочетанием формы причастия предшествования со вспомогательным глаголом *истодан*, который принимает префикс *ме-* и личное окончание к своей форме основы прошедшего времени: *ме + истод + анд*. Такая форма глагола не комментируется в источниках по грамматике таджикского языка, однако широко применяется в разговорной речи таджиков, хотя иногда попадает и в книжный литературный язык. Поскольку самой длительной формой таджикского глагола является новообразование, которое возникло в годы советской власти, формы типа *таъхир карда меистодам* относятся к более позднему времени формирования таджикского языка в указанном переводе. Вследствие этого она находится на этапе проникновения в таджикский литературный язык. Данная форма указывает на действие, которое продолжалось в какой-то точке времени в прошедшем и называет действие без своего предела. Появление данной формы связано, по-видимому, с тем, что словоформа типа *мехондам* обозначает два вида действия. В зависимости от контекста или предельности или неопределенности глагола она обозначает действие либо повторившееся, либо продолжавшееся в прошлом: *Arsonaly is at the hall waiting for his dear.- Арслонали дар назди ҳол интизори маҳбубии худ меистод* [195,185].- Здесь словоформа *меистод* выражает длительное действие. Кстати, глагол *истодан*, будучи неопределенным, может выступать в качестве смыслового глагола, как в нашем примере, либо в функции вспомогательного глагола. Наоборот, в примере: - *Амакатонро медонам, ҳаққи мардумхуре буд. Аз тарозую аз пул мезад* (там же, с. 214), словоформа типа *мезад* указывает на действие, которое повторялось в прошедшем.

Полагается, что вторая функция словоформы типа *мехондам* возможно заменить словоформой типа *хонда меустодам*. Во втором примере словоформа *were sitting* передается на таджикский язык словоформой *менишастанд*. Предложенная форма, как мы было указано ранее, в данном случае показывает свою вторую функцию – указание на продолжившееся действие в прошлом. Данная форма грамматики таджикского языка называется прошедшее повествовательное время (*замони гузаштаи хикоягӣ*). Нам представляется, что пока надлежит сохранить за данной формой указанный термин, а новообразование типа *таъхир карда меустодам* следует назвать «*замони гузаштаи давомдор*». Следовательно, в английском языке для выражения прошедшего действия применяются две формы (*worked, was working*), различие между которыми будет проанализировано при анализе категории вида. А в таджикском языке для выражения прошедшего действия применяются три формы: *навиштам, менавиштам, навишта меустодам*. Первая форма английского глагола соответствует таджикским формам первого и второго типа, а вторая форма английского глагола может передаваться или формой второго, или третьего типа. Для выражения будущего времени в английском языке применяются два ряда форм: 1) *shall/will* + инфинитив без частицы *to*, 2) *shall/will* + *be* + *Participle I* смыслового глагола. Первая форма служит для выражения двух видов действия: 1) действие, которое заканчивается после момента речи в определенной точке времени: *She will be down in a few minutes* [194, 98]. – *Баъд аз чанд дақиқа хонум поён мефуроянд* [168, 97]. *I shall be late at the hospital* [195, 158]. – *Ба касал хона ман дер мемонам* [158,155]. *I'll come to your office as soon as I obtain their consent to the plan* [188, с. 56]. – *Ман ба идораи шумо меоям ҳамин ки розигии онро нисбати ин нақша мегирам* (перевод информантов). В этих трёх примерах словоформы *will be down, shall be late, 'll* (сокращение от *shall*) *come* переданы на таджикский язык словоформами *поён мефуроян, дермемонам, меоям*. Эти и аналогичные

словоформы называются в таджикском языке формами настоящего-будущего времени. Такие формы не могут обозначать действия, которые относятся к двум временным сферам – настоящему и будущему. Вследствие этого в таджикском языке отсутствует специальная грамматическая форма, которая обозначает отнесенность действия к будущему времени. На такое значение в таджикском языке указывается посредством либо контекста, либо наречия, либо обстоятельственных оборотов, относящих действия к будущему времени. В предложенных примерах данную функцию принимают на себя контекстуальные условия вышеприведенных предложений. Возьмем два примера из таджикского языка: 1) *Акнун баъди андак вақт сохиби хонаву ҷо шуда метавонед* [151,168]. - *Now after some times you will domin the house and place*. Здесь на отнесенность действия шуда метавонед указывает обстоятельственный оборот *баъди андак вақт*. 2) *Ман ҳаракат мекунам, ки аз кор зудтар баргардам - I shall try quickly come back home from work . Бо ҷамроҳии ту зиёфати Марияро хӯрда, баъд ба неши муаллим меравем* [91,179]- *With you we will have Mariya's treating and than we will go to the teacher*. Как было отмечено выше, на будущность действия указывает также аналитическая форма типа *shall/will be doing*, которая обозначает действие, которое продолжается в будущем в определенной точке или периоде времени в будущем. Например: *I shall be cleaning it up when you come with my things* [185,119]. – *Вақте, ки ту чизҳои маро меорӣ, ман инро тоза карда меистам*. Из перевода следует, что указанная словоформа передается на таджикский язык посредством формы причастия предшествования в сочетании со вспомогательным глаголом *истодан*, к которому прибавляется префикс *ме-* и личные окончания. Данная форма также является новообразованием в таджикском языке, которое ещё не включено в грамматические источники таджикского языка, однако их можно встретить и в разговорной речи, и частично, в таджикской художественной литературе. Иных форм для выражения будущего времени в таджикском языке не

имеется. В научном исследовании Н. Масуми, а также иных источниках по таджикской грамматике упоминается функционирование будущего далекого времени (замони ояндаи дур) или будущее литературное время [86,352]. Как подмечает К. Усмонов с данным суждением невозможно не согласиться, ведь данное суждение противоречит определению понятия грамматической категории. В одной грамматической форме не могут сосуществовать два противоположных значения одной грамматической категории. Так, например «*мехонам*» не может обозначать действие, которое относится и к настоящему и к будущему времени. В природе встречается аналогичное положение – одно лицо не может быть и женщиной и мужчиной, один цвет не может быть и красным и зелёным, действие «дать» не может обозначать «забрать», один фрукт не может быть и ягодой и грушей. Такая двусмысленность противоречит законам материи и жизни. Исходя из этого, невозможно считать словоформу типа «*мехонам*» формой и настоящего и будущего времени. Данная словоформа вне контекста обозначает только действие, которое относится исключительно к настоящему времени, поэтому она входит в парадигму настоящего времени таджикского глагола. Далее К. Усмонов продолжает, что форму типа «*хохам хонд*», считаемую в таджиковедении формой будущего далекого времени (замонаи ояндаи дур) невозможно отнести в парадигму категории времени [138,38-44]. К. Усмонов приводит следующие аргументы:

1) Данная словоформа не обозначает настоящее действие, т.к. его выполнение неизвестно. Поэтому к предложению «*Ў пагоҳ дар мактаб сурудаширо хоҳад хонд*» нельзя поставить вопрос: «*У пагоҳ дар мактаб сурудаширо хоҳад хонд ми?*» Такой вопрос невозможно поставить и к высказыванию «*Ў дирӯз суруд хондагист*», т.к. глагол-сказуемое «*хондагист*» подобно словоформе «*хоҳад хонд*» обозначает нереальное действие.

2) Словоформа «*хохам хонд*» практически не используется в речи таджиков. Данная словоформа редко используется в высоком литературном стиле.

Предоставленная словоформа в историческом плане не может обозначать будущего времени, о чём указывает Э. Бенвенист. Исследователь также предполагал, что данные формы (настоящего-будущего времени Г. Р.) в согдийском языке, в отличие от иных иранских языков, не могут выражать будущее время [11,203-224]. Согласно известному теоретику Дж. Лайонзу, выражение понятия «будущего» в английском и иных языках (выделено нами Г.Р.) связано одинаково, как с наклоном, так и с категорией времени, ибо утверждения о будущих событиях обязательно базируются на вере, предсказании или намерениях говорящего, а не на знании фактов [78,172].

Наряду с вышеуказанными аргументами можно сослаться на суждение крупных советских лингвистов О. К. Васильевой-Шведе и Г. В. Степанова, которые отметили: «Временные формы будущего времени служат для выражения действия, которому предстоит осуществиться. Поскольку с будущим связаны известная неуверенность, представление лишь о вероятности, т.е. как о возможности и невозможности осуществления действия. Формы будущего времени имеют довольно разнообразную и порой яркую модальную окраску. В подобном употреблении модальное значение выступает на первый план (выделено нами Г. Р.), а временная отнесенность к будущему стирается» [24, 344].

Из ранее проанализированного, мы, как и исследователь К. Усмонов, пропагандируем предположение о том, что словоформу типа «*хохам хонд*» надлежит относить в парадигму категории условно-желательного наклонения таджикского языка. Следовательно, для выражения будущего действия в английском языке используются две формы (*shall/will + infinitive, shall/will + be + ing-form*), различие между которыми будет освещено при рассмотрении категории вида. В таджикском языке для выражения действия, которое

относится к будущему времени, служат наречия времени, обстоятельственные обороты или контекстуальные условия. Кроме этого, в таджикском языке для выражения продолжающегося в будущем действия появилась новая аналитическая форма типа *хонда меистам*. Формы типа *мехонам*, *менависам* невозможно считать средством выражения будущего времени, так как они являются формой лишь настоящего времени. Английскую форму типа *shall/will come* следует назвать как будущее недлительное время, а форму *shall/will be writing* формой будущего длительного времени.

1.4. Perfect в системе видовременных форм таджикского и английского глагола

1. В таджикском языкознании статус некоторых глаголов, комбинирующихся с инфинитивом или причастием в образованиях типа «*хонда додам*», «*кофта гаштаанд*», «*гум шуда рафмед*» «*бусидан гурифт*» и т.п., остается до настоящего времени неопределенным. Такие образования богато представлены в современном таджикском языке. В их состав, по крайней мере, входят две словоформы: 1) форма причастия на *-а*, которая называется двояко. При ситуации адъективного функционирования называют причастием, а в случае адвербиального функционирования получает название деепричастия. Мы их называем причастиями предшествования, так как они лишены временной семантики и, как это обосновано в научном труде К.Усмонова и Р.Ибрагимовой, такие причастия обозначают предшествование, называемого ими действия действию, которое выражается личной формой глагола в структуре предложения [142,82-85]. Например:

Дарахтҳои мевадор гул бароварда, чомаи рангин ба тан мекунанд. (16, 95).
-The fruet-trees will in blossom and they turn on their coulared dresses. -
Сухани ту гуфта, пост баромад [142,82].- Your speech were right.

В этих двух предложениях глаголы-сказуемые употреблены в разных временных формах: 1. ба тан мекунанд - настоящее-будущее; 2. рост баромад - простое прошедшее время.

Причастия «гул бароварда» и «гуфта» в этих двух предложениях остались неизменными, хотя причастие в первом предложении по смыслу обозначает действие, которое относится к будущему времени, а во втором предложении причастие обозначает прошедшее действие. Это значит, что время действия, обозначаемое причастием, определяется на основе формы времени глагола сказуемого. В обоих предложениях причастия указывают на предшествование обозначаемого ими действия к действию, выраженному личной формой глагола. Отсюда следует называть причастие на **-a** причастиями предшествования. Именовывать подобные причастия двумя терминами также нецелесообразно, так как эквивалент данного таджикского причастия функционирует и в английском языке, оно имеет формант **-ing** и функционирует в одном случае как имя прилагательное, а в другом как наречие. Например:

The last soft light of the sitting sun had fallen on the earth. - *Шӯълаҳои охирини офтоби ба ғуруб рафтаистода ба замин шуои худро медоданд.* [174, 118].

В первом предложении причастие sitting носит атрибутивную функцию, а во втором предложении причастие taking выполняет адвербиальную функцию. Эти причастия в двух функциях называют в англистике одним термином-Participle(I).

Второй компонент в образованиях типа «навишта гирифта» выступает как вспомогательный глагол, так как он частично или полностью теряет свое лексическое значение. Количество таких глаголов незначительно. Включаясь в структуру предложения, причастие предшествования в составе подобных глагольных образований, выступающих в функции сказуемого, не

изменяют свою форму, а в качестве спрягаемой части сказуемого выступает модифицирующим компонентом рассматриваемой глагольной конструкции.

Например:

Лола баланд хандида фиристод [39, 92]. - Lola laughtered and sent.

Як шахси дар рӯи рег дароз хобидаро дида истода мондам [40, 72]. - I was steading on a body wich were sleeping along the stony

Как видно из этих двух примеров, «хандида фиристод» и «истода мондам» выступают в синтаксической функции сказуемого. В составе этих сказуемых причастия предшествования «хандида» и «истода» остались неизменными. Маркеры лица и числа глаголов-сказуемых «-ам» и «-и» присоединены ко второму компоненту этих глагольных конструкций, причем лексическое значение глаголов-сказуемых выражены причастной формой. Статус таких вспомогательных глаголов в составе указанных глагольных образований трактуются в таджиковедении по-разному.

Данная ситуация таджикского языка заинтересовала ираниста В.В.Григорьева еще в 1861 году. Он впервые в иранистике указал на функционирование подобных образований в таджикском языке. Об этом явлении таджикского языка упоминали в первой четверти XX века иранисты П.Е.Кузнецов, И.И.Зарубин и др.

О глагольных образованиях аналогичного рода встречаются некоторые сведения в научных исследованиях А.З. Розенфельд, В.С. Расторгуевой, Д.Таджиева, относящиеся к 50 годам XX века. В их трудах подобные образования называются или сложно-деепричастными глаголами (А.З. Розенфельд, В.С. Расторгуева), или сложно-вербальными причастиями (Д.Таджиев). В.С. Расторгуева и А.А. Керимова в специальной монографии, которая посвящена системе таджикского глагола, детально рассматривают такие глагольные образования и называют их сложно-деепричастными глаголами.

В учебном пособии таджикского языка для вузов указано, что значение совершенного вида и всевозможные его оттенки в формах прошедшего времени (недлительный и многократный) выражаются глагольными составными глаголами (*фeълxои таркибии фeълӣ*). Подобные составные глаголы образуются путем следующих вспомогательных глаголов: *гузаштан - were past (мачлис шуда гузашт)*, *шудан - finished (китобро хонда шудан)*, *рафтан - went (бемор сӯҳат шуда рафт)*, *баромадан - read (маколари хонда баромадан)*, *мондан - stayed (вай омада монд)*, *гирифтан - took (шеърро навишта гирифтан)*, *додан - gave (мактубро хонда дод)*, *фиристондан - sent (хандида фиристонд)* и другие. В целом приводятся 19 таких глаголов.

Затем сообщается, что данные вспомогательные глаголы в структуре глагольных составных глаголов, используя во всевозможных семантических оттенках, выражают полную завершенность действия и поэтому служат как средства выражения совершенного вида глагола.

2. Видя сложность и многогранность единиц такого типа, профессор Д.Таджиев писал: «Исследование сложно-вербальных глаголов в современном таджикском литературном языке представляет не только большой теоретический интерес, но имеет также важное практическое значение, способствуя разрешению орфографических затруднений в вопросе слитного и раздельного написания причастных формообразований от таких глаголов»[129,128]. Полагая, что данное высказывание профессора Д.Таджиева было отмечено в середине 50-х годов XX века, данная проблема все же еще недостаточно изучена и требует своего дальнейшего исследования. С этой целью мы бы хотели продемонстрировать свое мнение сравнительно статусу таких образований в целом и их второго компонента, в частности. Прежде всего, укажем, что ни выдвинутые этому явлению термины, ни определение их функции не отражают сути таких

образований. Как говорилось ранее, анализируемые образования в таджиковедении номинированы следующими тремя терминами:

1. сложно-деепричастные глаголы (А.З. Розенфельд, В.С. Расторгуева);
2. сложно-вербальные глаголы (Д.Таджиев);
3. составные обстоятельственные глаголы (Н.Маъсуми).

Данные названия показывают, что образования подобного типа анализируются таджикскими лингвистами как одно глагольное слово. Об этом очень четко подтверждает следующее высказывание В.С. Расторгуевой и А.А. Керимовой: «Сложно-деепричастными глаголами называются сложные глагольные образования, состоящие из двух глаголов, из которых первый ставится в форме деепричастия прошедшего времени (*хонда, гуфта, дода*), второй - в спрягаемой форме: *гуфта монд*. Сочетания, называемые сложно-деепричастными глаголами, выражают единое действие». Ниже они продолжают: «Сложно-деепричастные глаголы не являются чем-то данным, бытующим в языке. Они создаются каждый раз в потоке речи» [106,292]. Данными высказываниями авторы прекословят сами себе, т.е. сначала они их анализируют как глагольные слова, которые выражают единое действие, потом они считают их не данными, а создаваемыми каждый раз в потоке речи. Их функцию они, как и другие таджиковеды, видят в выражении определенных грамматических значений (преимущественно видовых).

В частности, Б. Сияев пишет, что «глагольные составные глаголы играют большую роль в выражении грамматических категорий времени и вида глагола» [118,113]. Подобное размышление повторяется в академической работе, которая издана на иранском языке в Москве. В ней читаем: «В таджикском языке получили инновационные глагольные сочетания, получившие в грамматиках наименование сложнодеепричастные глаголы. Каждый из них образуется из двух глаголов, первый из которых представлен деепричастием прошедшего времени на -а, второй личной формой. Первый из глаголов является основным, второй - вспомогательным,

модифицирующим, придающим дополнительные (чаще всего видовые) значения основному глаголу».

Мы хотели бы высказать свое отношение относительно слов, «придающих дополнительные (чаще всех видовые) значения основному глаголу» из этой цитаты. Выявлено, что второй компонент аналогичных образований не является словообразовательным компонентом, а служит для придания первому компоненту дополнительного видового значения. Если второй компонент не изменяет лексическое значение первого компонента, а только обладает аспектуальной функцией, то такое образование, по нашему мнению, никак невозможно отнести к разряду глагольной лексической единицы. А также, никак невозможно не согласиться с точкой зрения о том, что глаголы, которые приведены в учебном пособии для вузов, обладают словообразовательной функцией.

Таким образом, имеющиеся в таджиковедении термины как сложноепричастный глагол, сложноевербальный глагол, составной обстоятельственный глагол не отражают статус аналогичных образований. Термин «сложно-вербальные глаголы» профессора Д.Таджиева является неточным, потому как слово вербальный исходит от английского слова *verbal*, означающее глагольный. Но заменив английский термин вербальный его русским эквивалентом глагольный, то получается «сложно-глагольный глагол», что является повторным. Термин, употребленный в учебном пособии [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷикӣ, қ.1 1985] для вузов «*фегълҳои таркибии фегълӣ*» («составные глагольные глаголы») также является непонятным, потому как подобные образования не являются глаголами типа «*омада дидан*», «*парида рафтан*» и т.д., так как они не лексические единицы, а сложные глагольные конструкции. Они выполняют совсем другую функцию. И о ней мы скажем ниже. В таджикской лингвистической литературе известен термин «Намуд» (вид), приведенный в учебнике таджикского языка для вузов образования типа «*хондан гирифт*,

хоҳад хонд, гуфта мегаишт» и т.д., говоря, что у них имеется грамматическая функция и значимость. С этим мнением также трудно согласиться. Кроме понятия вида в лингвистике используется также термин аспектуальность, охватывающий категорию вида и категорию способа глагольного действия. Термин «способ глагольного действия» не наблюдается в лингвистических источниках по таджикскому языку. Из вышеуказанного обзора можно сделать вывод, что таджикские образования типа «*гуфта монд*», «*хандида фиристод*» и др. до этого времени не получили адекватное толкование своего статуса и места в системе языка. По большей части, им даны ошибочные названия. Из ранее приведенных названий можно сказать, что они входят в структурный разряд глаголов аналогично сложно-именным глаголам типа «*кор кардан*». В реальности же они таковыми не являются, так как «*кор кардан*» как единица языка включен во всевозможные словари таджикского языка, тогда как «*гуфта монд*» ни в одном словаре не зафиксирован. Таким образом, «*кор кардан*» является цельнооформленным словом, который входит в систему языка, тогда как «*гуфта монд*» не разрешается считать цельнооформленной единицей языка, поскольку он образовывается в потоке речи и поэтому относится к единицам речи. Значит «*гуфта монд*» никак невозможно называть глагольным словом, он выступает как глагольная конструкция. Ошибочно интерпретируется в таджиковедении и функциональная тенденция образований типа «*гуфта монд*». У них имеются видовые значения. У таджикского глагола два вида:

- 1) совершенный вид (намуди мутлак);
- 2) длительный вид (намуди давомдор).

Возникает вопрос: какое различие между видовыми значениями образований «*гуфт*» и «*гуфта монд*»? при сочетании «*гуфта монд*», если оно служит для выражения видового значения. Мы предполагаем, что оба данных образования выражают законченные действия и относятся к

совершенному виду. Таким образом, никак невозможно не согласиться с точкой зрения таджиковедов о видовой направленности образований типа «*гуфта монд*». Испытав сложность природы образований указанного типа, Б. Сиёев указывал: «Данная проблема требует дальнейшего серьезного исследования [118, 113].

Вид – это грамматическая категория глагола, которая обобщенно указывает, «как протекает действие во времени или как оно распределяется во времени». Вид – это морфологическая категория глагола, находящая своё выражение морфологическими средствами. А ранее сказанное понятие «Способ глагольного действия» является лексико-грамматической категорией глагола, которая взаимодействует с категорией вида и выражает значения, связанных с процессом действия (какой-либо момент его осуществления, интенсивность проявления, внутренняя расчленённость и т.п.).

В состав входят значения, которые не являются видовыми:

- а) начинательность;
- б) интенсивность;
- в) ограниченность;
- г) прерывистость;
- д) распределительность;
- е) результативность;
- ё) сопроводительность действия и др.

Это означает, что способ глагольного действия относится к лексике и семантике. В качестве примера можно привести два таджикских глагола: «*шикастан*» - *to break* и «*фикр кардан*» - *to think*. Глагол «*шикастан*» своим лексическим значением указывает на действие, у которого есть предел, а глагол «*фикр кардан*» обозначает такое действие, у которого нет предела. Подобные значения объединяются под термином «Способ глагольного действия». Это понятие номинируется также немецким

термином «*Aktionart*». Следовательно, глагольный вид относится к разряду грамматических категорий, тогда как способ глагольного действия является лексической категорией. Данные две категории объединяются в одно функционально-семантическое поле (ФСП) аспектуальности. К сожалению, до настоящего времени такая категория вовсе не упоминается в таджикском языке.

В сопоставительном исследовании П. Джамшедова «Семантика видов в русском, таджикском и английском языках» [46, 176] подробно рассматриваются о категории СД, (способ глагольного действия) хотя он не разграничивает вид от способа глагольного действия. Неосведомленность таджиковедов о категории способа глагольного действия стало, очевидно, причиной неадекватного толкования образований типа «*хандида фиристод*», которые считаются в таджикском языкознании глагольной категорией, которые служат для выражения видового значения перфекта (*намуди мутлак*).

Как известно, в соответствующих источниках таджикского языка выделяют два видовых значения: (Е.С Хамроалиев, П. Джамшедов, М.Б Шахобова):

1. перфектный вид (*намуди мутлак*);
2. длительный вид (*намуди давомнок*).

Наблюдения, проделанные нами, показывают, что почти все глаголы могут использоваться в форме и перфектного, и длительного вида, что говорит об универсальности этих двух видовых значений глагола. Тем не менее, образования типа «*хандида фиристод*» и ему аналогичные выражают действия с различным пределом, как-то завершенность, длительность, повторяемость, внезапность, интенсивность и т.д. А также, у каждого вспомогательного глагола в образованиях такого типа имеется своё аспектуальное значение.

Более того, глагольные модификаторы, которые конструируют подобные образования, сочетаются не со всеми глаголами. В частности, *хандида фиристод* - возможен, но *афтида фиристод* - невозможен, *хонда дод* - возможен, но *парида дод* - невозможен, *гуфта монд* - возможен, но *фахрида монд* - нет. Все это свидетельствует о том, что модифицирующие компоненты подобных образований не являются грамматическими средствами выражения видовых значений первого компонента и к тому же они не входят ни в какую-либо парадигму. Если бы они были маркерами вида, то они имели бы универсальную особенность проявления заложенного в них видового значения во всех синтаксических конструкциях и к тому же использовались бы со всеми семантическими разрядами глаголов.

Беря это за основу, можно сделать вывод, что второй компонент этих образований не является выражением видового значения. Данный компонент выступает в качестве модифицирующего глагола, который придает основному глаголу, стоящему в форме причастия предшествования, иногда инфинитива, определенные семантические оттенки форм протекания действия, такие как мгновенность, интенсивность, повторяемость, начинательность, однократность, многократность и т.д. В проявлении подобных семантических оттенков немалую роль играют и причастия предшествования смысловых глаголов и инфинитив. Комбинацию модифицирующего глагола с инфинитивом или формой причастия предшествования смыслового глагола мы склонны назвать сложно-вербальными конструкциями, которые возникают в потоке речи. В их образовании, по словам А.З. Розенфельд, участвуют 32 модифицирующих глагола: *афтодан, баровардан, баромадан, бастан, бурдан, гирифтан, гузаитан, гуфтан, даромадан, дидан, партофтан, расидан, расондан, рафтан, рондан, супурдан, даровардан, фахмидан, фиристодан, шудан, хестан, хурдан, гаитан, истодан, нишаста*[112,80]. В.С. Расторгуева и А.А. Керимова находят 15 таких глаголов: *истодан,*

нишастан, гаштан, рафтан, омадан, мондан, гирифтан, додан, партофтан, фиристодан, сар додан, дидан, баромадан, гузаштан, шудан[106,292]. А Н. Масуми говорит о функционировании в таджикском языке 17 глаголов этого разряда: *нишастан, гузаштан, шудан, рафтан, омадан, баромадан, мондан, гирифтан, додан, бурдан, дидан, партофтан, овардан, расидан, сар додан, фиристодан*[86,352].

Необходимо указать, что формы и степень преломления данной категории варьируется от языка к языку. Категория формы глагольного действия в русском языке считается словообразовательной категорией, которая получила масштабное распространение, хотя его категориальные корреляты не образуют парадигму. Детально начинательный способ действия осуществляется путем приставки за- зашептать, засвистеть. У данных образований отсутствуют слова с неначинательным способом действия. Или же смягчительный способ действия выражается посредством приставок по-, под- и при- от глаголов совершенного вида: поразвлекаться, подзабыть, прилечь и т.д. В общем, данная категория в русском языке выражается посредством приставок, суффиксов, комбинаций приставки и суффикса. Что касается английского языка, то категория способа глагольного действия не имеет масштабного формирования. В данном языке эта категория занимает промежуточное положение. Она базируется на взаимодействии лексического значения глагола и его синтаксической позиции. Сравните:

Онҳо ҳамаи себҳои дар табақ бударо хурданд (хурда шуданд).

1) *They ate all the apples on the plate.*

В этом примере «*ate*» выражает действие с пределом, тогда как глагол «*sat*» обозначает действие без предела.

Однако в таджикском языке в этом плане дело обстоит по-другому. Для формулировки всевозможных способов протекания действия используются специальные глагольные модификаторы, о чем говорилось ранее. Например: *хандида фиристод, гуфта дод, дида монд* и т.д. Для доказательства

данного утверждения полагаем рациональным рассмотреть сложновербальные конструкции таджикского языка с глагольными модификаторами «*гирифтан*» и «*мондан*» и сопоставить их с соответствующими единицами английского языка. Наш фактологический материал по таджикскому языку заверяет о том, что модификатор «*гирифтан*» в составе сложно-вербальных конструкций полностью теряет свое лексическое значение «*брать*», «*взять*»; о чем ясно указывает его использование с омонимом - смысловым глаголом «*гирифтан*», которые входят в состав сложно-вербальной конструкции: *Чавонони милтиқдор чилбурҳои порашударо чида гирифтаистода гирифтанд*.

Одна из характерных черт данного модификатора является то, что он используется совместно с формой инфинитива смыслового глагола, а не с формой причастия предшествования: *рехтан гирифтанд, рафтан гирифтанд, гуфтан гирифт*. Комбинации аналогичного рода ещё раз удостоверяют о неприемлемости названия «сложно-деепричастные глаголы» для образований этого порядка, потому как в наших примерах отсутствует причастие. Напротив, при рассмотрении образований с глаголом «*гирифтан*» В.С. Расторгуева и А.А. Керимова не упоминают конструкции типа «*рафтан гирифт*». У них комментируются исключительно сочетания типа «*печонда гирифтанд*». Мы находим, что в составе таких образований в подавляющем большинстве примеров «*гирифтан*» в определенной степени сохраняет свое лексическое значение. Например: *Вайро ба сафи союз қабул карда гирем [106, 118].- We will take him to the Soyz army. Ман ин яроқро рӯйхат кунонда гирифтам [106, 176].-I took this arm with registered. Ҳидоят аз гиребони Мансурбой маҳкам қанида гирифт [106, 216].- Hidoyat took by the scraff Mansuurboy's neck. Шодӣ хост, ки фикри Муҳаммадҷонро равшантар фаҳмида гирад [106, 237].- Shody wanted clearly understood Mahmadjon's thoughts*

Из их интерпретаций ясно, что в подобных ситуациях глагол «*гирифтан*» в основном служит не для выражения способа глагольного действия, а подтверждает то, что: «действие совершается с целью привлечь или вовлечь кого-нибудь куда-нибудь» (106,257). «Действие совершается лицом в собственных интересах, для себя» (106,257). «Действие указывает на особую активность субъекта при достижении результата действия» (106, 260) и т.д.

Данные значения не обозначают способ протекания действия. Наши примеры свидетельствуют о том, что глагольный модификатор «*гирифтан*» в сочетании с инфинитивом смыслового глагола служит для выражения способа протекания действия, т.е. он указывает на кратность или продолженность/длительность действия, выражаемого смысловым глаголом. Например:

- 1) *Давлат ўро ба огуш кашида бўсидан гирифм* [86, 91]. - *Davlat passionately embraced her and went on /kept on kissing /*
- 2) *Бой хатро кушода хондан гирифм* [14,77]. - *The rich man opened the letter and went on /kept on reading.*
- 3) *Онҳо ночор таклифи қазокро қабул карданд ва аз думболи ӯ рафтан гирифманд* [86, 104]. - *Unwillingly they agreed with the Kazakh's proposal and continued to follow him.*
- 4) *Мо соати охирини умри худро гузаронида истодаем, гуфтан гиред* [86, 298]. *We are living the last hours of our life, go on speaking.*

Первые два примера подтверждают, что рассматриваемое образование указывает на многократность, интенсивность действий «*бўсидан*» и «*хондан*». Третий и четвертый примеры поясняют, что данная конструкция выражает продолженность / длительность действий «*рафтан*» и «*гуфтан*». Как очевидно из переводов этих четырех таджикских предложений на английский язык, аспектуальные значения, привносимые глагольным модификатором «*гирифтан*», передаются в английском языке

глаголами «*to continue*» (продолжать) или «*to go on*» (продолжать). Данные глаголы, используясь вместе с инфинитивом смыслового глагола, указывают на продолженность или многократность действия, и такое образование в синтаксическом плане должно рассматриваться как составное глагольное видовое сказуемое. А в таджикском языке их эквиваленты образуют осложненное глагольное сказуемое.

А образования, которые были проанализированы В.С. Расторгуевой и А.А. Керимовой, то они служат иной цели, а не для выражения способа глагольного действия. В подобных конструкциях глагол «*гирифтан*» в определенной степени сохраняет свое лексическое значение «*взять, брать*», и поэтому он служит для выражения семантического оттенка выполнения действия в свою пользу, для своих интересов.

Например: 1) *Дар миёнҷои ҳавлӣ онҳоро як даста қасони яроқдор ихота карда гирифтанд* [86, 313].- *In the middle of the yard they were captured by a group of armed people.* 2) *Зебӣ ба Умрихола нигоҳ карда гирифт* [86, 111].- *Zebi glanced at Umrikhola.*

В этих образованиях отсутствует аспектуальное значение продолженности / длительности действия.

Подобные образования должны анализироваться как составное глагольное сказуемое. Исследование указывает еще на то, что сложно-вербальные конструкции с модификатором «*гирифтан*» могут передаваться также и некоторыми иными средствами. Например:

1) *Вақте, ки маъруза ва аз наси он музокираҳои дурудароз ба охир расиданду донишҷӯён пароканда шудан гирифтанд, Артур ба назди Чемма омад* [86,35]. - *When the lecture and the long discussion which followed it were finished and the students began to disperse, he went up to Gemma.* [86, 50].

2) *Чемма ба курсӣ нишаста, банди гулҳоро аз баргу хор тоза карда ба гулдон мондан гирифт.* (106, 164). - *She sat down beside the table and*

began clipping the stalk of the flowers and arranging them in a vase[174, 16].

Данные примеры указывают, что в качестве эквивалента таджикского «*гирифтан*» выступает английский глагол «*to begin*», причем в обоих языках «*гирифтан*» и «*to begin*» выступают в качестве спрягаемого компонента этих образований. В отличие от конструкций с «*to continue*» или «*to go on*» + герундий или инфинитив образования «*to begin*» + герундий или инфинитив служат для привлечения внимания слушающего на кратность действия, выражаемого смысловым глаголом, а конструкции с «*to continue*» и «*to go on*» акцентируют на длительность / продолженность действия. Кроме того, сочетание «*to begin* + инфинитив или герундий» указывает на ингрессивный способ действия как одного из видов начинательного способа действия. Оно обозначает начало соответствующего движения, действия, которое имеет неоднократное повторение, т.е. характеризуется своей продолженностью. У анализируемой сложно-вербальной конструкции таджикского языка наличествуют еще два других английских эквивалента, о чем свидетельствуют следующие примеры.

1) *Артур аз духтар рӯ гардонда, оҳиста-оҳиста ба кӯча рафтан гирифт.* [106,82] - *Arthur had turned away, and was walking slowly down the street.*

2) *Чемма ба охистагӣ ва хомӯшии мурдавор баргашта ба сӯи нахр рафтан гирифт. (там же).* - *Slowly and in dead silence Gemma turned and walked on along the river side.*

Первый пример показывает, что указанная конструкция находит свое выражение в английском языке посредством формы длительного вида смыслового глагола (*was walking*), что адекватно передает функцию глагольного модификатора «*рафтан*» - указание на продолжительность предыдущего за ним смыслового «*рафтан гирифт*».

Во втором примере «*рафтан гирифт*» переведен на английский язык посредством фразового глагола, который образован от простого глагола «*to*

walk» (Ср. *to walk* - шагать, *to walk on* - продолжать шагать). Статус глаголов данного типа явился предметом бесчисленных исследований, комментирование которых не входит в нашу задачу. Здесь лишь обозначим, что поствербы типа «*on*», «*up*» и им аналогичные во многих случаях привносят в семантику смыслового глагола и аспектуальное значение, т.е. подтверждают всевозможные способы протекания действия. В нашем примере «*on*», который в данной функции называется и наречием, и послелогом, и поствербом и т.д., указывает на длительность действия «*walk*» и выступает в качестве полного эквивалента глагольного модификатора «гирифтан» таджикского языка.

Теперь проанализируем функциональную направленность сложно-глагольных конструкций с модификатором «мондан» (ставить, оставлять, положить). Данный модификатор вступает в лексико-грамматическую комбинацию с формой причастия предшествования смыслового глагола: *дида мондан, гуфта мондан, афтада мондан* и т.п. В составе такой конструкции «мондан» полностью теряет свое лексическое значение и служит для выражения категории способа глагольного действия.

О его функции можно догадаться из следующих примеров:

- 1) *Сони кадом кас пиччи карда монд (20, 103). - Then somebody whispered all of a sudden.*
- 2) *Танхо ба як нафар гуломбачаи хафтсола гоҳ-гоҳ чаши андохта мемонд (165, 87). - From time to time he glanced only at the seven-year old slave boy.*
- 3) *Аммо чояш омада монад, хубам медавонад (165, 239).- But were come that place he can good run.*

В первом примере «монд» привносит в семантику глагола «пиччи кардан» значение мгновенности, однократности и законченности действия. Данное предложение можно перевести на английский язык следующим образом: *Then somebody whispered all of a sudden.*

Как видно из перевода, аспектуальное значение мгновенности действия,

выражаемое указанной конструкцией таджикского языка, передается в английском языке лексическим способом, т.е. посредством идиомы наречной семантики «all of a sudden».

Во втором примере к «мондан» прибавлен префикс «ме-», который указывает на повторяемость действия. В семантическом плане различие между «*чашии андохта монд*» и «*чашии андохта мемонд*» состоит из того, что первое образование указывает на мгновенность и однократность действия «чашии андохтан» (взглянуть). Вторая конструкция обозначает прерывистость, быстроту и многократность этого действия. Данное предложение переводится на английский язык следующим образом: *From time to time he glanced only at the seven-year old slave boy.*

В английском переводе значение мгновенности и однократности действия выражается семантикой самого глагола «to glance», который в отличие от своего синонима «to look» (смотреть) обозначает действие без предела и указывает на быстроту и предельность действия (взглянуть). Аспектуальное значение прерывистости и многократности действия осуществляется посредством оборота «*from time to time*» (время от времени), что говорит о широте спектра средств выражения аспектуальных значений в современном английском языке.

У глагольного модификатора в составе сложно-вербальных конструкций обнаруживаются и некоторые иные функции, о чем указывают следующие примеры:

1) *Баъдҳо, дар зимистон, вақте ки модарам бемори бистарӣ шуда монд, ман саргардони парастории ӯ шуда донишҷӯён ва рисолаҳои онро фаромӯш кардам (175, 16).* - *Then, in winter when mother got so ill, I forgot all about the students and their books*

2) *Ман пас аз гусел кардани онҳо аз инчо мегузаштам, ки инро дида ба нешам истода мондам. (172, 584)* - *After seeing them off I was passing*

through this place and noticing it I kept standing in front of it.

3) *Инро хуб фаҳмида мон. (172, 204). - Remember it forever.*

В первом примере в сказуемом «*бемор шуда монд*» глагольный модификатор «монд» указывает на интенсивность предикативного признака и на его постоянство. В английском переводе данного предложения «*Then, in winter when mother got so ill, I forgot all about the students and their books*» [199, 34] *Дар зимистон, вақте кӣ модарам сахт бемор буд, ман ҳамаи донишҷӯён ва китобхоро фаромӯш кардам.*, значение интенсивности выражено при помощи наречия «so», указывающего на степень признака болезни (*so ill*). Смысловый оттенок постоянства передан путем глагола «to get» в прошедшем времени (*got*). Вместо «*got*» следовало бы применить «was», однако этот глагол не указал бы на значение постоянства.

Во втором примере конструкция «*истода мондам*» обозначает длительное действие с дополнительным семантическим оттенком полноты действия. Вот английский перевод данного предложения: *After seeing them off I was passing through this place and noticing if I kept standing in front of it.*

В этом переводе значение продолженности действия выражено формой герундия от глагола «*истодан*» (стоять). В семантике герундия же заложено грамматическое значение процессуальности. Модификатор «*kept*» передает значение «мондан», которое указывает на продолженное состояние субъекта.

В третьем примере глагольный модификатор «мондан» в форме повелительного наклонения указывает на значения интенсивности и долговечности действия «*фаҳмидан*». Это предложение переводится на английский язык следующим образом: *Remember it forever.*

Значение интенсивности и долговечности действия переданы на английский язык посредством наречия «*forever*».

Таким образом, в таджикское языкознание следует ввести понятие «способа глагольного действия» (*тариқати амали феъл*). Оно составляет особую лексико-семантическую категорию, которая вместе с категорией вида

входит в широкую функционально-семантическую категорию аспектуальности. Категория способа глагольного действия (Aktionart) в индоевропейских языках находит свою реализацию различными средствами. В русском языке она реализуется словообразовательными средствами. В английском языке данная категория основывается на взаимодействии лексической семантики глагола (его предельности и неопределенности) и синтаксическим проецированием этой семантики.

В таджикском языке категория способа глагольного действия находит свое выражение сочетанием ряда глагольных модификаторов с причастием предшествования или инфинитива смыслового глагола, и такое образование следует назвать сложно-глагольной конструкцией. Подобные образования часто используются в тюркских языках, в частности, и в узбекском языке.

Численность глагольных модификаторов в таджикском языке достигает двадцати. Эти модификаторы привносят в семантику глагола всевозможные аспектуальные значения, такие как мгновенность, однократность, многократность, прерывистость, интенсивность, полнота действия и т.п. В английском языке указанная категория не распространена, что связано, по-видимому, с насыщенностью системы глагола этого языка всевозможными видовременными формами: длительными - недлительными, перфектными - неперфектными. Аспектуальные значения, привносимые глагольными модификаторами таджикского языка, передаются в английском языке единицами различных уровней языка: наречиями, поствербами, лексической семантикой глагола, а также его синтаксическим окружением.

ГЛАВА II. ПЕРФЕКТ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Перфектный вид в современном таджикском языке

К вопросу разработки теории глагольного вида в современном таджикском языке посвящено несколько работ, где не имеется единого мнения в определении сущности глагольных видов таджикского языка, ни в отношении способов их выражения, ни в отношении количества. Перфектные формы рассматриваются как временные. Они указывают на преемственную связь перфектных форм (*хондаам, мехондаам, хонда будаам, хонда истода будаам*), а форма прошедшего перфекта многими называется формой предпрошедшего, преждепрошедшего, давно прошедшего времени, и существующая связь между прошедшим настоящим перфектом отрицается. Только некоторые грамматисты называют форму предпрошедшего времени формой плюсквамперфекта или же плурперфекта, т.е. они не отрицают аналогичность формы настоящего и прошедшего перфекта и др. В английском языке действуют два ряда форм в области прошедшего, настоящего и будущего времени. Их называют соответственно формами собственно-перфектное время и перфектное длительное время. У данных форм имеется также так называемое «будущее

в прошедшем время». Статус этих форм в системе таджикского глагола становился предметом бесчисленных дискуссий. В частности, Таджиев, Шахобова, Усмонов, относят формы перфекта в парадигму категории времени и считают их относительными временными формами. Другие ученые, такие как П. Джамshedов, Н. Хамроалиев считают, что перфектные формы английского глагола принадлежат к категории вида.

Здесь в таджикском языке разграничивают основную форму перфекта (кардаам, кардай, кардааст и т. д.), форму перфекта длительного (мекардаам, мекардай, мекардааст и т. д.), форму предпрошедшего перфекта (карда будаам, карда будай, карда будааст). Н. Масуми употребляет не термин *перфект*, а термин *нақлӣ* (пересказательное).

Вероятно, что здесь указанные формы невозможно причислить ни к перфекту, ни к категории времени. Они связаны с отношением говорящего к действию, что тесно связано с категорией наклонения. Такие словоформы обозначают действия, о совершении которых не осведомлён говорящий, поэтому для него реальность или нереальность этого действия остаётся неопределённой. Поэтому наиболее подходящим для таких форм является термин «аудитивное наклонение», употреблённое в работе В. С. Расторгуевой и А. А. Керимовой. Тем не менее, к сожалению, при изложении сущности такой формы данные авторы игнорируют данный термин и везде вместо него применяют термин «перфект», однако они признаются в том, что: «Анализ конкретных случаев использования перфектных форм наглядно показывает, что значение неочевидности, заглазости, действительно стало для них в современном языке основным и ведущим»[106, 292].

Необходимо указать, что слово *перфект* заимствовано из английского, где слово *perfect* обозначает «совершенный», а в грамматике данное слово в качестве термина обозначает действие, уже законченное по отношению к данному времени. Между тем, в следующих примерах, которые приведены

данными авторами, указанные словоформы не обозначают законченное действие:

1) *Қишлоқ ба чӣ ҳол аст, худат инчо чӣ кор карда гаштаӣ?* [199, 82]. - *What's up with the hamlet? And what are you doing here?*

2) *Шодигул як гургро дидааст, ки як гусфандро кафонда хӯрда истода будааст* [199, 90]. *Shodigul had seen a wolf, wich have been pulling out and eating the sheep.*

3) *Мегуянд, ки вай ... ба ҳама кор нигоҳу назорат мекардааст* (там же, с. 91). *They says that, she has managed to everywork and for everybody.*

Собственно благодаря этому проявляется значение завершённости действия. Необходимо указать, что и английский Present Perfect обозначает собственно аналогичное действие. Исходя из этого, мы не считаем проанализированные формы таджикского языка формами префекта. Они являются формами наклонения, поэтому мы их разберём при сопоставлении категории наклонения таджикского и английского языков.

Нам представляется, что так называемые формы предпрошедшего времени таджикского глагола, исключив из парадигмы категории вида и времени, можно включить в парадигму категории порядка. Если взять словоформы *хонд* и *хонда буд*, то *хонд* обозначает действие, которое завершилось в определённой точке времени в прошлом, а словоформа *хонда буд* указывает на завершённость действия до определённой точки времени в прошлом. Следовательно, оппозицию *хонд - хонда буд*, гипотетически, мы считаем категориальными формами категории порядка. Они напоминают английскую оппозицию типа *wrote - had written*. Но эта гипотеза требует специального исследования.

Приступим к раскрытию основных методов и средств передачи перфектных форм английского языка в таджикском языке, так как вышеуказанной категории порядка английского языка не имеется в таджикском языке.

Как было сказано ранее, в таджикском языке отсутствуют так называемые перфектные времена, которые в английском языке составляют чёткую систему форм, выражающих действие, которые координируют две временные точки в настоящем, прошедшем и будущем временах. В сфере прошедшего времени вторая точка может быть выражена адвербиальными оборотами типа *by that time- дар ҳамон вақт, by the end of the week-дар охири ҳафта* и т. д., а также другим кюзом. В сфере настоящего времени, в качестве этих средств выступают наречия и предлоги типа *already- аллакай, yet-то ҳол, never -ҳеҷ гоҳ, ever-ҳатто, since- ҳамон вақт, for-барои и т. д.*, или же момент речи. В сфере будущего времени в качестве второй точки выступают адвербиальные обороты типа *by Sunday-дар рузи якшанбе, by the end of the year - дар охири сол* и т. д., или же глагол-сказуемое другого предложения.

Необходимо указать, что английский перфект выражает два типа действия и соответственно, в грамматиках говорят об *Inclusive* и *Exclusive Perfect*. *Exclusive Perfect* обозначает законченность действия ко второй точке времени, а *Inclusive Perfect* выражает действие, которое охватывает вторую точку времени, продолжалось и будет продолжаться после него. Кроме того, на завершенность или незавершенность действия до определенного момента, выражаемого перфектом, оказывает некоторое влияние предельность или неопредельность глагола.

Считаясь с этими двумя факторами (*inclusive, exclusive perfect*, предельность и неопредельность глагола), приступаем к анализу способов передачи значений английского перфекта на таджикский язык. Анализ начинаем с Present Perfect. Например: “*Have you heard, Cesare?*” *she said. “It is all over. They have shot him”* [199,312]. - *Шумо шунидед, Чезаре? - гуфт Земма. - Кор тамом шудааст. Уро парондаанд* (158, с. 309). В этом примере имеются две формы Present Perfect - *have heard, have shot*, которые представляют собой *Exclusive Present Perfect*. Глагол *to hear*

является неопределённым, а *to shot* предельным. Благодаря тому, что *to hear* является неопределённым глаголом, форма *have heard* переведена на таджикский язык при помощи, так называемой формы, *простого перфекта* таджикского языка (*шунидед*), а глагол *to shoot* является предельным, поэтому словоформа *have shot* передана на таджикский язык формой аудитивного наклонения. Формы типа *парондаанд* связывают подобно формам английского перфекта две точки времени - время его совершения и время сообщения о нём.

Именно, координирование двух временных точек содействует получению данной словоформой значения завершённости. А форма простого прошедшего (*шунидед*) не связывает две точки времени, но выражает законченное действие. Для подтверждения этой мысли приводим ещё один пример:

Ҳамин ҳафта ду мактуби мо дар почта ба даст афтодааст [195,97].-*Two letters have been stopped in the post this week* [195, с. 98].

В примере: *Ман бисёр шабҳои дароз панир ва луҷиани нонро дар хоб мебинам* [195,114].-*The long nights I've dreamed of cheese» - toasted mostly* [164,109]- Глагольная форма *have dreamed* выражает незаконченное действие, так как говорящий видел сны длинные ночи и очевидно ещё их увидит, поэтому на таджикский язык данная словоформа переведена при помощи формы настоящего неопределённого времени таджикского глагола «*хоб дидан*» (*хоб мебинам*).

Следовательно, форма *Замони ҳозираи мутлақ - Present Perfect*, исходя из вышеуказанных примеров, может передаваться на английский язык тремя формами: формой настоящего простого времени, формой аудитивного наклонения и формой настоящего неопределённого времени.

Наш языковой материал говорит о том, что форма *Present Perfect Continuous - Замони ҳозираи давомдори мутлақ* передаётся на таджикский язык формой настоящего неопределённого времени: *Чанд вақт*

шуд ки ту дар ин хусус фикр мекуни? [172,15].-How long have you been thinking about this? [195,13]. Пас, аввалан мегуянд, ки шумо ба ин деҳа яроқи оташфишон қочоқ карда меоед (омада истодаед) [199, 255].-First, then, you are said to have been smuggling fire-arms into this district [195,257].

В этом примере для подчёркивания повторяемости и продолженности действия в таджикском языке употреблён глагольный модификатор *омадан*, который, потеряв своё лексическое значение, служит для выражения аспектуального значения повторяемости действия. Перфект здесь можно перевести также и формой настоящего длительного времени таджикского глагола. Данная форма служит для акцентации продолженности действия.

Следовательно, *Present Perfect Continuous* передаётся на таджикский язык тремя способами: формой настоящего недлительного времени, при помощи глагольного модификатора *омадан* или посредством формы настоящего длительного времени таджикского глагола.

Что касается формы *Past Perfect Tense*, - *Замони гузаштаи мутлақ* то она переводится на таджикский язык двумя способами:

1) при помощи так называемого предпрошедшего времени таджикского глагола: - *У рост гуфта буд - хоҳ Бен Ганн зинда бошад, хоҳ мурда, аз у ҳеч кас наметарсад [172, 238].- He had said the truth; dead or alive, nobody minded Ben Gunn. - Ин сарватҳои Флинт, худи ҳамон ҷавохироте буд, ки аз баҳри инҳо мо инҷо дар роҳи дуру дарози нуразобро тай карда будем, барои ҳаминҳо шуда ҳафт даҳ нафар аз экипажи “Испаниола” кушта шуда буданд [172, 248].- That was Flint’s treasure that we had come so far to seek, and that had cost already the lives of seventeen men from the Hispaniola [192,236].*

2) *The Past Perfect Tense* в некоторых случаях может передаваться на таджикский язык посредством так называемой формы простого

прошедшего времени таджикского глагола: - *Духтур ба ҳамаи онҳо дору таъин кард, ва онҳо ҳамаи таъиноти уро қабул карданд [172, 220]. -The doctor had dosed them round, and they had taken his prescriptions [192, с. 209].* *Аз Генуя як нафар донишҷӯ омад ва каме сухан ронд ... суханрониаш ба лексия монанд буд [187,15]. - A student had come from Genoa and he made a speech to us a sort of lecture. [195, 12].*

Выбор между этими двумя способами перевода формы английского Past Perfect на таджикский язык зависит от контекстуальных условий, а также от предельности или неопределённости глагола.

Форма английского Past Perfect Continuous употребляется редко.

Небольшой материал, который собран нами указывает, что данная форма английского глагола передаётся на таджикский язык посредством *длительной формы так называемого предпрошедшего времени: Фаҳмидан душвор буд, ки ин одам дар умри худ чи сахтиҳо, чи руҳои сиёхро аз саргузаронида истода будааст [195, 284].-No one would have guessed through what deep waters he had been passing [195, 286].*

Форма The Future Perfect Tense также используется нечасто. В соответствии с нашим материалом, данная форма английского глагола переведена на таджикский язык путем личной формы глагола *хостан* в сочетании с основой прошедшего времени смыслового глагола. Например: *То ордан ту маро фаромуш хоҳи кард.-You'll have forgotten me by then [192,101].* - Встречаются случаи, когда значение будущности и завершённости действия передаётся путем адвербиальных оборотов, а форма будущего перфекта английского глагола передаётся на таджикский язык формой настоящего неопределённого времени. Например: *Бист сол мегузараду ту ҳама чизро дар ин бора фаромуш мекуни.-Another twenty years and you'll have forgotten all about it. [193,307].*

Форма Future Perfect Continuous используется очень редко. В соответствии с собранным нами материалом, данная форма передаётся на

таджикский язык посредством формы причастия предшествования смыслового глагола в сочетании с вспомогательным глаголом *истодан*, к которому прибавляется префикс *ме-* и личное окончание глагола: *То якуми июл у дар ин идора дар тӯли шаш моҳ кор карда меистад.* - *By the first of July he will have been working at this office for six months* [6, 67].

И, наконец, форма *Future Perfect Continuous-in-the-Past-Замони ояндаи мутлақи давомдор дар гузашта* употребляется, как правило, в придаточных предложениях и она переводится на таджикский язык так же, как и форма *Future Perfect Continuous - Ояндаи мутлақи давомдор* : *Онҳо ба ман навиштанд, ки то охири июл, дар тӯли як моҳ дар лаби баҳр зиндагони мекунанд (зиндаги хоҳанд кард).* - *They wrote to me that by the end of July they would have been living at the seaside for a month* [2,182].

Следовательно, перфектные формы английского глагола, противопоставляясь с неперфектными формами, образуют особую категорию, которая называется *категорией порядка*. Перфектные формы обозначают действия, которые связывают две точки времени в прошедшем, настоящем и будущем. Такое действие начинается в одной точке и завершается в другой точке времени. Иногда действие может продолжаться и после второй точки времени. Недлительный перфект подчёркивает целостность и факт совершения действия, а длительный перфект сосредотачивает внимание слушателя на продолженности действия.

Вторая сторона оппозиции, т.е. неперфектные формы глагола обозначают два вида действия:

- 1) действие, которое повторялось или закончилось в определённой точке времени;
- 2) указывает на продолженность действия в данной точке времени.

Формы английского перфекта передаются на таджикский язык, в зависимости от предельности или неопределённости глагола посредством следующих форм глагола: формой аудитива, формой настоящего

недлительного времени, формой простого прошедшего времени, формой, так называемого, давно прошедшего времени или длительного давно прошедшего времени, а также личной формой глагола *хостан* с основой прошедшего времени смыслового глагола. Проявлению этих значений способствуют лексический и синтаксический контекст. Рассмотрим, как грамматисты определяют основное значение этих форм. Так, Н.Березин форму настоящего перфекта называет прошедшим неопределенным временем; ее основное значение определяет как выражение неопределенного действия для обозначения точного времени, а форму прошедшего перфекта – давно прошедшим. Основное ее значение - как выражение давно совершившегося действия или же предшествующего какому-то действию в прошедшем.[12, 233-234] Балин Б.М указывает только на первую форму, которую он называет прошедшим сходствующим. [4,429]. М.Джафар, Д.Ягелло, О.А.Сухарева, С.Арзуманов называют первую форму прошедшим в настоящем, а вторую - давнопрошедшим временем. П.Е.Кузнецов первую форму называет также настоящим и подчеркивает, что она указывает не на факт свершившегося действия, а на результат его состояния [75,56]. Аналогичное мнение высказывает А.А.Семенов. Он также делил первую форму на прошедшо-настоящую, а вторую на давнопрошедшую, действия законченного, но предшествовавшего прошедшему времени, связывающемуся с ним непосредственно [116,49]. Б.Н.Ниязмухамедов сначала называл форму прошедшим простым неочевидным [91,12]. А.З.Розенфельд называет первую перфектным или прошедшим неочевидным помимо значения результативности. Она определяет и второе значение: передача с чужих слов, следствие логического вывода, действия, ставшего очевидным после других событий, форму называет прошедшим со значением действия, но завершилось до другого действия в прошлом, давно прошедшим действием и прошедшим законченным [113,47]. Логичную трактовку мы находим и в «Грамматикаи забони тоҷикӣ». В.С.Расторгуева, рассматривая

данную форму перфекта, отделяет ее от формы настоящего. Она называет, что форма прошедшего перфекта в основном указывает на предшествование выраженного ею прошедшего действия: соотнесительно с другим прошедшим действием или с либо определенным периодом времени [108,570]. Форму она считает перфектом, которая называет неочевидным (аудитивным) наклонением. Она не отрицает, что эта форма первоначально выражала результативность, значение которой и до сих сохраняется, но указывает, что сейчас значение несовершенности действия превалирует, и поэтому рассматривает его системе неочевидного (аудитивного) наклонения. Только в работах некоторых иранистов мы встречаем указания на то, что и форма предпрошедшего относится к группе перфекта.

Аналогичные мнения мы находим и в работах И.Зарубина, Н.Масуми, С.Арзуманова, Р.Гаффарова, Н.Бехбуди и других, которые подчеркивают, что помимо значения результативности, первой форме свойственна еще и неочевидность действия. С.Арзуманов основное значение второй формы определяет как выражение законченности действия к какому-то другому действию. Как видим, нет единого мнения ни в отношении категориальной принадлежности, ни в отношении основного значения указанных форм.

Рассмотрим первую форму. Почти все языковеды считают, что ее основное первоначальное значение — результативность действия. Некоторые грамматисты указывают, что значение результативности действия вытекает из семантики составных частей данной формы. В.С.Расторгуева пишет: «При результативном употреблении перфекта обычно отчетливо проявляется семантика его составных элементов: причастно-деепричастная форма прошедшего времени, которая имеет основой глагол. Семантика обозначает здесь свойство или состояние, возникшее в результате прошедшего действия, глагольная связка относит это состояние или свойство в аспект настоящего времени» [104, 571]. Нам представляется, что основное значение перфекта в изъявительном наклонении не всегда связано с результатом действия, т.е.

новым состоянием объекта, субъекта, явления. Скорее всего, результативность вытекает не из формы перфекта, а обусловлена, прежде всего, семантикой самого глагола или же зависит от ситуации, контекста. В примерах типа «*Ман дар Самарқанд калон шудаам*» [Вафо, 235];- *I have grown up in Samarqand.* «*Ин ҷавон бародари ҷамон духтар аст, ки Ҷамилаи моро ба духтарӣ гирифтааст*» [Шуроб, 139] - *This young boy is the broter of that girl wich has taken our's Jamila as his daughter.* с натяжкой можно говорить о каком-то результате действия. Во всех приведенных примерах глагольная форма обозначает действие.

Основное значение – достижение предела действия – может породить и другие значения, которые не противоречат ему, а, наоборот, являются его составными значениями. Значение результативности, нового состояния объекта, явления окружающего нас внешнего мира:

Хушкӣ ду сол пай дар пай ба кузастони Ҳисору, Кулоб руй оварда, ҳатто кудақони хурдсолро ҳам алафшинос кардааст [Восеъ, 13]. - *This two year dryness one after another in mauntines of Hisor and Kulob, have made the little children as the specialists of grass too.*

Как видно, значение результативности действия обусловлено не самой формой глагола, а придается либо лингвистическим содержанием глагола, либо ситуацией или контекстом. И.С.Пейсиков, рецензируя работу В.С.Расторгуевой «К вопросу о неочевидных или повествовательных формах таджикского глагола», приходит к мнению, что формы таджикского перфекта выражают преемственную связь двух плоскостей прошедшего момента и настоящего момента [99,321]. Многие грамматисты основное значение перфекта видят в преемственной связи этих двух моментов и, следовательно, называют его прошедшим в настоящем. Следует отметить, форма прошедшего перфекта может передавать преемственную связь. Тогда теряется специфика перфекта. Далее, прошедшее всегда предопределяет какой-то период времени отделенный от момента речи, тогда как форма

перфекта относится к моменту речи. Мы здесь обращаем внимание на момент речи, а не на настоящее время, так как форма перфекта часто выступает как прошедшая временная форма:

Лекин боз нас аз ду-се рузи дигар хабар омад, ки шикаст хурдаанд, одамони амир шахрчаи Когонро гирифтаанд [Дувоздаз..., 28]. - *But after two and three days latter the news has come that they have defeated and the town Kogon had occupaied by the people of the king.*

Значение преемственности связи обусловлено не самой формой глагола, а ассоциируется с контекстом, ситуацией или лексическим характером глагола.

Помимо указанных выше значений, почти всеми исследователями указывается на второе значение перфекта. Это передача неочевидных действий: передача действий с чужих слов, следствие логического вывода, а также передача действия, о котором узнают не сразу, а потом, по его следствию, по точной передаче чьих-то слов и т.д., выражение отношения действия к своему реальному существованию.

К группе перфектных форм также относят следующее:

- а) форма *мехондааст* многими называется длительной (или же повествовательной) формой перфекта;
- б) форма *хонда будааст* считается предпрошедшей (или давнопрошедшей) формой перфекта;
- в) форма *хонда истода будааст* называется длительной формой перфекта.

Таким образом, большинство грамматистов в форме изъявительного наклонения выделяют две группы глагольных форм:

- очевидные формы, которые передают действие как очевидное, реально существующее, достоверное;
- неочевидные формы, которые передают действие как заглазное, подчеркивая то обстоятельство, что говорящий не ручается за абсолютную

достоверность действия, поскольку знает о нем не из личного опыта, а с чужих слов или на основе логического вывода.

По своему возникновению эти формы неоднородны. Перфект настоящего времени встречается в поэзии Рудаки и в прозе того времени и позже, где, по мимо результативности, имеется действие. Указывается, что исторически превалирующим в форме перфекта настоящего времени было значение результативности. По мере развития языка круг значений, выражаемых формой перфекта настоящего времени, начало широко употребляться в литературном языке. Такая тенденция получила наибольшее развитие в основном после революции. Появились и получили развитие новые формы для конкретного выражения «неочевидных» действий, которые в настоящее время вкратце повторяют всю систему изъявительного наклонения, отличаясь от нее по своему модальному значению.

Многолетние исследования В.С.Расторгуевой привели к выводу, что эти формы можно отнести к отдельному наклонению, которое она назвала не очевидным, а аудитивным. Автор называет все эти формы формами перфекта. Она не приводит различия между перфектом и неочевидными формами. Как известно, форма перфекта по своему значению относится к изъявительному наклонению и передает достоверные действия процессы состояния. А неочевидные формы в основном передают действие - процесс состояние, за достоверность которого говорящий не ручается.

Если судить об аналогичности образования перфекта и неочевидных форм, то в любом языке наблюдаются омоформы, но сходство образования той или иной формы не дает основания считать их однозначными.

Обратимся к примерам:

1. Форма перфекта *хондааст*.

Эта форма, помимо своего основного значения «выражения достоверного действия», которое достигло предела и выполнено в целом к моменту сообщения о нем, имеет второстепенное значение:

а) форма перфекта передает действие, которое известен говорящему с чужих слов, а не из личного опыта:

Аз гуфтаи Шаҳтобон саҳари хеста омадаанд. - From the speech of Shahtobon, they had come in the morning.

Это значение перфекта является превалирующим в невидных значениях.

б) форма перфекта передает действие, событие, в котором говорящему раньше было неизвестно и которое стало ему известным на основании логического вывода или после какого-нибудь другого события:

Имруз фахмидам, ки Асо ном додаршавандаи маро, ки дар Чека кор мекунад, кас монда, бурда ҳабс кардааст [Дувоздах,272]. - Today I have known that Aso is a person who works in the Cheka, had put informer, and had arrested him.

в) форма перфекта используется и при передаче рассказа, сказки и точной передаче чужих слов:

Хоҷа Насриддин аз як одам қарздор будааст [Дувоздах,40]. Hoja Nasriddin had been owes to a person.

Многие грамматисты считают, что эта форма является длительной формой неочевидного (аудитивного) наклонения. Однако из рассмотренных примеров оказалось, что она не выражает длительность как таковую, а в большинстве случаев выступает в значении обычно повторяющегося действия с оттенком многократности. Эта форма является вневременной, т.е. она может передавать неочевидное повествовательное действие в любом плане времени.

Временное значение формы обуславливается и уточняется контекстом или ситуацией:

а) значение настоящего времени:

Ҳалимчон, маълум шуд, ки дар мактаби шуроӣ хонда, муаллим шудааст ва ҳоло ҳудай ба бачаҳо дарс меодааст. - It's appeared that Halimjon had

graduated the soviet school, had become a teacher, and now teach the pupils himself.

б) значение прошедшего времени:

Хизматгорзан хабар меовард, ки дар берун хар руз одамҳои беғунохро оварда кину қасос мекардааст (Дувоздах, ..., 379). Амир дар Душанбе ба саркардагонаш ваъда медодааст, ки наврузро дар Бухоро пешвоз мегиранд [Дувоздах ..., 274];

в) значение будущего времени:

Кай пулдор мешудаанд гуфта, муямро сафед мекардаам [Шуроб, 277].

Форма хонда будааст.

Эта форма считается предпрошедшим (преждепрошедшим, давнопрошедшим) перфектом или же неочевидной формой предпрошедшего (преждепрошедшего, давнопрошедшего) времени. Основное значение ее определяется как выражение предшествующего действия соотносительно с другим прошедшем действием или с каким-либо моментом времени в прошлом, присущим ей модальным значением неочевидности действие. Хотя авторы и не отрицают значения нового состояния предмета, явления, объекта или субъекта. Нам представляется, что данная форма в основном выступает в значении несовершенного действия, достигшего предела и, следовательно, полного в объеме, а значения предшествования и результативности, но противоречат значению достижения и выступают как частный случай ее употребления.

Остальные случаи ее употребления аналогичны перфектной форме неочевидного (аудитивного) наклонения с той разницей, что она в основном употребляется для передачи неочевидная действия, достигшего предела к какому-то времени в прошлом

Форма хонда истода будааст.

Эта форма очень редко употребляется. В основном таджиковеды называют ее определенной формой перфекта. Следует отметить, что

значение определенности вытекает не из формы, а из контекста. Нам представляется, что эта форма выражает длительное действие, достигшее предела или незаконченное. Однако внимание говорящего фиксируется не на дальнейшем развитии действия, а на предыдущем этапе. Этому основному значению сопутствует в этой форме модальное значение неочевидности действия:

Аз нурсу посухи баъдина маълум гардид, ки ин ҷавон раиси амири бозор буда, вай молҳояшро ба Бухоро бурда истода будааст [Восеъ, 65] - From the latter answers it's appears that the manager of the market has been a young boy who has been taking his things to Bukhoro.

Вышеуказанная форма передает длительное действие, достигшее предела, со значением неочевидности, как к прошедшему, так и к настоящему моменту речи или действию. Таким образом, основное значение формы — это выражение длительного неочевидного действия, достигшего предела в своем протекании к какому-нибудь моменту речи или действию в прошлом и в настоящем.

Из приведенного анализа вытекает, что эта система форм, как бы вкратце повторяя всю систему изъявительного наклонения, отличается от последнего по своему модальному значению.

Нам кажется, что точка зрения Расторгуева В.С. правильна, когда она пишет, что «неочевидные формы, образуясь первоначально в системе изъявительного наклонения, уже переросли в отдельное наклонение»[106, 292].

Так как детальное исследование этих форм не входит в круг вопросов нашей работы, мы остановимся только на отличии перфекта в изъявительном наклонении от неочевидных норм.

Итак, говорящий совершает одно и то же действие: процесс состояния может передаваться двумя способами: говорящий сообщает о событии, свидетелем которого он был или в достоверности которого не сомневается,

но находит нужным подчеркнуть, что он не был свидетелем действия - процесса - состояния. В этом случае используется форма изъявительного наклонения: говорящий подчеркивает, что описываемое им (действие - процесс - состояние) известно ему не из личного опыта, а косвенным путем. Он не может ручаться за полную его достоверность, так как знает об этом с чужих слов, основывается на логическом выводе по его последствиям. В этом случае употребляются формы неочевидного наклонения.

Перфект, в основном, выражая достоверное действие, входит в первую группу, и, следовательно, форма перфекта изъявительного наклонения отличается от аналогичной формы неочевидного (аудитивного) наклонения по своему модальному значению. Из всех форм неочевидного (аудитивного) наклонения только первая форма (хондааст) имеет двойное модальное значение, значение и очевидного и неочевидного действия, выступая как бы формой в системе двух наклонений.

Итак, мы рассмотрели первую форму группы перфекта, ее отличие от других неочевидных форм и ее сходство с ними. Так как форма «хондааст» передает действие, достигшее предела к настоящему моменту речи, и связана с настоящим временем, было бы более целесообразным называть ее настоящим перфектом вместо прошедшего неочевидного, основной формой перфекта, прошедшим в настоящем или другими терминами.

Многие отождествляют значение перфекта со значением результативности. В настоящей работе мы исходим из того понятия перфекта, которое обозначает действие, достигшее предела и связанное с моментом сообщения о нем. Значение результативности передается не самой формой перфекта настоящего времени, а адвербиальными единицами, ситуацией или контекстом. Поэтому считать результативность и перфект одним и тем же нам представляется не целесообразным.

Теперь рассмотрим форму *хонда буд*.

Все языковеды относят ее к временной форме изъявительного наклонения, притом подчеркивают в основном два ее значения:

а) выражение предшествующего действия к какому-то моменту или действию в прошлом;

б) выражение давнопрошедшего действия. Отсюда и называют ее предпрошедшим, преждепрошедшим или же давнопрошедшим временем изъявительного наклонения.

В.С.Расторгуева, сопоставляя форму настоящего перфекта с формой *хонда буд*, приходит к мнению, что первая форма выражает результативность, а вторая - предшествование. Как было указано, результативность действия зиждется не на самой форме настоящего перфекта, а ассоциируется с ее окружением в контексте. Кроме того, и форма настоящего перфекта может выражать предшествование к настоящему моменту.

Духтаратон худи хамин рӯз хар дуи онҳоро дар чойхона ҳам дидааст
[Шуроб, 387] *The girls at the same day have seen them in tea-house.*

Говоря о выражении предшествования формой «*хонда буд*», В.С.Расторгуева не отрицает, что эта форма выступает и в значении результативности действия. Она пишет, что «в отдельных случаях преждепрошедшее время приобретает отчетливо выраженный оттенок результативности. Оно показывает, что к тому моменту, о котором идет речь, действие уже совершилось и в качестве своего следствия привело к созданию какой-то определенной ситуации, картины, сохраняющейся до сего времени. В таком значении эта форма употребляется обычно в повествовательной речи», т.е. автор считает, что в описательной функции этой формы можно наблюдать вышеуказанное значение[108,570].

Сопоставляя формы *хонда буд* и *хонда будааст*, таджиковеды находят выражение предшествования первой формой и результативность - второй. Как было показано, вторая форма выражает не результат действия, а

действие, достигшее предела к какому-то моменту или действию в прошлом, с модальным оттенком неочевидности. Нам представляется, что первая форма выражает действие, достигшее предела в каком-то периоде времени прошлого и связанное с моментом сообщения о нем.

Исходя из изложенного, было бы целесообразным назвать данную форму формой прошедшего перфекта, основным значением которого является выражение действия, достигшего предела ко времени другого действия или же к какому-то моменту в прошлом, но связанного с последующим моментом сообщения о нем отношением взаимосвязи, взаимодействия и взаимозависимости, так как предыдущее действие так или иначе связано с моментом сообщения об этом действии в прошлом.

Таким образом, мы установили, что в современном таджикском языке имеется настоящее и прошедшее перфектное время. Их объединяет единое грамматическое значение - выражение отношения действия к своему внутреннему пределу как достигнутому, целому, выполненному. Так как данное значение является значением глагольного вида, то можно сказать, что в современном таджикском языке имеется перфектный вид. Перфектный вид и результативный - не одно и то же. На их различии мы останавливались подробно в предыдущих главах и параграфах.

На базе основного видового значения возникают другие, которые присущи одному временному плану и не являются специфическими для другого. Однако это не говорит об их несоответствии с основным их значением. Для определения конкретных временных значений перфектного вида основополагающим является момент сообщения об этом действии. Как многочисленные отличительные оттенки значения формы настоящего-будущего времени не противоречат сходству ее с формами прошедшего времени общего вида, так и наличие некоторых отличий временного значения настоящего перфекта от прошедшего не отрицает их общности в выражении основного видового их содержания. Детальное рассмотрение

круга временных значений настоящего и прошедшего перфекта не является целью данного исследования, поэтому мы остановимся только на их основном видовом значении и вытекающих из него некоторых других значениях, которые присущи формам перфектного вида в современном таджикском языке.

Перфектный вид в современном таджикском языке, прежде всего, выступает в значении действия, которое достигло предела и, следовательно, является выполненным, целостным, но это действие связано с моментом сообщения о нем:

Вай ҳам тир хурда, ҳам ба даҳони газанда афтадааст [Шуроб , 26]. ***He has also bullet wounded and were in the mouth of enemy.***

Перфектный вид в современном таджикском языке употребляется и в тех случаях, когда время действия точно зафиксировано. На первый взгляд, употребление перфектного вида аналогично употреблению формы общего вида, где наличие действия констатируется, но не говорится ни о длительности достижения предела действия.

Итак, в современном таджикском языке существуют формы перфектного вида. И их основное значение определяется, как выражение действия, достигшего внутреннего предела в своем протекании, следовательно, выполненного, и значение результативности действия, преемственности связь и предшествования выступают как частные значения формы перфектного вида. Формы перфектного вида в изъявительном наклонении следует рассматривать отдельно от аналогичных форм неочевидного (аудитивного) наклонения.

Из проведенного анализа следует:

Перфектный вид в рассматриваемых языках образуется аналитическим способом: в современном английском языке - от причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола ***to have*** в современном таджикском

языке также от причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола *будан* в соответствующих спрягаемых формах.

Основное грамматическое значение перфектного вида, как в современном английском, так и в современном таджикском языках, выступает, как выражение действия, которое достигло предела в своем протекании и является выполненным целостным к моменту сообщения о нем.

В зависимости от контекста, ситуации и адвербиальной единицы, с которой употребляется перфектный вид, он может передавать значение результативности, преемственной связи между действиями, предшествованием и т.д.

Связь момента действия с моментом сообщения, имеющая различный характер, может быть выражена:

- а) адвербиальными единицами и без них;
- б) ситуацией;
- в) контекстом;
- г) лексическим характером глагола;
- д) моментом действия, непосредственно соприкасающегося с моментом сообщения об этом действии;
- е) периодом времени, в котором происходит действие, и связь его с моментом сообщения о нем может быть выражена самыми разнообразными величинами.

Вышеуказанные черты связи момента действия с моментом сообщения характерны для таджикского и английского языков.

В рассматриваемых языках перфектный вид иногда выступает и со значением фиксации некоторого точного времени. Обычно формам перфектного вида свойственно выступать в значении действия, время прохождения которого точно не зафиксировано. Формы же общего вида употребляются в значениях действия, время прохождения которого зафиксировано.

Нам представляется, что употребление формы перфектного вида в предложениях с точкой фиксации времени прохождения действия обусловлено тем, что говорящий не только констатирует совершение данного действия в каком-то точном периоде времени, а больше всего хочет подчеркнуть существующую связь действия, с моментом сообщения о нем.

Следовательно, представляются правомерными случаи употребления форм перфектного вида в предложениях, где фиксировано время совершения действия. Если такое явление в современном английском языке наблюдается очень редко, то в современном таджикском встречается довольно часто.

Формам перфектного вида современного английского языка соответствуют две различные формы в современном таджикском языке, которые входят в разные наклонения. Для передачи значения форм длительного перфекта в современном таджикском языке специальных форм не имеется. Оно передается посредством формы длительного вида изъявительного наклонения, длительной формы неочевидного (аудитивного) наклонения и лексическим способом, т.е. путем сложносоставных глагольных сочетаний в форме перфектного вида.

2.2. Перфектно-длительный вид в современном английском языке

Категория перфектно-длительного вида в большинстве теоретических грамматик рассматривается очень кратко. Многие грамматисты не выделяют данный вид в особую категорию, а рассматривают в категории перфекта или длительного перфекта, так как одни утверждают, что форма длительного перфекта передает действие, аналогичное перфекту, а другие длительному виду. О. Есперсен рассматривает его в разделе длительных форм и называет распространенным перфектом, чем подчеркивает незавершенность действия (Incompletion), сопоставляет с перфектом. Аналогичное мнение высказывает и Бодельсон, который считает, *Expanded-Perfect* что обозначает незавершенное (*imperfective*) действие в прошлом, которое соединяется с

настоящим. Следовательно, наличествует элемент недавнего события, которое имело место. Такого рода мнения относительно сущности перфектно-длительных форм, находим в работах Брузендорфе, Кэрма, Поутсмы, Крейзинги, Граттана и Гаррея, Брайанта и многих других. Транка, рассматривая форму длительного перфекта, приходит к мнению, что она обозначает действие, которое прилагается как полностью незаконченное в настоящий момент или же для данной точки прошедшего, выбранного в качестве основы, времени.[197,173]

Изучению формы *Present Perfect Continuous* посвящены специальные исследования Н.В.Лебедевой и М.М. Эгреши. Н.В.Лебедева, называя ее формой трехсложного перфекта, относит длительный перфект к формам перфекта. М.М. Эгреши считает, что форма *Present Perfect Continuous* является распространенной формой перфекта настоящего времени и не является формой вида. Он указывает, что ее грамматическое содержание к значению периода определенной длительности нейтрально, что процесс, обозначенный глаголом в *Present Perfect Continuous*, находится в отношении предшествования к исходной ситуации в настоящем[158,19-24].

Другие грамматисты, выделяя форму перфектно-длительного вида, указывают, что она объединяет в себе значения форм длительного и перфектного. Такое мнение мы находим в работе Несфильда. Б.А.Ильиша, Бунина, Акир и других. Бунин также подчеркивает, что действие, выраженное перфектно-длительной формой, представляется как продолжающееся вплоть до настоящего времени[22,296]. Хотя за последнее время было проведено много общих и специальных исследований в области изучения системы английского глагола, вопрос о принадлежности перфектно-длительных форм к перфектному или длительному виду или же к отдельной группе еще остается нерешенным.

И.Б.Хлебникова указывает, что форма длительного перфекта является формой длительного вида, так как видовая дифференциация обнаруживается

в оппозиции длительных (маркированных) форм к недлительным. Граемы рядов длительного и перфектно-длительного имеют одинаковое инвариантное содержание длительности, процессуальности, продолженности действия, которое протекает либо в сфере одновременности временной оси ориентации (is writing), либо в сфере предшествования ей (has been writing). [150, 62 – 73].

И.П.Иванова, рассматривая многочисленные случаи употребления перфектно-длительных форм и сопоставляя их с формами перфекта и длительного вида, приходит к мнению, что перфектно-длительные формы являются самостоятельной категорией и их следует анализировать самостоятельно, а не под рубрикой других форм. Основное значение перфектно-длительных форм, по ее мнению, «есть выражение действия, как процесса, т.е. в его развертывании, его протекании во времени, определенный промежуток, которого им заполняется»[59, 197]. Она считает перфектно-длительные формы формой вида и подчеркивает, что наличие сходных черт Perfect Continuous с двумя взаимно противоположными формами заставляет прийти к выводу, что перфектно-длительная форма является категорией вида и имеет свое, присущее ей, грамматическое значение. Аналогичное определение находим и в Современном английском языке.

Как было показано раньше, противоположное мнение высказывает М.М. Эгреш, который считает, что «выражение главных процессов, максимально заполняющих некоторый период времени и доходящих вплоть до самого момента речи, не является грамматическим значением данной формы» [158,19-24]. А.С. Панусянц, рассматривая форму Past; Perfect Continuous, ничего не говорит о ее видовом содержании. Судя по тому, что автор называет ее прошедшим длительным временем, можно прийти к выводу, что он считает эту форму временной и основное значение ее определяет как выражение того, что время действия - это некоторый отрезок времени по отношению к прошлому моменту или действию [97, 176].

Изучению перфектно-длительных форм посвящена также работа В.П. Перли «Система форм длительного перфекта в современном английском языке» и его отдельные статьи по данному вопросу [97,13]. Автор рассматривает перфектно-длительные формы как категории вида. Он подчеркивает, что общим для рассмотренных форм является их категориальное видовое значение. Длительно-перфектные формы обозначают конкретные действия в процессе их протекания в развитии. Г.А.Резникова, рассматривая систему глагольного вида в современном английском языке, считает форму длительного перфекта видовой. Она указывает, что длительный перфект во всех без исключения случаях его употребления обозначает достигнутость к известному моменту предела в протекавшем до этого момента действии [110, 34-46].

Для определения специфики и семантики перфектно-длительного разряда (вида) существенное значение имеет определение понятия «предела» не как конца действия, а как любого перелома в его течении, знаменующего либо его терминацию, либо то или иное изменение качества еще продолжающегося процесса. При широком толковании предела, не отождествляемого с понятием конца действия, значение достигнутого предела оказывается неконтекстуальным не только для эксклюзивного, но и инклюзивного варианта длительного перфекта. Последний во всех без исключения случаях передает значение достигнутого предела, т.е. обозначает процесс, достигший в известной временной точке того или иного предела совершения, но не завершившийся, продолжающий протекать. Однако для говорящего дальнейший этап в развитии действия уже не имеет значения. Он не связан с речевой ситуацией. Формы длительного перфекта призваны обозначать лишь тот этап в развитии действия, который имеет место до возникновения указанного перелома.

Как видно, единого мнения ни о категориальной сущности перфектно-длительной формы, ни о ее месте в видовременной системе английского

языка и ни о ее основном значении не имеется. Прежде чем прийти к какому-нибудь выводу о категориальной сущности данных форм, рассмотрим следующие примеры, где приводятся одинаковые глаголы в трех различных формах глагола: в форме перфекта, длительного и перфектно-длительного времени.

I. 1) He hasn't talked to me about any of these later flames, thought Hurstwood to himself (Carrie, 135) Гарчанде ки теннаи дарахтони худаш дертар аланга гурифтааст ба ман дар бораи инҳо сухане нагуфтааст.

2) I think he feels so sure of his audience that he is talking a little overtime. (Genteel,2). Ман фикр мекунам у аз гушкунандагони худ ҳисси бовари дошт ки каме афзуннок гап мезад.

3) I've just been talking to Hugh Ryder, sir. (Disposs, 67) - Ман ҳоло дар бораи Хю Рейдер гап зада истода будам.

II. 1) I could not believe he was dead, or rather had never lived. (Genteel, 287) - Ман бовар карда наметавонам ӯ мурда буд ё ин ки тамоман ҳеҷгоҳ зинда набуд.

2) Mary's former governess was living in very destitute circumstances in an obscure part of town. (Genteel, 103) - Собиқ муаллимаи хусусии Мэри бо шароити хело ногувор дар як тарафи зулумоти шаҳр зиндагӣ карда истода буд.

3) Gregson was able to show that these two boys had been living in a world of gangster comics. (Better,189). - Грегсон қодир буд ки ин ду писаре ки дар ҷаҳони маҷаллаи фақоҳии гангстер зиндаги карда истода бударо нишон диҳад.

В приведенных примерах мы видим, что перфектные формы выражают действие, которое достигло предела в своем протекании к моменту сообщения о нем, и оно является выполненным в целом. Таким образом, глагольное действие в форме перфектно-длительного вида выражает

длительное действие, которое длилось в каком-то промежутке времени до момента сообщения о нем и достигло предела в своем протекании:

Период времени, в котором протекает действие до момента сообщения о нем, может быть различным:

а) этот период времени предшествует непосредственно к моменту сообщения об этом действии:

I see he said, "that you have been ramining the portrait of my unhappy friend fifty-Six" (Perfect Lover's, 51)- Ман медонам гуфт \bar{y} , ки шумо расми рафиқи бадбахти маро 56 монда истодаед. "What's new he said, looking at her part which she had been studying (Carrie, 221) - Чи навигари аст гуфт \bar{y} , ба ҳамон қисме ки \bar{y} меомухт нигоҳ каррда меистод.

б) этот период времени - соприкосновение с моментом общения об этом действии - подчеркивается одной или несколькими адвербиальными единицами, так и без них:

And you, sir; we have been looking for you since eight o'clock (Carrie,208) - Ва шумо чаноб:мо аз соати ҳашт инҷониб интизор шуда истодаем. Dear Mar- et, I've just been having such a delightful chat with Mrs. Eplynne (Fan, 52) .- Азизам Магаретман ҳолоакак бо хонума Эплин суҳбати дилнисанд доштам. We had been smoking in silence for some time when -Yen spoke (Perfect Lover's, 51). - Вақте ки Еэн гап зад мо чанд лаҳзае дар ороми тамоку кашуда истода будем. Charley saw what he had been contemplating, with Lixed emotions, for the past few minutes(Disposs., 39)-Чарли муддати якчанд дақиқаи гузашта бо як ҳаяҷон ба корҳои карда истодагяиш назар кард.

в) этот период времени, соприкасающийся с моментом общения об этом действии, может охватить очень широкий временной промежуток:

I've been teaching for fifteen years (Bet-cer, 187).- Ман муддати понздаҳ сол омӯзонуда истода будам. That, my dear young friend, is the theory that the corrupt French Drama has been propounding for the last fifty years.- Ана

рафиқи азизи ман он назарияи драмаи франсавии хароб шударо муддати панҷоҳ соли охир мезуфтанд. It was a flowering out of feelings which had been withering in dry and almost barren soil for many years (Carrie, 149).- Apparently she had been going round with her Oesophagus for twenty years and didn't know that she had one (Perfect Lover's, 227).

1. Глагольное действие в форме длительного перфекта с адвербиальными единицами, в зависимости от ситуации или контекста может выражать многократное длительное действие, происходившее до момента сообщения о нем и выполненное к этому моменту:

For years now the Bilboquets of chemistry and physics have been promising us every morning a miracle (Novel, 79). He had been thinking all the time of his "pull" with the race track magnates (Carrie, 70).

2. Глагольное действие в форме длительного перфекта также выражает длительное действие, которое происходило в каком-то отрезке времени до момента сообщения о нем, и, оно непосредственно, не связано с этим моментом:

They've been trying to get me to get some woman to take a part (Carrie, 193). One winter afternoon she had been buying something in a little antique shop in Curzon Street (Selected, 121).

С какими бы адвербиальными единицами, в какой бы ситуации или контексте ни употреблялась форма длительного перфекта, на передний план выступает значение длительного действия, которое достигло предела в своем протекании к моменту сообщения об этом действии. В каждом конкретном и временном плане могут выступать различные временные значения перфектно-длительных форм. Однако их видовое значение наблюдается всюду, и поэтому нам представляется целесообразным рассматривать форму длительного перфекта как отдельную категорию глагольного вида, которая в основном свойственна английскому языку как категория перфектно-деятельного вида.

2.3. Сравнительный анализ перфектного вида в современном английском и таджикском языках

Категория перфектного вида представлена во всех учебниках грамматики и ее изучению посвящены многочисленные работы. Данная категория является дискуссионной и многогранной в сравниваемых языках. Категория вида наиболее ясно и глубоко изучена на материале таджикского и других славянских языков. А в английском и таджикском языках видовое значение переплетается с временным. Среди грамматистов, рассматривающих данную категорию, не имеется единого мнения по многим аспектам вопроса. Прежде всего, они расходятся во мнении о категориальной принадлежности перфектного вида. Суит, Брайан, Поутсма, Брайант, Осма, Милингтонуорд, Клоуз, Зендвурт, Акира, Н.Ф. Иртеньева, М.Ганшина, Н. Василевская, Д.Г.Радченко и многие другие рассматривают перфектные формы как временные. О.Есперсен, Чарльстон, Марквардт, Г.Н.Воронцова, В.Н.Ярцева, И.П.Иванова, Г.А. Резниковская, Х.С.Барноходжаева и другие считают перфектные формы категорией вида. Кроме того, одно видовое значение может выражаться двумя или более формами глагола. К тому же у большого количества английских глаголов выявляются особенные значения предельности и неопределенности выражаемого глаголом действия. У таджикских глаголов также встречаются эти два аспектуальных значения. Однако, в таджикском языке встречаются ряд глаголов, которые, присоединяясь к другому смысловому глаголу, выражают различные многосторонние значения. Например: *Дар Исфара ӯ ногаҳон Содирхони ҳофизро дида мемонад* (177, с. 180). *Дар Хучанд инро ҳар кас ба ҳар мақом гирифта хонда мегардад* (там же, с. 190). В данных примерах глаголы мондан и гаштан, потеряв свои лексические значения, служат для выражения аспектуальных значений. Глагольный модификатор *мемонад* указывает на

мгновенность действия *дидан*, а модификатор *гаштан* обозначает повторяемость действия *хондан*. Н. Масуми сочетание этих и им аналогичных глагольных модификаторов со смысловым глаголом относит к категории вида. В результате он в таджикском языке выделяет два вида: перфектный или совершенный вид (*намуди мутлақ*) и длительный вид (*намуди давомдор*). Подобные образования свидетельствуют о способе действия. Более того, они не имеют системного характера. Например, можно сказать *дида монд*, но сказать *парида монд* невозможно. Можно сказать *даронда партофт*, но *гурёнда партофт* нельзя. Это значит, что в таджикском языке грамматические категории вида не отграничиваются от лексической категории способа действия. Единственно типолог Н. Хамроалиев заметил различие между этими двумя категориями таджикского глагола. Он отмечал: «Видовое значение выражается грамматическими средствами, а способ глагольного действия представляет собой лексическую абстракцию» [149,160]. Н. Хамроалиев находит в современном таджикском языке трёхчленную грамматическую категорию вида: 1) немаркированный общий вид, 2) перфектный вид, 3) длительный вид. А в английском языке он присоединяется к тем исследователям, которые разграничивают четыре глагольных вида: общий, длительный, перфектный и перфектно-длительный.

Всё это указывает на то, что глагольный вид в таджикском языке не подвергся довольно глубокому и многостороннему анализу, не говоря уже о лексической категории способа глагольного действия. Только в монографическом исследовании профессора П. Джамшедова предлагаются общие сведения о данной лексической категории в таджикском, английском, русском и шугнанском языках [47,117-175].

В англистике суждения исследователей относительно категорий вида неоднородны. В. Н. Ярцева, в частности, в своём раннем исследовании указывает об отсутствии грамматических средств выражения видовых значений [160,138-147]. Такого же мнения придерживается Б.М. Балин

[4,167]. Английский учёный Г. О. Керм находит в английском языке следующие видовые значения: 1) дуративный, 2) однократный с его подвидами: ингрессивный и эффективный, 3) терминативный и 4) итеративный. Данные видовые значения учёный соединяет в две группы: терминативную и прогрессивную.

Занимательную систему вида предлагает профессор И. П. Иванова. Она говорит о четырёх глагольных разрядах и из этих четырёх разрядов три имеют видовые значения: длительный разряд, перфектный разряд и перфектно-длительный разряд. Профессор Г. Н. Воронцова выявляет в английском языке основной или неопределённый вид, длительный вид и перфектный (преемственный) вид [31, 32].

Многие англисты следуют суждению о наличии общего и длительного видов. Данное убеждение было выдвинуто профессором А. И. Смирницким. Его сторонниками являются М. А. Ганшина и Н. М. Василевская, Л. С. Бархударов и Д. А. Штеллин, Б. С. Хаймович, Б. И. Роговская, Б. А. Ильиш. А. К. Корсаков в своей докторской диссертации также находит два вида, и их он называет статическим и динамическим видами [30,370]. Следовательно, одни таджиковеды (Н. Масуми и его последователи) находят два вида у таджикского глагола: перфектный и длительный, а другие (Н. Хамроалиев и его единомышленники) разграничивают три вида: общий вид, длительный вид, перфектный вид. А у английского глагола находят от двух до четырёх видов. В данном исследовании мы разделяем мнение о двухчленности категории вида английского глагола и трёхчленности категории вида в таджикском языке. Ими являются в английском языке: общий вид и длительный вид, а в таджикском языке ими являются: общий вид, длительный вид и перфектный вид. В таджикском языке перфектный вид наблюдается в формах только прошедшего времени. В форме настоящего времени значение перфектного вида отсутствует, т.к. в момент речи действие не может быть завершённым. В таджикском языке словоформы типа

менависам и *менавиштам* надлежит отнести к общему виду, а словоформы типа *хондам, хондаам* указывают на завершенность действия. Их следует отнести к перфектному виду. Словоформы же типа *хонда истодам, хонда меуштам, хонда меуштодам* обозначают длительное действие. Например: *Вай ин дафъа пуштнокӣ рафта ба даруни чӯ афтод* [53, 225]. - *Файр аз ин амаки, ман ўро дӯст медорад* [53,129]. *Вай ... дар инчо хўрокхурӣ омадааст* [там же,52]. *Тарсу ҳароси номаълум дами ҳар як азми ўро зуд мегардонданд* [53,32]. *Дилам аз ангишт беҳузур шуда истодааст* [53, 111]. Наш материал из таджикского языка, построенный на фактах, показывает, что видовые формы глагола могут обозначать следующие виды действия: действие повторяющееся, действие постоянное или общеизвестные факты (*universal truth*), что характерно для формы глагола под названием настоящее неопределенное время. Например: 1) *Шумо, мардон, дар ҳар қадам хиёнат мекунед* [177, 6]. 2) *Шогадоро одамон гўристонӣ ҳама сиру савдои ферма мегўянд* [176,11]. 3) *Кас баъзан аз шиддати мондагӣ ҳамин хел хобҳои вазнини ногувор мебинад* [167, 215].

Если опираться на известное определение категории вида, как «показывающую характер протекания действия во времени и выражающую отношение действия к его внутреннему пределу», то в первом примере словоформа *хиёнат мекунед* обозначает повторяющееся действие, а форма *мегўянд* обозначает действие с неопределённым пределом, в третьем предложении *хоб мебинад* указывает на повторяющееся действие. В английском языке в области настоящего времени имеется также специальная форма глагола, которая указывает на повторяющееся, постоянное действие или на общеизвестные факты:

- 1) «*Woman can change better a man*», -*Man said soothingly* [191,422].
- 2) *He always works at night* [там же, 345].
- 3) *My dog bugs a lot* [194,152].

4) *High noon returns the mind Upon its local fact: Dry grass and sand; we find no vision to district* [181,231].

5) *I am sick of this life of furnished rooms. I am sick of having colds and headaches: You know my strange life. Every day brings Its quota of wrath. You little know. A poet's life, dear Mother: I must write poems, The most fatiguing of occupations.* [181, 369].

В первом примере словоформа *can change* обозначает действие с неопределённым пределом. Во втором и третьем примерах глаголы *works* и *bugs* обозначают повторяющиеся действия. И в четвёртом примере глагольная словоформа *turns* указывает на действие, предел которого остаётся неопределённым. В пятом примере почти все глагольные формы служат для выражения состояния субъекта или его характеристики. Итак, и здесь глаголы обозначают действие и состояние без конкретного предела. Такие глагольные формы в предыдущем параграфе мы именовали формами настоящего неопределённого времени. Такое название приписано данной форме, так как она обозначает действие или состояние, которое не обозначает ни длительное, ни законченное действие, поэтому здесь подобает говорить о категориальной форме неопределённого вида. Данная форма может служить не только для выражения действия настоящего времени, предел которого неизвестен, но, так же, как таджикская форма «*замони хозираи зайридавомдор*» (настоящее неопределённое время), может указать на отнесенность действия к прошедшему времени. И такое время, как мы было указано выше, называется «*Historical present*». Например: *Let me remember how it used to be, and bring one morning back again. I come into the second-best parlour after breakfast, with my books, and an exercise book, and a slate. My mother is ready for me at her writing desk, but not half so ready as Mr. Murdstone in his easy-chair by the window (though he pretends to be reading a book), or as Miss Murdstone, sitting near my mother stringing steel beads. The very sight of these two has such an influence over me that I begin to feel the*

words I have been at infinite pains to get into my head, all sliding away, and going I don't know where. В этом драматическом живописании глагольные формы *come, pretends, begin, don't know* обозначают действия, внутренний предел которых не определён, т.е. они не обозначают ни длительное, ни повторяющееся, ни постоянное действие. Это значит, что у них нет чёткого видового значения. Вышеуказанные примеры говорят о том, что между таджикскими и английскими языками выявляется полное родство в проявлении видового значения в области настоящего недлительного времени. Для подтверждения данного суждения можно привести пару переводных примеров: 1) *I hate you all! You come here talking politics to him; and he lets you sit up the night with him and give him things to stop the pain* (195, с. 163). – *Ҳамаи шумоёнро бад мебинам. Шумоҳо меоед, ки бо вай дар бораи сиёсат баҳс кунед ва ӯ ба шумоҳо ичозат медиҳад, ки нигоҳу бинаш кунед [58,161].2]. Вале ман он гуломам, ки на исён мекунам, на шӯр, На бо ту мекунам ҷангу на аз ту мешавам ман дур. Ҳамеша бо ту механдам, ҳамеша бо ту мегирям [172, 76]. – *But I'm that slave who finds his joy in what his fate must be. If losing you meant living free, I'd choose to live unfree. If you so wish I'll come to naught, or, if you wish to frame (тамже, 77).3) - He's quite an honest man, Tom Morgan, only stupid- Honest people don't deceive others. Morgan deceived me once [192,60].- Ин Том Морган бисёр одами софдил, аммо хеле аҳмақ. – Одамони софдил касро фиреб намедиҳанд, вале ӯ маро фиреб дода буд [172, 62].**

Как очевидно из первого примера, эквивалентные словоформы исследуемых языков (*come – меоед, lets - ичозат медиҳад*) обозначают повторяющиеся действия, т. е. они обозначают действие с неопределённым пределом. И во втором примере таджикские словоформы *мешавам, мекунам, механдам, мегирям* и их английские эквиваленты *find, must be, choose* указывает на видовое значение повторяемости действий. В третьем примере в обоих языках глаголы *don't deceive* и *фиреб намедиҳанд* выражают

общеизвестные факты и поэтому выражаемые ими действия представляются в видовом отношении неопределенными. Следовательно, в области настоящего времени глаголы обоих языков, как правило, обозначают действия, внутренние пределы которых остаются невыраженными.

И в прошедшем времени функционируют глагольные формы, которые обозначают повторяющиеся действия, которые выражаются в таджикском языке глагольной формой типа *метасфонд*, *мегирифт*, *мехӯрд* и т. п.

Например: *Гармои тоқат фарсои тобистон вагонҳоро мисли мис метасфонд* [176,5]. *Гармӣ нафасро мегардонд* (там же, 5). *Родзинский ҳам ҳар рӯз бо ваъдаю васоити бисёре кисаи Алёнаро бо чормағзи пуч пур мекард* [165,431]. *Ин ҳолати ин ҳайвонот чи қадар назмон буданашон офтобро ва чӣ қадар аз офтоб баҳра гирифтанишонро нишон медод* [165, 424]. В этих примерах словоформы *метасфонд*, *мегардонд* обозначают действия с неопределенным пределом, а глагольный фразеологизм *бо мағзи пуч пур мекард* указывают на повторившееся действие, словоформа же *нишон медод* выражает постоянное действие.

Данные примеры говорят о том, что в сфере и настоящего и прошедшего времён глагол с префиксом *ме-* может обозначать три видовых значения: повторяемость действия, действие с неопределённым пределом и постоянное действие. Эти видовые значения можно объединить в одну категориальную форму общего вида. Он образуется в таджикском языке от основы настоящего времени глагола в сочетании с префиксом *ме-* и личных окончаний глагола, если эти видовые значения относятся к сфере настоящего времени, но если они указывают на эти видовые значения в сфере прошедшего времени, то категориальная форма общего вида образуется от основы прошедшего времени смыслового глагола в сочетании с префиксом *ме-* и личных окончаний глагола. Надлежит подчеркнуть, что в выражении трёх вышеуказанных значений словоформ типа метасфонд участвуют не только вышеуказанные маркеры, но и контекстуальные условия, так как эта

словоформа может обозначать под воздействием контекста и длительное действие, о чём указывает некоторый ряд примеров: *Деҳаи Березовичи дар озӯши зулмат меҳобид* [167,294]. *Ба болои ин аз пешгоҳи хона овози як навошти патефон мебаромад, ки сӯзанаиш ба раҳи хӯрдашудаи ҷарта расида, дар як мақом чарх мезад* (там же, с. 359).

Об этой функции данных словоформ будет детально рассматриваться при анализе длительного вида таджикского глагола. Возвращаясь к трём вышеуказанным значениям словоформ типа *мекард*, заметим, что можно объединить данные значения в единую видовую семантику, которая будет считаться общим видом таджикского глагола. Данные видовые значения выражаются в формах настоящего и прошедшего времён таджикского глагола. И в английском языке встречается практически такая же картина.

Обратим с языковому материалу: 1) *Sometimes he fell and cut himself; sometimes he lay all day long in his little bunk at one side of the companion; sometimes for a day or two he would be almost sober and attend his work at least passably* [192, 71-72]. – *Ў дам ба дам мегалтид ва маиб мешуд. Вақтҳое мешуд, ки тамоми рӯз дар рӯи кат хобида, ҳеч аз ҷояи намехест. Албатта, инчунин вақтҳое мешуд, ки ду рӯз, қариб тамоман хушёр мегашт ва онвақт вазифаҳояшро як навъ иҷро мекард* [171,75]. 2) *The Gadfly certainly knew how to make personal enemies* [192,134]. – *Фурмағас албатта чи хел душманони шахсӣ пайдо карданро медонист* [158,133]. 3) *Over tea Lenny realized that Cape Town practically belonged to England* [180, 186]. – *Дар болои чой Ленни дардк кард, ки шаҳри Кейптаун ба Англия мутаалиқ будааст* (перевод информантов).

В первом примере английские словоформы *fell, cut, lay* и их таджикские эквиваленты *мегалтид, маиб мешуд, намехест* обозначают повторившееся действие в прошлом. А во втором примере глаголы-сказуемые *knew* и *медонист* обозначают постоянное действие. В третьем же примере, *belonged* и *мутаалиқ будааст* указывают на общеизвестные факты. Если для

выражения этих трёх видовых значений таджикский язык употребляет глагольную основу прошедшего времени в сочетании с префиксом *me-* и личными формами глагола, то в английском языке правильные глаголы принимают морфему *-ed (belonged)*, а неправильные глаголы подвергаются чередованию одного или более звуков (*knew, fell, lay*). Такие словоформы в предыдущем параграфе мы называли формами *The Past Non-Continuous Tense*, а таджикские образования типа *me-* + основа прошедшего времени + личное окончание называли формами прошедшего недлительного времени. Таким образом, данные временные формы двух языков предназначаются для формулирования общего вида таджикского и английского языков. Различие в том, что эта форма таджикского языка может проявлять и длившееся действие, о чём было указано выше. В отличие от указанной формы таджикского глагола, форма прошедшего недлительного времени английского языка в зависимости от контекста и предельности или неопределённости глагола может обозначать и законченное действие, о чём указывают следующие примеры: *At the same moment, another pirate grasped Hunter's musket by the muzzle, wrenched it from his hands, plucked it through the loophole, and, with one stunning blow, laid the poor fellow senseless on the floor* [192,147]. –*Дар худи ҳамин лаҳза дузди дигар милтиқро аз дасти Гентер кашида гирифт, аз мили милтиқ даст гирифта, чунон бо қундоқи вай Гентерро зад, ки бечора беҳуш шуда афтод* [171,154].

Как видно, словоформы *grasped, wrenched, plucked, laid* обозначают видовую семантику предельности действия. Таджикские совпадения данных словоформ (*кашида гирифт, зад, афтод*) также обозначают действие с пределом. У аналогичных словоформ таджикского языка в отличие от форм прошедшего недлительного времени отсутствуют видовые значения неопределённости предела, повторяемости действия и постоянство действия отсутствует. Вследствие этого их точно относят к категориальной форме другого вида, о чём будет говориться ниже. Ибо у этой формы английского

языка соединяются в зависимости от контекста значения завершённости действия, его повторяемости и др., в грамматических источниках английского языка их объединяют в один вид под названием «общий».

Следовательно, в области прошедшего времени в общий вид попадает словоформа, состоящая из префикса *me-* + основы прошедшего времени и личных окончаний. У такой формы под влиянием контекста обнаруживается и иное видовое значение, о котором будет говориться ниже, а впоказанной английской словоформе сочетаются видовые значения предельности действия с видовым значением неопределённости или повторяемости действия. У данной формы отсутствует видовая семантика длительности действия. Вследствие этого при анализе категории времени мы назвали такую форму прошедшее недлительное время. Подобное же название получила проанализированная форма таджикского глагола, так как в ней в основном выявляется значение неизвестности предела выражаемого ею действия. Это говорит о том, что в сравниваемых языках в сфере прошедшего времени действует общий вид. Данное видовое значение раскрывается также у глаголов настоящего времени английского языка.

В английском языке действует особая форма глагола, которая входит в парадигму общего вида. Она включает в себя сочетания вспомогательных глаголов *shall* и *will* с основой инфинитива вспомогательного глагола. Например: 1) *I'll tell you in a minute* [195,206]. – *Ман ба шумо иноро баъди як дақиқа мегӯям* [152, 204]. 2) *I'll have an eye up on you day and night* [192,15]. – *Ман аз болои шумо шабу рӯз назорати хеле сахт мекунам* [172, 12]. В первом примере видовая форма '*ll (shall) tell* обозначает действие, достигшее своего предела, что раскрывается и в таджикском языке. Во втором примере, наоборот, глагол-сказуемое '*ll (shall)* обозначает действие, не достигшее своего предела, оно будет повторяться в будущем. Аналогичная видовая семантика раскрывается в таджикском эквиваленте этого предложения. Однако, необходимо заметить, что в таджикском языке

не существует специальной формы, которая указывает на заканчивающееся или повторяющееся действие в будущем времени. Данные видовые значения в таджикском языке проявляются контекстом или наречиями, обстоятельственными оборотами. В частности, в первом примере о законченности действия в будущем времени сообщает обстоятельство *in a minute*, а во втором примере слова *day and night* указывают на повторяемость действия. Указанную словоформу английского языка мы назвали формой недлительного вида будущего времени, ибо данная форма проявляет различные видовые значения, кроме длительности.

И в английском, и в таджикском языке действуют особенные формы глагола в настоящем, прошедшем и будущем временах, обозначающих длительные действия. Вот два примера из сравниваемых языков, обозначающих продолжающееся действие в настоящем времени: 1) *Ана одамони ҳукумат гуфта истодаанд, ки зиндагӣ чунон нағз мешавад* [175, 68]. – *You see, the representatives of the government are saying that the life will be very flourishing* (перевод информантов). 2) *I am preparing an essay on contemporary theology for the n-n-newspaper* [195,181]. – *Ман Барои як рӯзномаи нав мақолачаи хурде дар бораи дин тайёр карда истодаам* [152, с.56]. Как очевидно, что между сравниваемыми языками раскрывается полный изоморфизм. В таджикском языке для выражения длительного действия в настоящем времени используется вспомогательный глагол истодан в личной форме и форма причастия предшествования смыслового глагола (гуфта истодаанд), а в английском языке для этой цели употребляется вспомогательный глагол *to be* в личной форме настоящего времени и форма причастия настоящего времени смыслового глагола (*are saying*). Различие лишь в том, что вспомогательный глагол в таджикском языке находится после смыслового глагола, а в английском языке наоборот. Об этой идентичности указывает также и пример на английском языке с его переводом на таджикский язык. Ср.: *I am preparing* - *Ман тайёр карда*

истодаам. Ранее мы заявляли о том, что в настоящем, прошедшем и будущем (только в английском) временах имеются по две формы. Основанием этому является то, что во временном плане каждая пара указывает на одно и то же время, однако они отличаются в аспектуальном плане, т.е. первая форма в каждой из трёх пар указывает на недлительность, а вторая на длительность действия. В сфере прошедшего времени для обозначения длительного действия в английском языке применяется одна форма, которая состоит из личных форм глагола *to be* в прошедшем времени в сочетании с причастием *I (I was reading, we were reading)*. А в таджикском языке для этого употребляются две формы: 1) приставка *ме-* + основа прошедшего времени + личное окончание (*мехондам*); 2) причастие предшествования + (приставка *ме -*) + глагол *истодан* в личной форме (*хонда меустодам*). Например: 1) *Arthur was reading hard and had little spare time* (195, с. 28). – *Артур бисёр мутоила мекард, вақти холӣ надошт (37, 30).* 2) *... аз ҷузъгири дар бағалаш буда як тахта коғаз бароварда дар сари он коғаз калимаҳои «деҳаи М. ёбони Қоқо»-ро навишт ва ба амин нигоҳ карда истод* (156,161). Пример на английском языке и его таджикский перевод говорит о том, что форма длительного вида прошедшего времени английского языка передаётся на таджикский язык посредством словоформы типа *ме-* + основа прошедшего времени и личное окончание глагола: *was reading – мутоила мекард*. А в таджикском примере значение длительности действия в прошедшем времени передано при помощи аналитической формы *нигоҳ карда истод*, передающаяся на английский язык как *was looking*. Как ясно из данного разбора, одной видовой форме английского языка в прошедшем времени соответствуют две формы в таджикском языке: *нигоҳ карда истод, мутоила мекард*. Основанием тому является, по-видимому, то, что словоформа типа мутоила мекард в видовом отношении двузначна. В некотором контексте она указывает на повторившееся действие, а в другом контексте на продолжавшееся действие. Вследствие этого, носители

таджикского языка во времена советской власти выработали новую форму типа *нигоҳ карда (ме-)истод*. Данная форма часто употребляется в разговорной речи, однако, начиная с работ С. Айни, она начала проникать и в литературный язык, всё же, данная форма не определила свое в грамматиках таджикского языка. В сфере будущего времени в английском языке действует особая глагольная форма, которая выражает значение длительного вида. Ею является сочетание вспомогательных глаголов *shall/will* + вспомогательный глагол *to be* + причастие I смыслового глагола (*shall/willbewriting*). Например: - *I must go, Padre; the students will be waiting for me* (11, 31). – *Ман бояд биравам, донишҷӯён ба ман интизор мешаванд* (152,33). В таджикском языке не существует специальной формы, которая обозначала бы длительное действие в будущем времени. Как очевидно из перевода, в таджикском языке как эквивалент *will be waiting* выступает словоформа интизор мешаванд. Данная словоформа обозначает обычно повторяющееся действие настоящего времени, поэтому в данном случае отнесенность длительного действия в будущем времени выражается в таджикском языке контекстуальными условиями, а также посредством соответствующих адвербиальных оборотов. Для выражения длительного действия в будущем времени в разговорной речи таджикского языка появилась новая форма, состоящая из формы причастия типа *хонда* + (префикс *ме-*) + основа настоящего времени вспомогательного глагола истодан с личным окончанием: *хонда (ме)истам*. Например: - *Агар натарсӣ, ҳо, ана ба онҷо, ба сари роҳ рафта ист* [68,301]. *Агар об бозӣ кардан хоҳед ба лаби дарёчаи мо биёед. Ман шуморо дар соати чор дар инҷо интизор шуда меистам* [68, 97].

Следовательно, в сравниваемых языках имеется длительный вид, у которого существует определенная форма, и которая представляет собой аналитическую форму, а также своё определённое значение, которое указывает на продолжающееся действие в настоящем, прошедшем и

будущем временах. В таджикском языке в сфере прошедшего времени для обозначения длительного действия применяются две глагольные формы против одной формы английского языка. В сфере будущего времени данное видовое значение выражается здесь контекстом или лексическими средствами. Тем не менее, в разговорной речи применяется специальная аналитическая форма для этой цели.

Многими исследователями подчеркивается отличительный характер перфектных форм от категории вида и времен. Так, А.И.Смирницкий указывает, что перфект представляет собой особую (по отношению к виду и времени) грамматическую категорию, которую он называет категорией временно отнесенности. Аналогичного мнения придерживаются Л.С.Бархударов, Д.А. Штелинг, И.Б.Хлебникова, В.В.Авдеев, Д.З. Саинова и др. Е.Н. Асютина, соглашаясь с вышеуказанным характером перфектных форм, подчеркивает, что они выражают не только временную отнесенность, но представляют собой непосредственную или перфектную соотнесенность. Этой точки зрения придерживается и Б.А.Ильиш в работе «Структура современного английского языка», хотя раньше форму перфекта он считал формой результативного вида. В.С.Хаймович и Б.И.Роговская предлагают вместо категории временной отнесенности и категории соотнесения категорию порядка.

Так как не существует единого мнения о категориальной принадлежности перфектного вида, основное его грамматическое значение определяется по-разному. Если одни грамматисты рассматривают перфектные формы в едином плане, то другие выделяют форму перфекта настоящего времени из других перфектных форм. Они указывают, что перфект настоящего времени по своему значению не совпадает по целому ряду моментов с другими перфектными формами. Н.Ф.Иртеньева пишет: «Не все формы, образованные вспомогательным глаголом to have и причастием вторым, являются перфектом, а только формы настоящего времени»[65,224].

Г.Н. Воронцова в своей работе в основном останавливается на значении формы настоящего перфекта [30,370].

Многие грамматисты утверждают, что такое деление неверно, ибо видовое содержание настоящего и прошедшего перфекта совпадает, хотя и имеются некоторые специфические употребления временного значения данных форм. Среди тех грамматистов, которые считают перфектные формы формами времени, существуют различные точки зрения относительно их временных значений. Многие рассматривают перфектные формы как формы относительных времен. Суит считает, что основное временное значение перфекта — это выражение предшествования. Такое же мнение высказывают Брайант, Поутсма и др. По этому поводу Г.М.Райхель правильно отмечает, что «предшествование — одно из трех частных значений категории временной ступени (1. предшествование, 2. одновременность, 3. следствие), а временная ступень безразлична ко времени. Одна и та же временная ступень может устанавливаться относительно любого из временных центров. Относительное время и время — не одно и то же, и нельзя предшествование считать временным значением, предшествование является грамматическим значением. Рассматривая форму Perfect, имеющую значение предшествования, он также подчеркивает наличие значения преемственной связи и завершенности в данной форме.

В отечественной англистике Н.Ф. Иртеньева, Д.З. Саинова и другие рассматривают формы перфекта формами относительного времени. Если у Н.Ф.Иртеньевой в группу относительных времен входят времена перфекта, то у Д.З.Саинова формы длительных времен в группу относительных времен не входят.

Для характеристики абсолютного и относительного значений временных форм существуют определенные критерии, т.е. соотнесено ли действие в какой-нибудь из временных форм с моментом речи или же соотносится ли момент одного действия с моментом другого действия. Первое называется

абсолютным временным значением, второе — относительным. Рассмотрев основное значение перфектной формы, В.Г.Бойко приходит к мнению, что форме перфекта свойственны и абсолютное и относительное временные значения[15,85]. Многие грамматисты, хотя считают форму перфекта временной и не говорят о ее видовом содержании, однако видят ее основное значение в завершенности действия. Так, например, Несфильд считает, что перфект указывает, что событие находится в завершенном или совершенном состоянии. Аналогичные мнения находим в работах Гибсона (действие, завершенное до настоящего или до какого-то времени в прошлом или будущем, Османа (завершенность действия в неопределенной точке времени), Пенса (завершенность действия в каком-то неопределенном времени до настоящего или же завершенного действия, продолжающегося в настоящем), Гипера (действие, полностью завершенное), Несбита, Граттана и Гаррея и др. Акира подчеркивает, что значение завершенности неприсущее самой форме перфекта, а вытекает из контекста и лексического значения глагола. Он считает, что для этого периода, в котором происходит действие, характерно то, что момент завершенности соприкасается с моментом сообщения или же в случае Past Perfect - с каким-то временем в прошлом. Хотя Марквардт говорит о наличии категории вида в современном английском языке именно в связи с перфектом, но положительного определения значения перфекта он не дает. Он также не считает завершенность действия основным значением перфекта, так как и общий вид может передавать такое значение. Он видит его основное значение в предшествовании и подчеркивает, что перфект не охватывает время [183,194].

И среди тех грамматистов, которые рассматривают форму перфекта как форму вида, также не имеется единого мнения относительно определения его основного грамматического значения. Крейзинга рассматривает формы перфекта как результативный вид [181,79-65]. На характер результативности

перфектных форм указывал раньше и Б.А. Ильиш (позже в «Структуре современного английского языка»)[63,171]. Он отмечает, что формы перфекта не являются формой вида. Х.С.Барноходжаева считает основным значением формы перфекта результативность. Она пишет: «В отличие от форм длительного и общего видов, форма результативного вида (Perfect Tenses) выражает завершенность действия, доведение действия до конца. Особенно четко результативность действия выражается формой настоящего перфектного времени общего вида[6,171].

Следует отметить, что указывая на несомненность наличия результативного вида, формы *Present Perfect* называются еще настоящим перфектным временем общего вида. Если форма *Present Perfect* является формой общего вида, то где же форма результативного вида и как она выражается?

Многие грамматисты не считают результативность основным значением перфектного вида. Г.Н.Воронцова (хотя и не отрицает, что перфект предельных глаголов может иметь значение результативности) определяет основное значение формы перфекта как значение преемственной связи между настоящим и прошлым и считает форму перфекта формой вида преемственности (или трансмиссивного вида). Однако автор подчеркивает, что преемственная связь может быть передана как формой перфекта, так и формой претерита.

В этом случае теряется специфический характер перфектных форм. И.П.Иванова указывает, что иногда у перфекта прослеживается значение результативности, т.е. значение нового состояния, возникшего как следствие произведенного действия, и она не считает результативность основным значением перфекта. Основное значение перфекта автор определяет, как значение изолированного действия, выполненного до момента результата или же значение выполненности, полноты действия, где полнее рассматривается в полном его объеме, без выделения отдельных этапов

[59,197]. Резинковская Г.А также не считает результативность основным значением перфекта. Она подчеркивает, что перфект выражает действие, которое завершено или достигло того или иного предела в связи с совершением другого, последующего действия[110,34-46].

Брайен, рецензируя работы Поутсмы, Крейзин Херма и Есперсена, приходит к выводу, что любая идея о наличии результата или последствия не выражается в перфект форме, а вытекает из значения или характера глагола (или из контекста, или из сообщения в целом). Он рассматривает перфектные формы как временные: основное их значение вида в выражении простого временного понятия (simple). Р.Аллен также подчеркивает, что элемент результата, наличествующий в данном приложении, имеющий глагольную форму перфекта, вероятно, вычеркивает из лексического значения глагола или же из другого свойства, или слова в предложении, нежели из грамматической формы глагола[164,303]. О. Есперсен и Чарльстон рассматривают формы перфекта как формы ретроспективного вида. О значении ретроспективности этих форм, т.е. когда говорящий как будто смотрит назад от момента сообщения на любой отрезок прошедшего времени, который он рассматривает, говорят также Бсэдельсон, Брайан Д. и другие, хотя последние не упоминают о видовом значении перфектных форм. Данное определение уместно, когда говорится о функции, об использовании этих форм, но оно не раскрывает самой сущности грамматической формы перфекта. А.И.Смирницкий рассматривает перфект не как категорию вида или времени, а как особую грамматическую категорию — категорию временной отнесенности. Анализируя формы перфекта, он исходит из значения ее отдельных компонентов, т.е. значения причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола. Вопросу слитности грамматических форм и единому их значению посвящены многочисленные работы, и поэтому, не останавливаясь подробно на них, отметим, что формы перфекта в современном английском языке следует рассматривать не в зависимости от

ее отдельных элементов, а в целом, как единую форму, передающую определенное грамматическое значение.

В категорию временной отнесенности А.И.Смирницкого, кроме перфектных форм, входят также перфектно-длительные формы, которые противопоставляются формам «неперфекта» - формам общего и длительного видов. Как известно, он не отрицает, что неперфект входит в категорию вида и времени. Если категорию временной отнесенности можно противопоставить по линии перфект-неперфект, т.е. как особую вневременную, вневидовую категорию вида и времени, то на какой основе их можно будет противопоставить? Категория временной отнесенности определяется А.И. Смирницким как передача отнесенности действия ко времени вообще. Как известно, категория времени передает отношение действия, обозначенного данным глаголом, к моменту сообщения об этом действии. Следовательно, если категория времени передает отношение момента действия к моменту сообщения, в общем, то временные формы передают отношение момента действия к конкретному моменту сообщения. А.И. Смирницкий пишет, что «перфектные формы означают прошедшее время по отношению к некоторому моменту или периоду, который имеется в видовой категории или о котором идет речь, то присоединяется к тем грамматистам, которые рассматривают форму перфекта как временную, со значением предшествования» [12,440]. Он сам не отрицает близости категории временной отнесенности к категориям вида и времени. Эта близость настолько велика, что выделение такой особой грамматической категории, как категории временной отнесенности, является неправомерным.

Л.С.Бархударов, Д.А.Штелинг, И.Б.Хлебникова, В.В.Авдеев и другие также относят перфектные формы к категории временной отнесенности. И.Б.Хлебникова утверждает, что «в пределах каждой временной оси вычленяется бинарное соотношение грамем, и грамем, не маркирующих предшествование и, следовательно, обозначающих одновременность данной

оси (индефинитный ряд). Это противопоставление составляет основу категории временной относительности. Следовательно, утверждается, что формы перфекта не являются видовыми и составляют особую категорию. Как было указано, бинарные оппозиции в системе языка представляют собой один из видов связи, и различие между перфектными и индефинитными граммемами зиждется не на наличии предшествования или его отсутствия, а на отношении действия к его внутреннему пределу протекания, перфектным формам свойственно передавать как относительные, так и абсолютные временные значения.

Другая группа грамматистов, в основном, соглашаясь с определением А.И.Смирницкого, дает некоторые новые трактовки перфекта. Е.Н.Аксютин в статье «Единая система глагола» подчеркивает аналогичность характеристики системы глагола в современном английском языке, и вместо известного определения перфектных форм как категории временной отнесенности, данного А.И.Смирницким, она дает свое, считая их категорией соотнесения. Она пишет, что категория соотнесения показывает, в какой зависимости находится свершение одного действия по отношению к определенному моменту или другому действию, и выверяет две категории соотнесения непосредственное соотнесение (Immediate Correlativity) и противостоящее ему перфектное соотнесение. Эту идею поддерживает Б. А.Ильиш в «Строе современного английского языка», но лишь с разницей, что термин «непосредственный» заменяется термином «неперфектный» (non-Perfect) [63,71].

Правильно, что авторы рассматривают языковые явления в зависимости друг от друга. Однако не вполне верно полагать, что категория времени выражает зависимость действия от объективного времени. В основе категории времени глагола лежит не сама зависимость совершения действия от адъективного времени, а отношение момента действия к моменту сообщения об этом действии. Кроме того, перфектные формы не всегда

выражают действие, предшествующее другому действию и соотнесенное с каким-то действием.

Вряд ли можно считать правильным то, что перфектные формы многими грамматистами включаются в группу общего, так как общий вид, по существу, в выражении отношения действия к своему внутреннему пределу остается нейтральным. Перфектные формы, наоборот, способны выразить отношение действия к своему пределу, как достигнутого предела и исчерпавшего себя. Данная концепция грамматистов, вероятно, вытекает из их убеждения, что перфектные формы не могут выражать действие само по себе, а обязательно соотносятся с каким-нибудь другим моментом действия.

Аналогичное мнение высказывают Б.С.Хаймович и Б.И.Роговская в «Теоретическом курсе грамматики английского языка», вместо категории соотнесенности или временной соотнесенности они предлагают категорию порядка, так как считают, что формы глаголов показывают порядок действия. Следует отметить, что там, где имеется в основном порядок действия, т.е. хронологическое следование одного «действия за другим, мы в основном употребляем скорее формы его вида, нежели формы перфекта, а формам перфекта свойство главным образом, передавать изолированные действия».

Как видно, нет единого мнения относительно категориальной принадлежности перфекта, основного его значения и других значений, которые он выражает.

Из вышеизложенного следует, что глагольное действие, по мнению всех грамматистов, в перфектных формах главным образом выражают действие, которое достигло предела в своём протекании к моменту сообщения о нем, но связано с моментом, когда сообщается об этом действии:

Quality has vanished from the aims of the book business and quantity has taken its place [Novel, 55].

Глагольное действие в перфектных формах также выражает «многократные действия». Однако значение многократности действия не

обусловлено самой формой перфекта, а ассоциируется с адвербиальными единицами или создает контекст.

Различие между глагольным действием в форме общего и глагольным действием в форме перфектного в выражении многократности действия заключается в том, что первая форма передает многократность безотносительно к его длительности или достижению предела, т.е. констатирует наличие такого рода действия, в то время как вторая передает многократное действие, которое имело место до момента сообщения о нем и достигло своего внутреннего предела:

Have we only spoken, to him a few times? [Carrie,150]

Кроме вышеуказанных значений, глагольное действие перфекта может выступить в конкретных временных функциях. Здесь мы не затронули его временного значения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были исследованы структурно-семантические особенности видовременных форм английского глагола, в синхронном и диахронном аспектах. Проведенный нами анализ явлений современного английского и таджикского языков свидетельствует, что данные языки обладают грамматической категорией глагольного вида. Главным образом, были рассмотрены научные работы ведущих отечественных и зарубежных лингвистов, которые посвящены данному вопросу. С учетом существующего в современной науке расхождения взглядов по данному вопросу, в данном исследовании дан обзор наиболее распространенных суждений, которые принадлежат наиболее значимым ученым.

Категориальное значение глагольного вида для славянского, английского, таджикского и других языков остается общим, т.е. оно выражает отношение действия пределу своего протекания, но получает разное оформление различных языках, исходя из их специфики. В славянских языках оно проявляется в формах совершенного и несовершенного видов, в современном английском — в формах общего, перфектного, а в современном таджикском — в формах общего и перфектного видов.

Предел действия в форме общего вида остается напряженным, и поэтому нами он рассматривается как форма, общевидового значения. В сопоставляемых языках категориальное значение общего вида совпадает, хотя в его контекстуальном значении в связи со спецификой каждого языка имеются и некоторые случаи частичного несовпадения этих значений. Контекстуальное значение общего вида в рассматриваемых языках представлено в большом разнообразии.

В современном таджикском языке одна и та же глагольная форма выступает в двух или более противоположных случаях не только времени и вида, но и наклонения.

При рассмотрении форм глагольных видов в современном таджикском языке, учитывая их происхождение, мы в основном исходили из тех новых значений, присущих данным формам, которые получили очень широкое распространение в современной литературе. Поэтому при сопоставлении форм таджикского и английского глагола мы учитывали в основном второе значение данной формы, которое является эквивалентным категориальному значению длительного вида в современном английском языке.

Что касается формы перфектного вида в современном таджикском языке, то она имеет отличительные черты от формы перфектного вида в современном английском языке:

1. В отношении их категориального модального значения, т.е. в отношении говорящего к реальности действия. Если в английском языке перфектные формы выражают реальные, достоверные действия, то перфект настоящего времени в современном таджикском языке имеет двоякое модальное значение:

а) действие, о котором сообщает говорящий, является достоверным и реальным;

б) говорящий сообщает о действии, за достоверность которого он не ручается, так как передает его с чужих слов, судит по результату или логически пришел к какому-нибудь выводу.

Исторически значение перфекта превалировало в этой форме. По мере развития языка постепенно возникли и получили развитие другие значения формы настоящего перфекта — неочевидности, «заглазности» действия и стали широко употребляться в литературном таджикском языке. В современном литературном таджикском языке оба эти значения употребляются в одинаковой степени. Поэтому в данной работе эта форма рассматривалась как омоформа: перфект настоящего времени изъявительного наклонения и прошедшее время аудитивного наклонения. Вопрос точного разграничения форм перфекта от форм аудитивного наклонения является

предметом специального исследования. Формы аудитивного наклонения в некоторых случаях передают аналогичные значения с формами перфектного, общего видов.

Следует учесть, что формы аудитивного наклонения и формы перфекта по значению - это не одно и то же и, следовательно, формы аудитивного наклонения нельзя считать формами перфекта. Имеются некоторые случаи совпадения значений перфекта английского глагола со значениями аудитивного наклонения. Такие случаи очень редки, так как в основном в современном английском языке нет понятия заглазости, неочевидности действия и говорящий не подчеркивает достоверность и недостоверность действия в формах перфектного вида.

Формы перфектного вида в современном английском языке относятся к формам изъявительного наклонения и, следовательно, прежде всего по своему значению совпадают с формами перфекта таджикского глагола в изъявительном наклонении.

2. Формы перфектного вида в современном таджикском языке в изъявительном наклонении в силу своего вычленения по достоверности (очевидности) и недостоверности (неочевидности) действия, которые соответствуют разным наклонениям, являются менее распространенными, чем в современном английском языке. Перфектный вид в современном таджикском языке не имеет даже специальной формы для выражения значения перфекта в будущем времени. Как было показано в соответствующих главах, для современного таджикского языка почти не характерны формы будущего времени. Только в общем виде мы видим форму будущего времени, которая в основном является нормой литературного языка и очень редко употребляется в разговорной речи.

Видовременные формы в современном английском языке согласуются в предложении в основном по установленным нормам языка, по правилам согласования времен, которые отсутствуют в современном таджикском

языке. Ввиду этого формы перфектного вида, а также формы других видов могут выступать в различных ситуациях в контексте, но их основное категориальное видовое значение остается неизменным.

Большинство грамматистов признают наличие форм перфектно-длительного вида в современном английском языке. Основное его категориальное грамматическое значение - выражение отношения действия к пределу своего протекания как длительного и достигшего предела к моменту сообщения об этом действии, где предел имеет более широкое значение и не является аналогичным значению конца действия.

В современном таджикском языке отсутствует особая форма перфектно-длительного вида, хотя ее контекстуальное значение наблюдается. Оно передается или формой длительного вида, или длительной формой аудитивного наклонения, а в большинстве случаев — лексическим способом.

Суммируя изложенное, можно, прийти к заключению, что грамматическая категория глагольного вида в современном английском языке представляет собой четырехчленную грамматическую оппозицию, где форма общего вида является немаркированной, а остальные формы глагольных видов маркированными. Бинарные оппозиции выступают как один из видов связи в системе глагольных видов современного английского языка. Грамматическая категория глагольного вида в современном таджикском языке представляет собой трехчленную грамматическую оппозицию, где форма общего вида также является немаркированной, а остальные — маркированными. Спецификой современного таджикского языка является то, что, в нем не имеется особой грамматической формы перфектного вида, которая была бы аналогична английской форме.

Категориальное значение трех видов в таджикском и английском языках совпадает, хотя имеются отдельные случаи их несоответствия в плане контекстуального значения. Данное явление объясняется спецификой каждого отдельного языка, и поэтому при сопоставлении форм глагольного

вида современном таджикском и английском языках следует учесть их общность и частные разновидности, как в плане значения, так и в плане выражения данных значений.

Список использованной литературы:

1. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учебник / И.В. Арнольд. - 3-е изд., - М.: Высшая школа. -1986. - 295 с.
2. Афсаҳзод, А. Мувофиқияти хабар бо мубтадои бо исмҳои чомаъифодаёфта / А. Афсаҳзод. (на тадж. яз.) // Мактаби советӣ. - 1969. - № 12. - С. 21 - 24.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М.: Советская энциклопедия. - 1966. - 607 с.
4. Балин, Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским / Б.М. Балин. –Калинин: Политграф. -1969. - 167 с.
5. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка \ Ш.Бали. Пер. с франц. – М.: МС-принт. -1955. – 234 с.
6. Барноходжаева, Х. С. Англо-узбекско-русский разговорник \ Х.С.Барноходжаева - Ташкент: Укитувчи, 1977. - 171 с.
7. Бархударов, Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. - М.: Высшая школа. -1975. - 156 с.
8. Бархударов, Л.С. Семантика связочных глаголов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бархударов Леонид Степанович. - М.: М-принт. -1951. - 218 с.
9. Бархударов, Л.С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. - М.: Высшая школа. - 1973. - 424 с.
10. Басова, Р.В. Категория страдательного залога в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Басова Р. В. - Л. - 1971. - с. 167
11. Бенвенист, Э. Глаголы «Быт и имет» - и их функции в языке // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М.: МакЦентр, 1974. -С. 203-224
12. Березин, Н. 1853. Грамматика персидского языка \ Н.Березин. Казань: Софит, 1926. – 544 с.

13. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. М.: Высшая школа, 2000. -380 с.
14. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Текст / В.В. Богданов. - Л.: ЛГУ. - 1977. - 204 с.
15. Бойко, В.Г. Немецкий перфект как форма выражения темпорально-аспектуальной соотнесенности \ В.Г.Бойко \ \ II Вопросы функциональной грамматики немецкого языка: межвуз. сб. –Л.: Ксерокс, 1986. -С. 85.
16. Бондарко, А.В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. - СПб.: Кубик, 1991. - С. 125-141.
17. Бондарко, А.В. Временные категории (на материале русского языка) / А.В. Бондарко // Категоризация мира: пространство и время. - М.: Принт, 1997. - С. 31-34.
18. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. - Л.: Экхил, 1976. - 248 с.
19. Бондарко, А.В. К теории поля в грамматике. Залог и залоговость / А.В. Бондарко // Вопр. языкознания. М., 1972. - № 3. - С. 20-35.
20. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. - М.: Прогресс. - 2001. - 219 с.
21. Брой, В. Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист: имперфект: перфект) на основе взаимодействия с лексикой. – В кн.: Типология вида: проблемы, поиски, решения. -М.: Прогресс, 1998. -124 с.
22. Бунина, И.К. История глагольных времен в болгарском языке \ И.К.Бунина. -М.: Наука, 1970. - 296с
23. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. - М.: Высшая школа. - 1981. - 186 с.
24. Васильева-Швед, О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка // Морфология и синтаксис / О.К. Васильева-Швед, Г.В. Степанов. - М.: Высшая школа. -1972. - 344 с

25. Виссер, Э. Скандинавские языки/Виссер Э: Пер. со швед и предис. С. Д Концнельсона. -М: Изв-во иностр., 1949. -456 с.
26. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. - М.: Прогресс, 1972. - 476 с.
27. Винокурова, А.А. Пассивные конструкции в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Винокурова А. А. - М. - 1973. - 31 с.
28. Войшвилло, Е.К. Понятие как форма мышления / Е.К. Войшвилло. - М.: Изд. МГУ. - 1989. - 293 с.
29. Воронина, Г.Б. Роль агенса при пассивной конструкции (на материале современного немецкого языка в сопоставлении с современным английским и шведским): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Воронина Г. Б. - М. - 1973. - с. 168
30. Воронцова, Г.Н. Очерки по грамматике английского языка / Г.Н. Воронцова. - М.: Издательство литературы на иностранных языках. - 1960. - 370 с.
31. Воронцова, Г.Н. Значение перфекта (Perfect Present) в современном английском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Воронцова Г. Н. - М.: Наука, 1953. - 32 с.
32. Вострикова, Л. И. Структура группы связного глагола в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вострикова Л. И. - Л. - 1970. - 231 с.
33. Выгодский, Л.С. Мышление и речь. В кн.: Собр. соч. Проблемы общей психологии / Л.С. Выгодский. - М.: Прогресс, 1982. -544 с.
34. Ганшина, М. А и. Василевская Н. М: Грамматика английского языка/ English Grammar. -М.: Foreign languages, 1974. -222 с.
35. Гафурова, Ф.К. Отношение между категорией залога и лексико-синтаксической классификацией глаголов в английском и таджикском

языках / Ф.К. Гафурова // Учёные записки. ХГУ им. акад. Б. Гафурова. - 2012. - № 1 (29). - С. 109 - 129.

36. Гафурова, Ф.К. Структурный анализ пассива личных форм английского и таджикского глагола / Ф.К. Гафурова // Учёные записки. ХГУ им. акад. Б. Гафурова. - 2012. - № 3 (31). - С. 79 - 91.

37. Гафурова, Ф.К., Зикриёев Ф.К. Андешахо роҷеъ ба тарзҳои фоилӣ ва мафъулии феълҳои англисӣ ва тоҷикӣ / Ф.К. Гафурова, Ф.К. Зикриёев // Известия академии наук РТ: Филология и востоковедение. - 2013. - № 1 (13). - С. 5-12.

38. Григорьев, В.В. Обзорение диалектических отличий употребительного глагола у бухарских таджиков персидского языка. //В.В. Григорьев. – Казань. - 1861. - 159 с.

39. Гогошидзе, В.Д. Взаимодействие семантики и грамматики в системе английского глагола / В.Д. Гогошидзе. - Душанбе: Дониш, 1985. - 153 с.

40. Грамматикаи забони хозираи адабии тоҷик. Ҷ. I. Фонетика ва морфология - Душанбе: Дониш. - 1985. - С. 169

41. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков \ Дж. Гринберг\ \ Пер. с англ. «Новое в лингвистике». – М.: Наука, 1963. -332 с.

42. Гуревич, В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского языка / В.В. Гуревич. - М.: Наука. - 2003. - 168 с.

43. Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / М.М. Гухман. - М. – 1955. - С. 189 – 211

44. Гухман, М.М. Становление страдательного залога германских языков и развитие строя предложения (из истории предикативных отношений): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / М. М. Гухман. - М.: Акад. наук СССР. - 1950. - 53 с.

45. Гухман, М.М. Страдательный залог в индоевропейских языках и проблема залоговой дифференциации / М.М. Гухман. Труды ВИИЯ. - 1945. - 156 с.
46. Джамshedов, П. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках / П. Джамshedов. - Душанбе: Маориф. -1989. - 176 с.
47. Джамshedов, П. Сопоставительный анализ английских глагольных форм и таджикского. муайян / П. Джамshedов. - Душанбе: Маориф. - 1973. - 175 с.
48. Джамshedов, П. Проблема глагольной типологии \ П.Джамshedов. – Душанбе:Дониш, 1984. - 160 с.
49. Елизабета, К. Т. Грамматикализация кембридж \ К.Т.Елизабета. – Кембридж: Пресса университета кембриджа, 1973. –С. 272.
50. Ермолаева, Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ермолаева Л.С. - М. - 1978. - 49 с.
51. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. - М. - 1958. - 404 с.
52. Жуковский, В. Краткая грамматика новоперсидского языка \ В.Жуковский. -СПб.: Пресс, 1990. - 438 с.
53. Забони адабии хозираи тоҷик, Ҷ. 1. - Душанбе: Ирфон. - 1973. - 452 с.
54. Завражина, Е.П. Пассивные конструкции с агентивным дополнением в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Завражина Е. П. - Л. - 1989. - 167 с.
55. Зарубин, И.И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. //И.И Зарубин. – М.: Академия наук СССР. -1928. - 180 с.
56. Зикрияев, Ф. К., Зохидов А. Таджикский язык / Ф.К. Зикрияев, А. Зохидов. – Душанбе: Дониш, - 2008. - 144 с.
57. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. - М.: Наука. - 1973. - 250 с.

58. Ибрагимова, Р.А. Причастие в современных таджикском и английском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ибрагимова Рано Абдушукуровна - Худжанд – Душанбе. - 2010. - 178 с.
59. Иванова, И.П. Вид и время в современном английском языке / И.П. Иванова. - Л.: Изд. ЛГУ. - 1961. - 197 с.
60. Иванова, И.П. Система видо-временных форм глагола, в кн: И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа. -1981. - 285 с.
61. Иванова, И.П., Чахоян Л.П. История английского языка \ И.П.Иванова, Л.П.Чахоян. -М.: Наука, - 1976. – 332 с.
62. Ильиш, Б.А. Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке \ Б.А.Ильиш \ \ Вопросы германского языкознания. - М. - 1961.
63. Ильиш, Б.А. Современный английский язык / Б.А. Ильиш. Изд. 2. - М.: Издательство литературы на иностранных языках. - 1948. - с. 171
64. Ильиш, Б.А. История английского языка \ Б.А.Ильиш. – М. – 1955. - 454 с.
65. Иртеньева, Н.Ф. Грамматика современного английского языка. (теоретический курс) / Н.Ф. Иртеньева. - М.: Наука, - 1956. - 224 с.
66. Искандарова, Д.М. Фазовые значения как компонент поля аспектуальности в таджикском языке в сопоставлении с телугу: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20 / Искандарова Д. М. Таджикский гос. нац. ун-т.- Душанбе. - 1997. - 38 с.
67. Источники иллюстративного материала. //Айнӣ, С. Ғуломон. Сталинобод: Куллиёт ҷ. III. //С.Айнӣ.-1960.-611с. //Войнич Э.Л. Ғурмағас / Э.Л.Войнич.- Душанбе. - 1983.- 320с.
68. Икромӣ, Ҷ. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.4. / Ҷ.Икромӣ.- Душанбе: Адиб. - 1973.- 450с.

69. Кашкин, В.Б. Функциональная типология перфекта \ А.К.Кашнин. –Воронеж: Ор-граф, 1991. -98 с.
70. Корсаков, А.К. The Use of Tenses in English / А.К. Корсаков. Lvov University Press. 1969. - 214 с.
71. Корсаков, А.К. Категория вида в современном английском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / Корсаков А.К. – Тбилиси. - 1970. - 26 с.
72. Корсаков, А. К. Простое прошедшие системе видовременных глагольных форм современого английского языка. Автореф. дис. Канд. филол. наук. -Львов, 1958. -62 с
73. Крылова, И.П., Гордон Е.М. Грамматика современного английского языка / И.П. Крылова, Е.М Гордон. 5-е изд. - М.: Университет: ГЛОССА. - 2000. - 448 с.
74. Косимова, М. Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои соддаи насри XI / М. Косимова. - Душанбе: Ирфон. - 1976. - 112 с.
75. Кузнецов, П.Е. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий. // П.Е. Кузнецов.- Ташкент. - 1915.- 56с.
76. Кузьмина, И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. - М.: Пресс, 1971. -333 с.
77. Лебедева, Н.В. Происхождение и развитие формы трёхсложного перфекта в английском языке. (Настоящее время). Автореф.дис....канд. филол. наук.-М., 1953. -543 с.
78. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. - М.: Прогресс. - 1978. - 544 с. 172
79. Левицкий, Ю.А. Пассив в системе глагольных форм. – В кн.: Проблемы теории грамматического залога / Ю.А. Левицкий. - Л. - 1978. - 229 с.
80. Лекант, П.А. Типы и форма сказуемого в современном русском языке / П.А. Лекант. - М.: Высшая школа. - 1976. - 144 с.

81. Леонтьева, Н.Н. О статусе валентностей в информационном анализе текста. // Семиотика и информатика / Н.Н. Леонтьева. - М.: Школа «Языки русской культуры». - 1998. - Вып. 36. - С. 41-50.
82. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. - М.: Изд. МГУ. - 1975. - 253 с.
83. Мамадназаров, А. Сравнительно-типологическое изучение условно-желательного склонения в современных английском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мамадназаров Абдусалом. – Тбилиси. - 1986. - 26 с.
84. Мейе, А. Основные особенности германской группы языков. – М. - 2003.
85. Мещанинов, И.И. Проблемы развития языка / И.И. Мещанинов. - Л.: Наука. - 1975. - 352 с.
86. Маъсумӣ, Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷ. II. Забоншиносӣ. // Н. Маъсумӣ.- Душанбе. - 1980. - 352 с.
87. Миллер, Дж.Э. Типология и варианты языка: английский перфект. – В кн.: Типология вида: проблемы, поиски, решения. -М.:Наука, 1998. -102 с.
88. Носирова, Ф.Х. Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языке: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Носирова Фируза Хашийбаевна – Душанбе. - 2002. - 162 с.
89. Недялков, В.П. (ред.). Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект. Л., 1983 с 165
90. Ниёзӣ, Ф. Асарҳои мунтахаб. Ҷ. I. / Ф.Ниёзӣ.- Душанбе: Адиб. - 1974.- 526 с.
91. Ниязмухамедов, Б. Н.. О развитии современного таджикского литературного языка [Текст] / Б. Ниязмухамедов, действ. чл. АН Тадж. ССР д-р филол. наук проф. - Душанбе : [б. и.], 1967. - 12 с.

92. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Под редакцией Н. Ю. Шведовой. 15-е стереотипное издание. - М.: Русский язык, 1984. - 900 с.
93. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том 1. - М.: Наука, 1975. - 476 с.
94. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том 2. - М.: Наука, 1975. - 343 с.
95. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Под ред. Расторгуевой В.С. - М.: Наука. - 1982. - 570 с.
96. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. Под ред. Расторгуевой В. С. - М.: Наука. - 1981. - 544 с.
97. Панусянц, А.С. Предпрошедшее длительное время в английском языке: Дис. канд. филологических наук. -М., 1962 -176 с.
98. Пауль, Г. Принципы истории языка \ Г.Пауль. – М.: Наука, 1960. -223 с.
99. Пейсиков Л.С. К типологии служебных глаголов в персидском языке, "Вопросы языка и литературы стран Востока", вып.1, -М., 1958. -321 с.
- 100.Перли, В.П. Система форм длительного перфекта в современном английском языке / В.П. Перли. –М.:Наука, 1990. -334 с.
- 101.Плоткин, В.Я. Грамматические системы в английском языке \ В.Я.Плоткин. –Кишинев: Здоровье. - 1975. с 120
- 102.Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. - М.: Просвещение. - 1968. - 580 с.
- 103.Почепцов, Г.Г. О принципах синтагматической классификации глаголов // Филологические науки / Г.Г. Почепцов. – 1969. - № 3. - С. 8-15.
- 104.Расторгуева, В.С. Глагол // Предложение. Таджикско-русский словарь под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенской. – М. - 1954. - 571 с.
- 105.Расторгуева, Т.А. Курс лекций по истории английского языка. – М. - 1969.

- 106.Расторгуева, В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола / В.С. Расторгуева, А.А. Керимова. - М.: Наука. - 1964. - 292 с.
- 107.Расторгуева, Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка \ Т.А.Расторгуева. -М.: Наука, 1989. -446 с.
108. Расторгуева, В.С. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки \ В.С. Расторгуева. -М.: Наука. - 1982. - 570 с.
- 109.Резников, А.Л. Новоанглийский пассив (функционально-грамматическое исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Резников А. Л. - Л. -1984. - 190 с.
- 110.Резниковская, Г.А. К вопросу о грамматическом значении вида глагола в современном английском языке \ Г.А.Резниковская // Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской. - т. 64. вып. 3. - 1958. - С. 34-46.
- 111.Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э Розенталь, М.А. Теленкова. - М.: Просвещение. - 1976. - 544 с.
- 112.Розенфельд, А.З. Глагол (Очерки по грамматике современного таджикского языка) / А.З. Розенфельд. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР. - Вып. 4. 1954. - 80 с.
- 113.Розенфельд, А.З. Очерки по грамматике таджикского языка. // А.З. Розенфельд. - Выпуск 1. – Сталинабад. - 1953. - 47с.
- 114.Розенфельд, А.З. Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Розенфельд А. З. - Л.: Наука. - 1966. - 32 с.
- 115.Рустамов, Ш. Мувофиқияти хайар бо мубтадо \ Ш.Рустамов // Мушкилоти синтаксис. - Душанбе: Маориф. - 1988. - С. 6-54.
- 116.Семенов, А.Л. Перевод: теория, практика и методы пре-преподавания \ А.Л.Семенов. -М.: Академия, 2001. – 193. -С. 49.
- 117.Серебренников, Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка \Б.А.Серебренников. – М.: Наука, 1968. – 664 с.

118. Сиёев, Б. Очерк доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик. / Б. Сиёев. - Душанбе: Дониш. - 1968. - 113с.
119. Сильницкий, Г.Г. Глагольная валентность и залог // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов / Г.Г. Сильницкий. - Л. - 1974. - С. 54-73.
120. Сильницкий, Г.Г. Предикативное отношение и его роль в пассивном преобразовании // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Г.Г. Сильницкий. - М. - 1981. - С. 39 - 45.
121. Сильницкий, Г.Г. Семантические классы глаголов и их роль в типологической семасиологии // Структурно-типологическое описание современных германских языков / Г.Г. Сильницкий. - М.: Наука. - 1966. - 215 с.
122. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А.И Смирницкий. - М. - 1957. - 418 с.
123. Смирницкий, А.И. Значение слова / А.И. Смирницкий // ВЯ - 1955. - № 2. - С 79-89.
124. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. - М.: Издательство литературы на иностранных языках. - 1959. - 440 с.
125. Смирницкий, А.И. Древнеанглийский язык \ А.И. Смирницкий. – М. - 1955. – 225 с.
126. Смирницкий А.И. История английского языка \ А.И.Смирницкий. – М. – 2000. -238 с.
127. Смирницкий, А. И. Перфект и категория временной отнесённости. \ Смирницкий А.И. М.: Наука, 1955. -334 с.
128. Стеблин-Каменский. Древнескандинавских языков/ М-И. Стеблин-Каменский . М-Л: Изд-во АН СССР, 1953. -340 с.

- 129.Таджиев, Д.Т. Причастие в современном таджикском литературном языке \ Д.Т. Таджиев \ \Очерки по грамматике таджикского языка. Выпуск 5. – Сталинабад. - 1954. – 128 с.
- 130.Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. - СПб.: Наука. - 1991. - 364 с.
- 131.Типология результативных конструкций. (Результатив, статив, пассив, перфект). - Л.: Пресс, 1983. -200 с.
- 132.Толис, П. Куллиёт. Ҷ. I. / П.Толис. - Душанбе: Ирфон. -1974. - 671 с.
- 133.Тошов, А.Ю. Сравнительно-сопоставительный анализ категории залога (страдательный) в таджикском, английском и русском языках (сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Тошов А.Ю. – Душанбе. - 2013. - 167 с.
- 134.Турсун, С. Камони Рустам: Повест. / С.Турсун.- Душанбе: Маориф. - 1982. -176 с.
- 135.Усмонов, К. Грамматикаи назарии забони англиси / К. Усмонов. - Душанбе, Худжанд: Нури марифат. - 2010. - с. 175
- 136.Усмонов, К. К вопросу о грамматическом значении категории залога // Совершенствование обучения языкам в условиях перестройки высшей школы / К. Усмонов - Душанбе: Дониш. - 1990. - С 47-52.
- 137.Усмонов, К. Видо-временна я характеристика причастия в английском и таджикском языках / К. Усмонов // Учёные записки ХГУ им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. - № 2. - 2006. - С 38-44.
- 138.Усмонов, К. Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / К. Усмонов. - Худжанд: Нури марифат. 2015. - 230 с.
- 139.Усмонов, К., Гафурова Ф.К. О коммуникативной направленности агентивного дополнения в английском и таджикском языках / К. Усмонов, Ф.К. Гафурова // Учёные записки ХГУ им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. - № 3 (36). - 2013. - С. 95-102.

140. Усмонов, К., Ибрагимова Р.А. Глагольные признаки причастия в таджикском и английском языках. //К. Усмонов Р.А., Ибрагимова - Сборник научных трудов ТГУК. – Худжанд: Маориф, 2008. -124 с.
141. Усмонов, К., Ибрагимова Р.А. Генезис причастий в таджикском и английском языках / К. Усмонов, Р.А. Ибрагимова // Вестник Таджикского Национального Университета. - Душанбе: Сино. - 7 (63) - 2010. - С. 82 – 85.
142. Усмонов К., Ибрагимова Р.А. Категория залога в системе причастий английского и таджикского языков / К. Усмонов, Р.А. Ибрагимова // Актуальные вопросы филологии. Вып. III, - Душанбе.- 2009. - С. 30-36.
143. Уфимцева, А.А. Об особенностях семантики глагольных лексем английского языка / А.А. Уфимцева // Теория языка. Кельтология. Институт языкознания АН СССР. М.: Наука. - 1976. - С. 141-151.
144. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева // М.: Наука. -1974. - 280 с.
145. Успенский, Б. А. Структурная типология языков \ Б.А.Успенский. - М. - 1965. – 222 с.
146. Хаймович, Б.С., Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка \ Б.С.Хаймович, Б.И.Роговская. – М.: Наука, 1967. -442 с.
147. Халилов, А. Способы выражения субъектной модальности в современном таджикском литературном языке / А. Халилов. - Душанбе: Дониш. - 1985. - 90 с.
148. Хамроалиев, Н. Глагольный вид в современном английском и таджикском языках / Н. Хамроалиев. -Душанбе: Дониш. - 1979. - 160 с.
149. Хлебникова, И.Б. Некоторые вопросы типологического сопоставления видо-временных систем / И.Б. Хлебникова // Текст // 176 Структурно-типологическое описание современных германских языков. - М.: Наука. - 1966. - С. 62-73.

150. Шахобова, М. Б. Забони англисӣ (для таджикских ВУЗов) \ М.Б.Шахобова. -М.: Прес. – 1971. – 140 с.
151. Шахобова М. Б. 1971. Некоторые вопросы лексики и грамматики английского языка \ М.Б.Шахобова. –Душанбе: Дониш, 1971. -90 с.
152. Шенк, Р. Обработка концептуальной информации. /Пер. с англ / Р. Шенк. - М.: Энергия. - 1980. - 360 с.
153. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв - М.: Просвещение. - 1977. - 336 с.
154. Штелинг, Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учебное пособие / Д.А. Штелинг. - М.: МГИМО. - ЧеРо. -1996. - 254 с.
155. Штелинг, Д. А. Категория перфект/неперфект и грамматика текста \ Д.А.Штелинг. –М.:Наука, 1975. -324 с.
156. Штелинг, Д.А. О неоднородности грамматических категорий \ Д.А. Штелинг // Вопросы языкознания. – 1959. – №1. – С.55-64.
157. Эгреси, М.М. Параллельное употребление простой и распространенной формы перфекта настоящего времени в современном английском языке \ М.М.Эгреси // Проблемы значения и функционирования современных английских глагольных форм на уровне морфологии и синтаксиса. – Ужгород: Принт-граф, 1981. –С. 9-24
158. Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол \ Р.Якобсон \ Принципы типологического анализа языков различного строя. - М. – 1972. - 101 с.
159. Ярцева, В.Н. Длительные времена и проблема вида в английском языке / В.Н. Ярцева // Уч. Зап. ЛГУ. - вып. 5. -№ 58. - С. 138 - 147.
160. Ярцева, В.Н. Категория активности и пассивности в английском языке / В.Н. Ярцева // Ленинградский государственный университет. Труды юбилейной сессии. Секция филол. наук. - Л. - 1946. - С. 30 - 44.

161. Ярцева, В.Н. Историческая морфология английского языка. – М.: Наука, 1961. -145 с.

162. Ярцева, В.Н. Проблема парадигмы в языке аналитического строя. – М.: Наука, 1961. -180 с.

Литература на иностранном языке:

164. Allen, R.L. The Verb System of Present-Day American English. The Hague-Paris, Mouton, 1966 - 303 p.
165. Ayni, S. Gulomon (The Slaves) / S.Ayni.- Stalinobod: Kulliyot (collection of words) volume III. 1960.
166. Bull, W.E. Time, Tense and the Verb. A Study in theoretical linguistics with particular attention to Spanish. / W.E. Bull. Los Angeles: Univ. of California Press, 1960. - Vol. 19. - VIII + 120 p.
167. Blackburn, F. The English Future, its Origin and Development. – Leipzig, 1892.
168. Curme, G. D.1931. A Grammar of the English Language. Syntax.Vol. III London-New York: D.C Health and Company, 616p
169. Friden, G. Studies on the Tenses of the English Verb from Chaucer to Shakespeare / G. Friden. Uppsala, 1948.
170. Grigoryev, V.V. Review of dialectal Differences of Persian Language spoken by Tajiks of Bukhara/ V.V. Grigoriev.- Kazan, 1861.
171. Halliday, M. A. Notes on transitivity and Theme in English \ Halliday M. A.\\ Journal of linguistics, 1967, №3, p 37-81.
172. Ikromiy, J. Selected Works, volume IV/ J.Ikromiy.- Dushanbe: Adib, 1973.
173. Ilyish, B.A. A History of English Language. – L., 1973.
174. Joos, M. The English Verb: Form and Meanings. – Madison; Millwaukee, 1964

175. Jamshedov, P. Semantics of Aspect in Russian, Tajik and English Languages/ P.Jamshedov.-Dushanbe: - Maorif: 1989.
176. Jalil, R. Selected Works, volume II./ R.Jalil.- Dushanbe: Adib, 1988.
177. Jespersen, O. Language, its Nature, Development and Origin. – London, 1949.
178. Jespersen, O. A Modern English Grammar on Historical Principles, Part IV, vol.3. – Heidelberg, 1931.
179. Joos, M. The English Verb: Form and Meanings. – Madison; Millwaukee, 1964 p 66-75
180. Kuznetsov, P.E. A Contrastive Grammatical Essay on Tajik and Sart dialects/ P.E. Kuznetsov.-Tashkent: 1915.
181. Kruisinga, E.A Hand book of Present-day English Noordhoff Groningen 1931 Vol.3. 79-65 p
182. Leacock, St. Perfect Lover's Guide and Other Stories.-M.: Foreign Languages Publishing House, 1963.
183. Marckwardt, A.H. American English. H.Y.: Oxford Univ.Press, 1965. - 194 p.
184. Ma'sumi, N. Selected Works, volume II. Linguistics/ N. Ma'sumi.- Dushanbe: 1980.
185. Mosse, F. A. Handbook of Middle English. Baltimore, 1952.
186. Mustanoja, T.F. Middle English Syntax. – Helsinki, 1960.
187. Niyozı, F. Selected works, volume I. / F.Niyozı.-Dushanbe: Adib, 1974.
188. Palmer, H. E. 1924. A Grammar of spoken English. Cambridge, 239p
189. Poutsma, H.1926. A Grammar of late Modern English. Part II. Groningen. 384p
190. Rastorgueva, V.S. A Short Essay on the Grammar of Tajik language/ V.S. Rastorgueva. An appendix to the Tajik-English Vocabulary.-M.: 1954.
191. Rastorgueva, V.S., Kerimova A.A. The System of the Tajik Verb/ V.S. Rastorueva, A.A. Kerimova. -M.: Nauka,-1964.

192. Rozenfield, A.Z. Essays on Tajik Grammar/A.Z. Rozenfield, first edition.- Stalinabad: 1953.
193. Siyaev, B. An Essay on the History of Tajik Literary Language/ B. Siyaev.- Dushanbe: Donish- 1968.
194. Sweet, H. A New English Grammar. Logical and Historical. – Oxford, 1930.
195. Tajiev, D.T. Participle in the Modern Tajik Literary Language/ D.T. Tajiev. - In the Book: Essays on Grammar of Tajik Language, fifth edition.-Stalinabad: 1954.
196. The Modern Tajik Literary Language, volume I, Dushanbe: Irfon, 1973.
197. Trnka, B. On the Syntax of the English Verb from Caxton to Dry den. In: Travaux du Cercle Linguistique de Prague. - Prague, 1930 - 95 P*173»
Trnka B. Principles of Morphological Analysis. In: Philologica Pragensia, v.4, N 3, 1961, p. 129 - 137»
198. The Principles of Iranian Linguistics. Modern Iranian Languages. -M.: Nauka - 1982.
199. Tolis, P. Kulliyot (collection of words), volume I. / P.Tolis.-Dushanbe: Irfon, 1974.
200. Tursun, S. Kamoni Rustam (Rustam's Bow), Narratives / S.Tursun.- Dushanbe: Maorif, 1982.
201. Tranka, B. On the Syntax of English Verb from Caxton to Dryden. – Prague, 1930.
202. Usmonov, K., Ibragimova R.A. Verbal Properties of Participle in Tajik and English languages / K.Usmonov, R.A. Ibragimova. Collected Articles of the TSUC - Khujand:2008.
203. Voynich, E.L. Gurmagas (the godsey) / E.L.Voynich.- Dushanbe, 1983.
204. Voynich E.L. The Gadfly. Foreign languages publishing house / E.L.Voynich.-Moscow,1954.
205. Voynich, E.L. The Gadfly. Foreign languages publishing house. Moscow, 1954.

206. William, E. Bull. University of Colifornia Press Berkeley \ William, E. -Los Angeles, London, 1989. -340 p.
207. Zarubin, I.I. An Essay on the spoken language of Samarkand Jews / I.I. Zarubin. –M.: Science, 1927. – 443 p.

Список Интернет-ресурсов

208. [http://www.uilots.let.uu.nl/conferences/
Perspectives_on_Aspect/Proceedings/stoevsky.pdf](http://www.uilots.let.uu.nl/conferences/Perspectives_on_Aspect/Proceedings/stoevsky.pdf).
209. [http://www.sear.utoronto.ca/~binnick /TENSE/http.html](http://www.sear.utoronto.ca/~binnick/TENSE/http.html)
210. [http://www.let.uu.nl/~Esther. Ruigenjk/personal/pioneer.pdf](http://www.let.uu.nl/~Esther.Ruigenjk/personal/pioneer.pdf).
211. [http://www.ebbs.english.vt.edu/ hel/hel.html](http://www.ebbs.english.vt.edu/hel/hel.html)